

КЛИФФОРД РАЙМАН

МАСТОДОНИЯ

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Клиффорд Саймак

Мастодония

«Азбука-Аттикус»

1978, 1980, 1981, 1969

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Саймак К. Д.

Мастодония / К. Д. Саймак — «Азбука-Аттикус», 1978, 1980, 1981, 1969 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-22535-0

Клиффорд Саймак – один из отцов-основателей современной фантастики, писателей-исполинов, благодаря которым в американской литературе существует понятие «золотой век НФ». В начале литературной карьеры Саймак писал «твердые» научно-фантастические и приключенческие произведения, а также вестерны, но затем раздвинул границы жанра НФ и создал свой собственный стиль, который критики называли мягким, гуманистическим и даже пасторальным, сравнивая прозу Саймака с прозой Рэя Бредбери. За пятьдесят пять лет Саймак написал около тридцати романов и более ста двадцати повестей и рассказов. Награждался премиями «Хьюго», «Небьюла», «Локус» и другими. Удостоен звания «Грандмастер премии „Небьюла“». В этот сборник вошли четыре романа, относящиеся к позднему этапу творчества Клиффорда Саймака. Роман «Мастодония» публикуется в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-22535-0

© Саймак К. Д., 1978, 1980, 1981, 1969
© Азбука-Аттикус, 1978, 1980, 1981,
1969

Содержание

Мастодония	7
Пришельцы	117
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Клиффорд Саймак Мастодония

Clifford D. Simak
MASTODONIA
Copyright © 1978 by Clifford D. Simak
THE VISITORS

Copyright © 1980 by Clifford D. Simak
PROJECT POPE

Copyright © 1981 by Clifford D. Simak
OUT OF THEIR MINDS

Copyright © 1969 by Clifford D. Simak
All rights reserved

© О. Г. Битов (наследник), перевод, 1993

© А. С. Полошак, перевод, 2022

© Н. А. Сосновская, перевод, 1993

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Азбука®

* * *

Читать фантастику – это значит читать Саймака.
Роберт Э. Хайнлайн

Саймак любил людей и верил в них, призывая к духовной общности различных разумов, вне зависимости от количества конечностей или наличия хвостов. Он презирал ксенофобов и шовинистов, верил в торжество здравого смысла. Именно эта вера в лучшее, в то, что «вместе мы преодолеем!», – одна из главных причин, по которой книги Саймака тянет перечитывать даже в наше циничное время. Ведь в самых грустных его произведениях всегда проглядывает наивный, но притягательный оптимизм.
Мир фантастики

Всякий, кто когда-нибудь прочел хоть одну его книгу, не может не полюбить Саймака.
Пол Андерсон

Такие острые идеи, такой мягкий слог.
The Guardian

Я читал Саймака очень внимательно и не мог не отметить простоту и прямолинейность его прозы – как и ее абсолютную естественность. Мне даже захотелось подражать ему, я годами учился писать так же просто и ясно.
Айзек Азимов

Мастодония

Глава 1

Где-то заскулил пес, и я, толком не проснувшись, привстал в кровати. В спальню проник призрачный луч рассвета, выхватил из темноты стоптанный ковер, старенький комод, одежду за открытой дверцей гардероба.

– Что такое, Эйза?

Я повернулся, увидел на кровати Райлу и спросил себя, как вышло, что после стольких лет она здесь, рядом.

А потом вспомнил, хоть и смутно.

Снова заскулил пес, теперь ближе, и я понял, что ему больно и страшно.

Мало-помалу я вылез из постели, схватил брюки и поелозил ногами по полу в поисках шлепанцев.

– Это Бублик, – сказал я Райле. – Вчера так и не вернулся. Я думал, он сурка нашел.

Бублик им прохода не дает. Как почует сурка, пиши пропало: до центра Земли докопается, дурья башка. Обычно я забираю его со двора, но вчера приехала Райла, и мне недосуг было его искать.

Я вышел на кухню. Бублик подвывал на крыльце. Я открыл дверь, и вот он, мнетя на пороге, а из лапы торчит деревяшка.

Я нагнулся, приобнял его и завалил на бок – посмотреть, что там. Оказалось, в задней лапе у него не деревяшка, а что-то вроде дротика с каменным наконечником. Вернее, не в лапе, а чуть выше, в бедре. Бублик поглядывал на меня и жалобно повизгивал.

– Что такое, Эйза? – спросила Райла, стоя в дверях.

– Поранили его, – сказал я. – Дротиком.

Она быстро вышла на крыльцо, обогнула нас двоих и спустилась по ступенькам на землю.

– Смотри, наконечник проник не до конца. Еле держится.

Схватила за древко, ловко выдернула дротик, Бублик истошно взвизгнул и снова заскулил. Его била дрожь. Я взял пса на руки и отнес на кухню.

– В зале кушетка, на ней одеяло, – сказал я Райле. – Принесешь? Сделаем ему подстилку в углу. – Повернулся к Бублику. – Ну тише, тише. Ты дома, все хорошо. Мы тебя вылечим.

– Эйза!

– Я тут.

– Это фолсомский наконечник. – Она показала мне дротик. – Как он оказался в лапе у твоей собаки?

– Чей-то неслук отличился, – ответил я. – Пацаны, они же сущие дьяволята.

– Глянь, как он крепится к древку, – усомнилась Райла. – Мальчишка так не сумел бы.

– Одеяло неси, – напомнил я. – Пожалуйста.

Она положила дротик на стол и ушла за одеялом. Принесла, свернула вдвое, встала на колени, постелила одеяло в углу, и я опустил на него Бублика.

– Все нормально, друг, мы тебя подлечим. Ранка неглубокая.

– Эйза, ты не понял? Или не слышал?

– Все я слышал, – сказал я. – Фолсомский наконечник. Был в ходу у палеоиндейцев. Десять тысяч лет назад. Впервые найден в костях доисторического бизона.

– Более того, – добавила Райла, – древко обработано скреблом. По древней технологии.

– Да, знаю, – кивнул я. – Не хотел тебя смущать, но раз уж мы затронули эту тему... Бублик, как видно, путешествует во времени. Однажды приволок домой кости динозавра...

– Зачем собаке кости динозавра?

– Ты не поняла. Не окаменелости. Свежие кости. Даже не заветрились. На них остались кусочки мяса. И принадлежали они некрупному динозавру. Размером с собаку. Может, чуть больше.

Но Райла пропустила мои слова мимо ушей.

– Возьми ножницы: надо состричь шерсть вокруг раны. И еще нужна теплая вода, чтобы промыть. Где у тебя аптечка?

– В ванной. Справа от зеркала. – Она пошла за водой, и я окликнул: – Райла?

– Что?

– Хорошо, что ты здесь.

Глава 2

Она явилась прямиком из прошлого. До вчерашнего вечера я не видел ее двадцать лет.

Я сидел перед домом в шезлонге под раскидистым кленом, когда на подъездную дорожку свернула большая черная машина. Еще подумал с ленцой: «Кого черти принесли?» Сказать по правде, в последнее время не особо хотелось кого-то видеть. Я научился ценить одиночество, а чужие... чужим тут, мягко говоря, не рады.

Машина остановилась у ворот, и Райла вышла из нее. Я встал и направился к ограде, а она открыла ворота и зашагала мне навстречу. На полпути я узнал ее. Увидел в этой стройной, гибкой, хорошо одетой женщине девушку, которую знал двадцать лет назад. Но все равно не поверил, что это она. За долгие годы воспоминаний я привык видеть эту девушку в каждой красивой женщине.

– Райла? – позвал я, превратив это в вопрос. – Райла Эллиот?

Она тоже остановилась в десяти футах от меня и посмотрела так, словно сомневалась, что перед ней Эйза Стил. Наконец сказала:

– Эйза, это и впрямь ты. Теперь вижу. На днях говорила с приятелем, и он сказал, что ты перебрался в здешние края. Я-то думала, ты до сих пор живешь в том несурзном домишке на западе. И дня не прошло, чтобы я о тебе не вспомнила...

Она никак не умолкала. Наверное, от смущения.

Я подошел к ней.

– Эйза, – сказала она, – сколько же лет прошло...

После чего оказалась в моих объятиях – чудеса, да и только. Женщина, вышедшая из большой черной машины тем висконсинским вечером, шагнула сквозь два десятилетия; оставалось разглядеть в ней хохотушку с раскопок на Ближнем Востоке, где мы вкалывали как проклятые, разгадывая тайны древних курганов (не имевших, как оказалось, никакой ценности); я копал и просеивал песок, а она пыталась идентифицировать черепки и прочий древний хлам, разложенный на длинных столах. Время жаркое, пыльное, мимолетное. Днем мы трудились бок о бок, а ночью спали вместе, если получалось ускользнуть от остальных, хотя ближе к концу, помнится, мы осмелели, поскольку никто не обращал на нас внимания.

– Я уж не надеялся на встречу, – сказал я. – Вернее, надеялся, но не рискнул бы тебя беспокоить. Уболтал себя: мол, Райла уже не помнит меня и ей все равно, объявлюсь я или нет. Конечно, она будет сама вежливостью, и мы мило побеседуем, но темы будут дурацкие, разговор неискренний, а потом все, конец. Я не хотел, чтобы все так закончилось. Это же крест на воспоминаниях... ну, сама понимаешь. По слухам, лет десять назад ты занялась каким-то импортом-экспортом, а потом я не знал, где тебя искать...

Она крепко обняла меня, подняла лицо для поцелуя, и я поцеловал ее. Пожалуй, без бывшего волнения. Скорее, с чувством глубокой благодарности, что мы снова вместе.

– Я по-прежнему в бизнесе, – подтвердила она. – Импорт-экспорт? Можно и так сказать. Но это ненадолго. Хватит с меня, надоело.

– Что же мы стоим? – спросил я. – Как-то странно даже. Пойдем под дерево, присядем. Здесь хорошо. По вечерам я часто тут сижу. Хочешь, принесу чего-нибудь выпить?

– Потом, – отказалась она. – Тут так спокойно...

– Тихо, – сказал я. – Безмятежно. Спокойно? В университетском городке, допустим, тоже спокойно, но здесь покой иного рода. Я почти год как живу в этом покое.

– Ушел из университета?

– Нет. Творческий отпуск. Предполагается, что я пишу книгу. Честно говоря, ни строчки не написал, да и не планировал. А после отпуска уволюсь. Наверное.

– Это место... Как оно называется? Уиллоу-Бенд?

– Нет, Уиллоу-Бенд – городок, через который ты проезжала. Когда-то я там жил. У отца был магазин фермерских товаров на окраине. А эта ферма принадлежала человеку по фамилии Стритер. Здесь сорок акров. В детстве я бродил по лесам, охотился, рыбачил, исследовал эти места. И сюда забредал, обычно с друзьями. Стритер не возражал. Его сын прибил к нашей компании. Хью, по-моему. Примерно моего возраста.

– А твои родители?

– Отец давно ушел на покой. Переехал в Калифорнию. У него там брат, у матери несколько сестер на побережье. А я вернулся и купил эту ферму. Лет пять назад. Только не начинай про возвращение к корням, хотя с этим местом, Уиллоу-Бендом и окрестностями, у меня связаны самые приятные воспоминания.

– Но если это не возвращение к корням... Почему именно Уиллоу-Бенд? И эта ферма?

– Есть тут кое-что любопытное. Надо было вернуться и отыскать. Потом расскажу, если интересно. Давай лучше о тебе. Бизнес, говоришь?

– Ты будешь смеяться, – ответила она, – но я занялась доисторическими артефактами и окаменелостями. Начала с малого, но дело пошло в гору. Плюс камнесамоцветное сырье, ну и так далее. Археолог из меня не получился, палеонтолог тоже... Хотя какой-то прок от учебы. Лучше всего продаются черепа мелких динозавров, трилобиты – если они хорошо сохранились – и фоссилии рыб на камнях. Не поверишь, сколько можно выручить за удачный образец. И даже не самый удачный. Пару лет назад одна компания – она производит сухие завтраки – предложила вкладывать в упаковку сюрприз: кубик из кости динозавра. Знаешь, где мы взяли эти кости? Разработали пласт в Аризоне. С помощью бульдозеров и фронтальных погрузчиков. Выкопали сотни тонн костей, а потом распилили их на крошечные кубики. Знаешь, мне до сих пор немного стыдно. И не потому, что мы нарушили закон. Нет, земля принадлежала нам, и с юридической точки зрения все было чисто, но сколько там погибло бесценных фоссилий... Подумать страшно.

– Может, и так, – заметил я, – но деловые люди, похоже, не особо нуждаются в услугах археологов. Не говоря уже о палеонтологах.

– Напротив, – возразила Райла, – я высоко ценю таких специалистов. Помнишь, я хотела стать одной из вас, но не сложилось. Могла бы годами ездить на раскопки – ну, как мы с тобой, в том богом забытом местечке в Турции. Все лето копать, классифицировать, каталогизировать... После раскопок месяцами сидеть за классификаторами и каталогами, а между делом читать лекции придуркам-второкурсникам. Но издала бы я монографию? Черта с два. Чтобы чего-то добиться, надо работать в Йеле, Гарварде или Чикаго. И даже в этом случае пройдут годы, прежде чем на тебя обратят внимание. Да и то если повезет. На самой верхушке нет свободных мест. И не важно, сколько ты вкалываешь и как упорно выбиваешься в люди. Все места

застолбили толстосумы и хапуги, помешанные на всеобщем признании. Их оттуда с ружьем не выгонишь.

– Со мной примерно то же самое, – признался я. – Преподаю в заштатном университете. Ни исследований, ни денег даже на мелкие раскопки. Время от времени выпадает шанс попасть в крупный проект, если успел подать заявление и готов горбатиться. Только не подумай, что я жалуясь. Какое-то время мне было все равно. В университетском городке комфортно и безопасно. Там я чувствовал себя на своем месте. Когда ушла Элис... кстати, ты знаешь про Элис?

– Да, – ответила она. – Знаю.

– Честно говоря, я не был против. В смысле, что она ушла. Но наш разрыв ударил по самооценке, и я подумал, что надо бы исчезнуть на какое-то время. Спрятаться. Нет, не здесь, и я уже переболел.

– У тебя есть сын.

– Да. Его зовут Роберт. Наверное, он в Вене. С матерью. Или где-то в Европе. Элис ушла к дипломату. Профессиональному, не политикану.

– Ну а мальчик?

– Роберт? Поначалу жил со мной. Потом захотел к матери, и я не стал его удерживать.

– Я так и не вышла замуж, – сказала она. – Сперва некогда было, а потом незачем.

Какое-то время мы сидели молча. На землю напоздали сумерки. От бесформенных зарослей, заполонивших угол моего двора, тянуло ароматом сирени. По траве степенно разгуливал дрозд, то и дело останавливался и смотрел на нас стеклянным глазом.

– Дураки мы с тобой, Райла. – Не знаю, почему я это сказал. Вроде не собирался. Само вырвалось. – Так и не поняли, что было между нами.

– Поэтому я и приехала, – сказала она.

– Останешься? Надо о многом поговорить. Могу позвонить в мотель. Хорошим его не назвать, но...

– Нет, – перебила она, – поживу у тебя. Если ты не против.

– Хорошо, – кивнул я. – Посплю на кушетке.

– Эйза, – взглянула на меня Райла, – хватит джентльменствовать. Мне это не надо. Я же сказала, поживу у тебя. Что тут непонятного?

Глава 3

Мы сели завтракать. Бублик тихо лежал в углу и сверлил нас страдальческим взглядом.

– По-моему, он идет на поправку, – заметила Райла.

– Никуда не денется, – сказал я. – Оглянуться не успеешь, как все зарастет.

– Давно он у тебя?

– Бублик? Много лет. Был флегматичный городской пес, чинный и очень воспитанный. На прогулках, бывало, интересовался птичками, но без фанатизма. А после переезда его не узнать. Тот еще фокусник. К тому же помешался на сурках. Пытается их выкопать. Почти каждый вечер приходится искать его и вытаскивать из норы, а сурок знай себе пищит, подзуживает – мол, глубже копать надо! Вот и вчера я думал, что Бублик убежал за сурком.

– Думал он... Бросил собаку во дворе – и смотри, что вышло.

– Ну, у меня были дела поважнее, и я решил, что ночь на свежем воздухе ему не повредит.

– Эйза, это определенно фолсомский наконечник. Я вижу его не впервые. Такие наконечники сразу бросаются в глаза. Говоришь, Бублика подстрелил чей-то неслюх? Никакой мальчишка не сумел бы прикрепить наконечник к древку тем способом, которым он прикреплен. И еще ты упоминал кости динозавра.

– Я же говорил, что Бублик путешествует во времени, – сказал я. – Как бы невероятно это ни звучало.

– Да, Эйза Стил, это невероятно. Никто не способен путешествовать во времени. Ни человек, ни тем более собака.

– Ну хорошо. В таком случае откуда взялись свежие кости динозавра?

– Может, это были кости другого животного.

– Милая моя, мне ли не знать, как выглядят кости динозавра. В колледже я преподавал палеонтологию, и динозавры для меня – что-то вроде хобби. Я прочел все труды, которые смог достать, а однажды мы ставили экспонат в музей, и я сам собирал этот чертов скелет. Всю зиму соединял косточки, а если чего не хватало, вытачивал искусственные фрагменты и красил так, чтобы нас не обвинили в подлоге.

– Но свежие?!

– С остатками мяса, хрящей и сухожилий. Подтухшие. И от Бублика пахло не лучше. Наверное, нашел гниющую тушку, а потом извальялся в ней, чтобы собрать дивный аромат. Я три дня его отмывал. Воняло так, что в дом не впустить.

– Ну ладно, как скажешь. И как ты все это объяснишь?

– Никак. Я уже зарекся что-либо объяснять. Поначалу крутил в голове мысль, что несколько мелких динозавров дожили до наших дней, один сдох, а Бублик его нашел. Но смысла в этом не больше, чем в путешествиях во времени.

В дверь постучали.

– Кто там? – крикнул я.

– Это Хирам, мистер Стил. Я к Бублику.

– Открыто, – сказал я. – Бублик в углу. С ним беда приключилась.

Вошел Хирам – и тут же попятился, увидев за столом Райлу.

– Могу позже зайти, мистер Стил. Просто Бублика не было во дворе...

– Не переживай, Хирам, – успокоил его я. – Даму зовут мисс Эллиот. Она моя подруга. Мы давно не виделись.

Он сделал пару неловких шагов, сорвал с головы кепку, обеими руками прижал ее к груди.

– Рад знакомству, мисс. Это чья там машина, ваша?

– Да, моя, – ответила Райла.

– Большая, – сказал Хирам. – Никогда не видел такой большой машины. И блестит красиво. В нее смотреться можно прямо как в зеркало.

Он бросил взгляд в угол, поспешно обогнул стол и опустился на колени рядом с Бубликом.

– Что с ним такое? Гляньте, с ляжки вся шерсть вылезла.

– Это я выстриг, – объяснил я. – Пришлось. Кто-то пустил в него стрелу.

Объяснение не вполне истинное, но достаточно простое, чтобы Хирам все понял и не лез с вопросами. Он знал, что такое стрела. Почти все городские мальчишки забавляются с луком и стрелами.

– Сильно его поранили?

– Не очень.

– Все равно нельзя так делать. – Хирам наклонился и обнял Бублика за шею. – Стрелять по собакам. Как это вообще можно – по собакам стрелять?

Бублик, напрашиваясь на сочувствие, легонько застучал хвостом и лизнул Хирама в нос.

– Тем более по Бублику, – добавил Хирам. – Он же самая лучшая собака.

– Кофе будешь, Хирам?

– Нет. Вы ешьте, а я тут с Бубликом посижу.

– Давай хоть яичницу зажарю.

– Нет, спасибо, мистер Стил. Я уже завтракал. Зашел к преподобному Джейкобсону, и он меня накормил. Оладьями и сосисками.

– Ну ладно, – согласился я, – тогда побудь с Бубликом, а я продемонстрирую мисс Эллиот свои угодья.

Когда мы отошли на приличное расстояние от дома, я сказал Райле:

– Ты его не бойся. Хирам неплохой парень. Безобидный. Городские вроде как взяли над ним шефство. Он ходит по домам, и люди его подкармливают, так что он не голодает.

– Ему что, жить негде?

– Есть у него хижина на берегу, но он там почти не бывает. Любит навещать друзей. Они с Бубликом большие друзья.

– Это я уже поняла, – сказала Райла.

– По словам Хирама, они беседуют: он говорит что-то Бублику, а тот отвечает. И не только Бублик. Хирам водит дружбу со всеми животными. И с птицами тоже. Сидит во дворе и говорит с каким-нибудь безмозглым дроздом, а тот склонит набок голову и слушает. Иной раз кажется, что дрозд и правда его понимает. Хирам ходит в лес – проведать белок и кроликов, сурков и бурундуков. Ругает Бублика за неприязнь к суркам. Говорит, что лучше их не трогать. Тогда сурки сами выйдут поиграть.

– Слова простодушного человека. Если не сказать дурачка.

– О да, несомненно. Но таких людей на свете хватает, и не только в деревнях.

– Так говоришь, будто он тебе нравится.

– Скорее, не раздражает. Он безвредный. Ты правильно сказала: простодушный человек.

– Но Бублику он нравится, это уж точно.

– Бублик от него без ума, – согласился я.

– Ты говорил... по-моему, говорил, что здесь сорок акров. Ну скажи, зачем такому, как ты, сорок акров земли?

– Оглянись, – сказал я. – Может, поймешь. Послушай, как птицы поют. Глянь вон туда, на старый яблоневоый сад. Посмотри, как он цветет. Яблоки там неважные, по большей части мелкие и червивые. Наверное, можно чем-нибудь опрыскать, но это серьезная морока. Люди, однако, уже не помнят, а то и вовсе не знают, каковы на вкус эти яблоки, пусть даже мелкие и червивые. Там есть старое дерево сорта «фамюз» и пара-тройка «рассетов». Попробуй при случае. Вкуснее не бывает.

– Ты, верно, шутишь, – рассмеялась она. – Ты всегда надо мной подшучивал. Мягко, спокойно, беззлобно... Ты здесь не для того, чтобы слушать птиц и грызть всеми забытые яблоки. Нет, отчасти поэтому, но лишь отчасти. Вчера ты упоминал какие-то поиски, но так и не сказал, что ищешь.

– Пойдем. – Я взял ее за руку. – Устрою тебе экскурсию.

Тропинка вела за побитый дождями сарай с просевшей дверью, по краю неухоженного фруктового сада, по кромке давно запущенного поля, заросшего сорной травой и окаймленного деревьями, и заканчивалась перед углублением в земле.

– Это карстовая воронка, – объяснил я. – Провал. По крайней мере, раньше я думал, что это провал.

– У тебя тут раскопки, – заключила Райла, глядя на выкопанные мною траншеи, и я кивнул:

– Местные держат меня за полоумного. Поначалу думали, что я кладоискатель. Но сокровищ я не нашел, и все остановились на том, что я полоумный.

– Ничего ты не полоумный, – заявила Райла, – и никакой это не провал. Давай рассказывай, что это за воронка.

Я сделал глубокий вдох и начал:

– Думаю, это кратер от столкновения с космическим кораблем. Как давно он здесь? Одному Богу известно. Я нашел тут кусочки металла. Маленькие, по ним ничего не понять. Корабль, если это вообще был корабль, врезался в почву на невысокой скорости, гораздо мень-

шей, чем скорость метеорита. В ином случае железки оплавилась бы и потеряли форму. Силы удара хватило, чтобы оставить здоровенную дырку в земле, но признаков плазменной реакции я не обнаружил, а сам этот предмет, чем бы он ни являлся, ушел глубоко под землю. В этом я совершенно уверен.

– Ты бывал здесь раньше, еще в детстве?

– Так точно, – кивнул я. – В этих краях полно так называемых минеральных каверн. Тут повсюду свинец. В свое время здесь были шахты – небольшие, но вполне функциональные. Сотню лет назад что у нас, что по соседству было не протолкнуться от старателей. В поисках месторождений пробурили множество разведочных скважин. С тех пор каждое найденное отверстие считают минеральной каверной. Разумеется, это не так.

В детстве мы с приятелями думали, что это естественная воронка. Летом, бывало, приходили сюда с лопатами, а старикан, который растил здесь овощи, был не против. Все шутил: ну вот, мол, опять шахтеры пожаловали. Но руды мы не нашли. Зато выкопали несколько странных металлических фрагментов. На вид ничего особенного, и вскоре мы потеряли интерес, но мне часто вспоминались те железки, и чем больше я думал, тем яснее понимал, что мы нашли обломки космического корабля. Потому и вернулся. Сделал вид, что меня потянуло к пейзажам детства. Узнал, что ферму выставили на продажу, и сразу купил ее вроде как под влиянием момента; будь у меня время на раздумья, наверное, отказался бы от этой затеи. Иной раз кажется, что я сделал глупость. Хотя мне тут нравится.

– По-моему, это прекрасно, – сказала Райла.

– Да? Правда? – удивился я.

– Подумать только, космический корабль с далекой планеты...

– Ну, это не факт.

Она придвинулась, встала на цыпочки и чмокнула меня в щеку.

– Факт не факт – какая разница? Главное, ты не разучился мечтать и убедил себя, что здесь лежит космический корабль.

– Как-то странно слышать такие слова от практичной деловой женщины.

– Я занялась бизнесом, чтобы выжить, свести концы с концами. В душе я по-прежнему археолог, а люди этой профессии – закоренелые романтики.

– Знаешь, я ведь не сразу решился рассказать про корабль, – признался я. – Честно говоря, боялся, что ты сочтешь меня безответственным глупцом.

– Насколько ты уверен? Какие у тебя доказательства?

– Металлические обломки. Я отправил пару штук в университет на анализ. Оказалось, этот сплав неизвестен науке. Университетские сразу сделали стойку и давай спрашивать, откуда у меня эти обломки. Я объяснил, что подобрал их где-то в поле и хочу узнать, что это за металл. Пока что дела обстоят так: я тут хозяин и не желаю, чтобы университет совался в мои раскопки.

Некоторые обломки – просто куски металла. На других есть следы механической обработки. Никакой ржавчины, лишь легкое помутнение поверхности, словно металл отреагировал на длительный контакт с землей. Он очень твердый, почти как алмаз, но не хрупкий. У него невероятный предел прочности. Объяснения могут быть разные, но самое логичное – инопланетный космический корабль. Ничего лучше я не придумал. Постоянно одергиваю себя: надо сохранять объективность, оставаться в рамках научного подхода, нельзя седлать любимого конька и нестись куда придется...

– Эйза, перестань, ну о каком коньке речь? Да, в эту гипотезу верится с трудом, как и в доказательства... Но вот они, прямо перед тобой. Разве можно их игнорировать?

– В таком случае, – сказал я, – позволь рассказать кое-что еще. У меня есть... как бы правильнее выразиться... странный сосед. Да, такое определение ему вполне подходит, но здесь уже никаких доказательств, кроме ощущений и визуальных контактов. Рассмотреть его я так и не сумел, но не раз ловил на себе его взгляд и замечал мельком – не существо, а какие-то

очертания, из-за которых кажется, что рядом кто-то есть. Именно кажется: пойми, я пытаюсь сохранять научную объективность. На чисто наблюдательном уровне я уверен, что он существует. Появляется в саду, но нечасто. Насколько понимаю, он шастает по округе.

– Другие его видели?

– Думаю, да. Время от времени кто-нибудь говорит, что испугался кугуара, – хотя не понимаю, почему люди боятся кугуаров. Наверное, это атавистический страх, а от него так просто не отделаешься. В сельской местности принято бояться медведей и пум. Это что-то вроде излюбленного развлечения.

– Может, тут и правда водятся кугуары.

– Сомневаюсь. Горного льва здесь не видели уже лет сорок, а то и больше. Дело в том, что существо, о котором идет речь, и впрямь похоже на большого кота. Один местный – занятный старик, нечто среднее между Даниэлем Буном¹ и Дэвидом Торо², всю жизнь провел в лесу – знает о нем больше остальных.

– И кто же, по его мнению, этот странный сосед?

– Нет никакого мнения – ни у него, ни у меня. Несколько раз мы беседовали и пришли к выводу, что не знаем, кто он такой.

– По-твоему, это существо как-то связано с космическим кораблем?

– Да, такой вывод напрашивается, но с большой натяжкой. Если допустить, что инопланетное существо выжило при столкновении с Землей, ему невероятно много лет. И вряд ли кто-то пережил бы подобную катастрофу – если она вообще была, эта катастрофа.

– Можно взглянуть на обломки? – спросила Райла.

– Запросто, – кивнул я. – Они в сарае. Зайдем на обратном пути.

Глава 4

Хирам сидел в шезлонге перед домом, а Бублик разлегся у его ног. В нескольких шагах от шезлонга стоял наглый садовый дрозд, воинственно разглядывая человека с собакой, покусившихся на его территорию.

– Бублик сказал, что на кухне скучно, – объяснил Хирам, – поэтому я вынес его на травку.

– Так он тебе на шею сядет, – заметил я. – Мог бы и сам выйти.

Бублик завилял хвостом, словно просил прощения.

– Дрозду его жалко, – продолжил Хирам, хотя у птицы был не самый сочувственный вид. – А я свободен, так что занимайтесь своими делами. Поухаживаю за Бубликом, пока не выздоровеет. Днем и ночью, если придется. Когда ему что-то понадобится, он попросит, и я все сделаю.

– Ну ладно, ухаживай, – согласился я. – А мы займемся своими делами.

Просевшая дверь не сдалась без боя. Как-нибудь починю, пообещал себе я, работы на пару часов, всего-то и надо, чтобы руки дошли.

В сарае стоял застарелый запах конского навоза, а в углу я устроил мусорную свалку. Почти все пространство занимали два импровизированных стола – длинные доски на пильных козлах. На них я разложил кусочки металла, найденные в поле или выкопанные из кратера, а на дальний край второй конструкции водрузил две блестящие полусферы – их я обнаружил, когда разбирал в сарае залежи всякого хлама.

Райла подошла к первому столу, взяла зазубренный обломок металла, повертела его в руках и с удивлением признала:

¹ Даниэль Бун – американский первопоселенец и охотник.

² Дэвид Торо – американский писатель-натуралист.

– Надо же, и правда никакой ржавчины. Пара выцветших пятен, вот тут и тут. В сплаве есть железо?

– Довольно много, – подтвердил я. – Если верить парням из университета.

– Любой сплав ржавеет, если в нем есть железо. Один раньше, другой позже, но в итоге ржавчина возьмет свое из-за контакта с кислородом.

– Этим штукам больше века, – напомнил я. – Допускаю, что гораздо больше. Несколько лет назад в Уиллоу-Бенде отмечали столетний юбилей города, а кратер появился намного раньше. На дне слой перегной толщиной в несколько футов. Он не мог возникнуть в одночасье. Чтобы сформировать фут почвы, нужны годы и множество опавших листьев.

– Не пробовал соединить эти фрагменты?

– Пробовал. Некоторые подходят друг к другу, но ясности это не добавляет.

– И что теперь?

– Пожалуй, ничего. Буду продолжать раскопки. И помалкивать. Кроме тебя, никому об этом не рассказывал, а если расскажу, меня поднимут на смех, только и всего. Тут же набегут эксперты, готовые объяснить все на свете.

– Ну, наверное... – засомневалась Райла. – Но ты, как ни крути, собрал умозрительные доказательства, что на Земле побывали разумные существа с другой планеты. Как минимум одно существо. И это важно. Настолько важно, что я не побоялась бы насмешек.

– Торопиться с выводами не стоит, – возразил я, – иначе обесценим, а то и сведем к нулю значимость этого открытия. Только скажи, что мы не одни во Вселенной – и человечество встанет в защитную позу. Таков инстинкт. Наверное, дело в первобытном страхе перед высшим интеллектом: вдруг мы окажемся ничтожествами, существами второго сорта? Мы, бывает, волосы на себе рвем – дескать, как же одиноко посреди бескрайнего космоса, – но я склоняюсь к выводу, что это философское позерство и банальное нытье.

– Но если ты прав, – сказала Райла, – рано или поздно человечеству придется принять этот факт. И чем раньше, тем лучше. Будет время привыкнуть к этой мысли и покрепче встать на ноги перед встречей с инопланетянами, если она вообще произойдет.

– Многие с тобой согласились бы, – не стал спорить я, – но не публика. Не безликая толпа. Поодиночке мы, может быть, разумны и даже умны, но в массе не сильно отличаемся от стада баранов, и не только в вопросах инопланетного разума.

Райла прошла вдоль столов, остановилась у блестящих полусфер, постучала по одной пальцем:

– А эти? Тоже из кратера?

– Нет. Были в сарае. Понятия не имею, что это такое. Если соединить обе детали, выйдет полая сфера толщиной в одну восьмую дюйма, невероятно прочная. Я хотел было отправить одну половину на анализ, но передумал. Для начала узнать бы, как они связаны с остальными деталями этой головоломки. Когда собирал столы, на полу, в самом центре, была куча мусора: обрывки старой упряжи, всякие деревяшки, пара ящиков, лысые покрышки и так далее. Все это я перенес в угол, а в самом низу обнаружили две полусферы.

Райла взяла одну, приставила к другой, провела ладонью по стыку:

– Действительно, как влитые. Но накрепко не соединить: ни застёжек, ни фиксаторов, ничего. Просто полый шар, который однажды распался надвое. И ты не знаешь, что это такое?

– Никаких предположений.

– Вероятно, что-то относительно простое, довольно распространенное...

Я взглянул на часы:

– Пообедаем? Милях в двадцати отсюда есть неплохое место.

– Можно и тут поесть. Я что-нибудь приготовлю.

– Нет, – сказал я. – Хочу пригласить тебя на обед. Ты хоть понимаешь, что я ни разу не водил тебя в ресторан?

Глава 5

Манхэттен оказался вполне достойный. До меня дошло, что я несколько месяцев не пил ничего приличного и даже запомнил, каково оно на вкус, культурное питье. Так и сказал Райла:

– Дома я по большей части пивом развлекаюсь. Бывает, плесну скотча на пару ледышек.
– Другими словами, с фермы носа не кажешь, – отозвалась она.
– Да. И нисколько об этом не жалею. Для меня это лучшее приобретение в жизни. Без малого год интересной работы. Небывалый покой. Да и Бублик полюбил эти места.

– По-моему, ты слегка заиклился на своей собаке.
– Ну а как иначе? Мы ведь друзья. И оба не хотим уезжать отсюда.
– Ты говорил, что не вернешься в университет. Отсидишь творческий отпуск, а потом уволишься.

– Да. Я часто так говорю. Но это лишь фантазии. Желания уезжать у меня нет... и выбора тоже. Сколько ни мечтай, факт остается фактом: нет, я не бедствую, но без зарплаты придется несладко. Короче говоря, не в той я финансовой ситуации, чтобы уходить с должности.

– Представляю, как тягостно думать о возвращении, – сказала Райла. – Ведь ты потеряешь не только пресловутый покой, но и возможность продолжать раскопки.

– А куда деваться? Раскопки подождут.

– Печально...

– Не спорю. Но если корабль лежит в кратере уже бог знает сколько веков, ничего ему не сделается. Буду приезжать на летних каникулах.

– Даже странно, – задумалась Райла, – что археологи заглядывают так далеко в будущее. Наверное, это специфика ремесла. Вы работаете с долгосрочными феноменами и в какой-то мере игнорируете фактор времени.

– Говоришь так, будто сама не была археологом.

– Настоящим? Нет, не была. Провела с тобой лето в Турции. Два года спустя – простенькие раскопки в Огайо на индейской стоянке. Около года – в Чикаго, по большей части каталогизация. А потом я наконец сообразила, что археология – это не мое.

– И стала торговать окаменелостями.

– Сперва открыла магазинчик в северной части Нью-Йорка. Оказалось, время самое подходящее. Я, что называется, попала в струю. Обросла клиентами, дела пошли в гору. Новые магазины появлялись как грибы после дождя, и я поняла, что настоящие деньги зарабатывают на оптовых продажах. Поскребла по сусекам, влезла в долги и снова начала с малого. Землю носом рыла. Стала получать какое-то извращенное удовольствие: вот она я, зарабатываю на презренном ответвлении профессии, в которой не добились никаких успехов – пожалуй, из-за нетерпения.

– Вчера ты говорила, что подумываешь продать бизнес.

– Несколько лет назад обзавелась партнером, а теперь он готов все выкупить. Предлагает хорошую цену, выше рыночной. Ему не по душе некоторые мои соображения и методы ведения дел. Если надумаю продать, даю ему три года, прежде чем обанкротится.

– Не заскучаешь? Тебе же нравится торговать.

– Да, нравится, – пожала плечами она. – А знаешь, что нравится больше всего? Бизнес, он беспощадный.

– Как по мне, ты не похожа на беспощадного человека.

– В бизнесе? Очень даже похожа. В бизнесе раскрываются худшие качества моей натуры. Мы допили коктейли, и официант принес салаты.

– Еще по одной? – спросил я, но Райла покачала головой:

– Есть у меня одно давнее правило: днем не больше одного бокала. На деловых обедах, а их было множество, принято напиваться в хлам, но меня это не устраивает: довелось повидать, что вытворяет с людьми алкоголь. Но ты выпей, если хочешь.

– Пожалуй, не стану, – отказался я. – Тебя поддержи. А после обеда можем провести нашего Даниэля Буна.

– Неплохо бы, но... вдруг засидимся допоздна? Как же Бублик?

– За ним присмотрит Хирам. Посидит, пока мы не вернемся. В холодильнике осталось жаркое, им на двоих хватит. Хирам даже яйца за курами соберет. Но сперва обсудит все с Бубликом. Скажет: «Не пора ли собрать яйца?» – а Бублик спросит, который час, Хирам ответит, и тогда Бублик согласится: «Ну да, пора. Пошли собирать».

– Кстати... По-твоему, Хирам действительно считает, что Бублик умеет говорить? Или притворяется?

– Если честно, не знаю, – ответил я. – Хирам, похоже, в этом уверен, но какая разница? Собаки – занятные создания, у них есть личность, характер, с ними можно наладить что-то вроде условной коммуникации. Допустим, Бублик преследует сурка и я вытаскиваю пса из норы. Он весь грязный, еле дышит, но все равно не хочет идти домой. Ему сурок нужен. Тогда я дергаю его за хвост, говорю: «Дуй домой, Бублик», он поворачивается и идет к дому, а я следом. Но сперва надо дернуть его за хвост и произнести именно эти слова, иначе не пойдет. Я и уговаривать пробовал, и силком тянул – бесполезно, а если провести этот дурацкий ритуал, Бублик всегда идет домой.

– Два сапога пара – что ты, что Бублик! – рассмеялась она.

– Ну конечно. Если долго живешь с собакой...

– Еще и куры. Помню, видела их во дворе. Может, у тебя и поросята есть? Или лошади?

– Нет. Только куры. Яйца собираю, иной раз курицу могу зажарить. Подумывал завести корову, но с ней слишком много хлопот.

– Эйза, давай поговорим о делах. Ты не хочешь, чтобы университет совался – по-моему, ты выразился именно так – в твои раскопки. А если сунусь я? Что скажешь?

В тот момент я нес ко рту вилку салата, но отложил ее. Слова Райлы прозвучали как гром среди ясного неба, и я даже слегка испугался – сам не знаю почему.

– Сунешься? – переспросил я. – В смысле?

– Ты пустишь меня в этот проект?

– Что за глупый вопрос? – удивился я. – Конечно. Я же рассказал все, что знаю. Разве нет?

– Я не об этом. Пустишь – не в том смысле, что сделаешь мне подарок, все расскажешь и покажешь. Я предлагаю партнерство. Ты не горишь желанием возвращаться в университет, хочешь продолжать раскопки, и я согласна, что оно того стоит. Ты нащупал что-то важное, и останавливаться нельзя, а если я слегка помогу, чтобы ты мог уйти с работы...

– Нет, – отрезал я. – Не продолжай. Ты предлагаешь деньги, но меня это не устраивает. Ни в коем разе.

– В твоих устах слово «деньги» звучит как ругательство, – сказала она. – Как нечто ужасное. Эйза, я не хочу присвоить эти раскопки. Дело не в этом. Я верю в тебя, и сердце кровью обливается, когда вижу, как ты...

– Другими словами, крупный бизнес протягивает мне руку помощи, – рассердился я. – Черт возьми, Райла, я и без твоих денег как-нибудь справлюсь!

– Ну прости. Надеюсь, ты поймешь.

– Проклятье! Ну к чему этот разговор? Чем ты вообще думала? Все так хорошо начиналось, а теперь...

– Эйза, помнишь нашу последнюю ссору? Двадцать лет псу под хвост. Может, не стоит повторять?

– Ссору? Не помню я никакой ссоры.

– Ее затеял не ты, а я. Ты ушел выпивать с друзьями, а я сидела одна. Потом просил прощения, объяснялся, но я слушать тебя не хотела. То был последний день раскопок. Или предпоследний, не помню. В общем, я не успела проглотить обиду. Нельзя, чтобы такое повторилось. По крайней мере, я этого не хочу. А ты?

– Я тоже не хочу, – ответил я. – Но денег твоих не возьму. Даже если ты страшно богата и для тебя это не деньги.

– Я небогата, – сказала она. – Извини. Давай все забудем. Можно пожить у тебя еще какое-то время?

– Сколько угодно, – успокоился я. – Хоть навсегда оставайся, если хочешь.

– А как же друзья и соседи? Будут нам косточки перемывать?

– Черт побери, еще как будут! В городках вроде Уиллоу-Бенда не так много тем для разговора. Местные хватаются за каждую мелочь.

– Как вижу, тебя это не смущает.

– Смущает? С какой стати? Я же сумасброд Стил, которому приперло вернуться в родные места. На меня смотрят с подозрением, даже с обидой, и я мало кому нравлюсь. Да, местные ведут себя дружелюбно, но перешептываются у меня за спиной. Здесь принято культивировать посредственность, а если кто-то выбивается из общего ряда... Что ж, тем хуже для него. Это защитный механизм. Если человек вернулся в город не конченным неудачником, у местных падает самооценка: они остро чувствуют собственную провинциальность, если не сказать ограниченность. Так уж все устроено, и если не хочешь, чтобы тебе перемывали косточки, лучше здесь не оставаться.

– Да пусть судачат, – сказала она. – Если надеешься перевоспитать меня, превратить в добропорядочную леди...

– И в мыслях не было, – признался я.

Глава 6

– Стало быть, хотите узнать про енота, который не енот, – сказал Эзра Гопкинс. – Что он не енот, я и сам не сразу понял, а как долго не понимал, это одному Богу известно.

– Уверены, что это не енот? – спросила Райла.

– Ну конечно уверен, мисс, но беда в том, что я не знаю, кто он. Мог бы старый Бродяга говорить, рассказал бы куда больше моего.

Эзра потянул за ухо костлявого пса, лежавшего рядом со стулом. Бродяга сонно моргнул: любил, когда его тянут за уши.

– Надо бы привести сюда Хирама, – предложил я. – Чтобы поговорил с твоим Бродягой. С Бубликом он постоянно беседует. Говорит, они друг друга понимают.

– Ну, – сказал Эзра, – с этим я спорить не стану. Раньше поспорил бы, но не теперь.

– Давайте не будем про Хирама с Бубликом, – попросила Райла. – Расскажите лучше про енота.

– Я с детства хожу по этим холмам, – начал Эзра, – полсотни лет с гаком. В других местах все меняется, но здесь не особо. Земля тут негодная, почти ничего не растет. Кое-где можно скотину пасти, но даже скот не забирается в горы дальше, чем ему нужно. Бывает, лес пробуют валить, но толку мало: потом надо вывозить бревна, а это недешево. Короче, много лет эти холмы считай что мои владения. И холмы, и все, что в них есть. По закону у меня пара бросовых акров, на которых мы сейчас сидим, а по факту – все холмы.

– Вы их любите, – заметила Райла.

– Ну да, наверно. Любовь приходит с познанием, а эти холмы я вдоль и поперек знаю. Могу такое показать, что вы ни в жизнь не поверите. Знаю, где растут розовые башмачки, – это цветок такой дикий. Желтые, они повыносливее, хоть и не сильно, но розовые очень нежные.

Скотина потопчется пару лет, и все – нету их. Сорвешь больше, чем надо, и все – нету их. Считается, что в этих холмах не осталось розовых башмачков, но вот что я вам скажу, мисс: есть они тут, целая полянка. Я их не беру, не топчу и никому про них не рассказываю. Пускай себе растут. Иной раз постою, посмотрю, и аж сердце заходится. Раньше они по всем холмам росли, а теперь на одной полянке. И еще знаю тайное место, где лисья нора. Лисица там шесть пометов принесла, а щенята, как подрастут, вылезают из норы поиграть. Мелкие, неуклюжие, задирают друг друга – ну, балуются, – борьба у них, возня, а я сяду потихоньку и смотрю на них. Лисица небось знает, где я сижу, но против ничего не имеет. За все эти годы поняла, что я им не враг.

Хижина приткнулась у крутого склона прямо над каменистым руслом говорливого ручейка. Вокруг деревья, а чуть выше по склону – выход скальной породы. У стульев, на которых мы сидели близ крыльца, Эзра подпилил задние ножки, чтобы сравнять уклон. У открытой двери – ведро с умывальником, у стены – поленница, из трубы лениво тянется дымок.

– Уютно мне тут, – сказал Эзра. – Если у человека скромные запросы, уют – дело нехитрое. Городские скажут, что я никчемный. Так оно, наверно, и есть. Но кто они такие, чтобы меня судить? Скажут, что я выпиваю, и это истинная правда. Пару раз в год ухожу в запой, но никому зла не делаю. Если подумать, я в жизни никого не обманул. Не соврал ни разу. Да, есть у меня одна слабость – поговорить люблю, но только потому, что мне почти не с кем разговаривать. Если кто в гости зайдет, прямо не унимаюсь. Ну да ладно. Вы пришли послушать про дружка моего Бродяги.

– Эйза не говорил, что это существо водит дружбу с вашим псом.

– Да друзья они не разлей вода.

– Но вы с Бродягой охотились на него, так?

– В свое время, но не теперь. По молодости я и постреливал, и капканы ставил, но уже несколько лет как бросил это дело. Когда капканы в сарай относил, даже стыдно было, что раньше ими злоупотреблял. Сейчас, бывает, охочусь. Иногда подстрелю белку, кролика или рябчика, но только для еды, как индейцы, чтобы было что в котелок закинуть. А другой раз прицелюсь, но не стреляю. Хотя я хищник и у меня есть право охотиться, – по крайней мере, так я себе говорю. Но беспричинно стрелять лесной народ... Нет, такого права мне никто не выписывал. А больше всего я любил охотиться на енота. Охотились когда-нибудь на енота?

– Нет, – помотала головой Райла. – Я вообще ни на кого не охотилась.

– На енота ходят только осенью. Пес гонит его на дерево, а ты находишь его на ветке и стреляешь. В основном из-за шкуры. Или, что хуже, забавы ради, если убийство можно назвать забавой. Но я енотов не только из-за шкуры стрелял. Еще и для еды. Принято считать, что енот несъедобный, но вот что я скажу: это заблуждение. Дело тут, однако, не в охоте. Дело в прохладном осеннем вечере, прозрачном колком воздухе, аромате прелых листьев... В единении с природой. Еще и в охотничьем азарте: признаю, что охота – азартное дело.

Но пришел однажды тот час, когда я перестал убивать енотов. Бродяга тогда был щенок, а теперь он старый пес. Охотиться я продолжил, а убивать – нет. Ночами мы выходили на охоту, Бродяга загонит енота на дерево, а я прицелюсь, но курок не спускаю. Такая у меня охота: без стрельбы, без убийства. Бродяга сперва не понимал, а потом понял. Я боялся, что, если не убивать енотов, пес разучится их загонять, но ничего подобного. Собаки много чего понимают, если хорошо объяснить.

В общем, стали мы с Бродягой охотиться без стрельбы, и со временем я смекнул, что есть тут один бывалый енот и преследовать его гораздо труднее, чем остальных. Он знал все уловки преследуемого, и много ночей рядом Бродяга не мог загнать его на дерево. Мы из раза в раз бегали за ним, и такое чувство, что охота нравилась ему не меньше, чем нам. Этот енот был не глупее нас. Будто подсмеивался над нами, хитрец, в игры играл. Я им восхищался, конечно. Если противник достойный и играет не хуже твоего, а то и лучше, как тут не восхищаться? Но

и сердился тоже: уж слишком он был хорош, на его фоне мы дурачками выглядели, честное слово. В итоге – не скажу, что это было спонтанное решение, скорее, я пришел к нему постепенно – я понял, что готов отказаться от своего правила и застрелить этого енота. Если Бродяга загонит его на дерево, а я найду его на ветке, то застрелю, чтобы раз и навсегда выяснить, кто ловчее – мы или он. Ну, вы помните, на енота охотятся только осенью, но с этим паршивцем все было иначе. И зимой, и весной, и летом Бродяга гонял его в одиночку, и все это превратилось в нескончаемую игру между Бродягой и енотом, а иной раз и я выходил поиграть, в любое время года.

– Почему вы так уверены, что это енот, а не другое животное? – спросила Райла. – Не лисица, не волк?

– Чтобы Бродяга погнался за другим зверем?! – Эзра аж подскочил от негодования. – Он же кунхаунд, охотник на енотов, вы бы видели его родословную!

– Эзра прав, – сказал я Райле. – Если кунхаунд гоняет лис или кроликов, какой же это кунхаунд?

– То есть вы так и не застрелили этого енота, – подытожила Райла. – Так и не видели его.

– Как же не видел, когда видел? Однажды ночью, несколько лет назад. Бродяга загнал его на дерево ближе к утру, часа в четыре, и я наконец увидел его силуэт на фоне неба, на самой верхушке. Он распластался на ветке. Думал, я не замечу. Я вскинул ружье, но задыхался после беготни и прицелиться не мог: руки тряслись так, что дуло кругами ходило, поэтому я опустил ружье и перевел дух, а он сидел на ветке; наверное, знал, что я на него смотрю, но не шевельнулся. Потом я наконец снова вскинул ружье и теперь уже прицелился по-нормальному, тронул спусковой крючок, но так и не выстрелил. Где-то минуту держал его на прицеле, стоял с пальцем на крючке, приготовился стрелять, но не стал. Не знаю почему. Если задуматься, я, наверное, вспомнил наши ночные догонялки и понял: сейчас спущу курок, и все это исчезнет, вместо достойного противника мне достанется пушистый трупик, и мы больше не порадуемся игре в охотника и жертву. Точно не помню, о чем я думал, но, наверно, об этом. Короче, думал-думал и придумал, что пора бы опустить ружье. А когда опустил, енот повернулся и посмотрел на меня.

И вот что странно. Дерево высоченное, он сидел на самом верху, ночь была не сильно темная, заря уже занималась, небо просветлело, но енот слишком далеко, а света не столько, чтобы разглядеть его морду. И все же, когда он повернулся, я увидел его лицо – именно что лицо, а не морду енота. Если оно и походило на морду, то на кошачью, но лишь слегка – с кошачьими усами, и даже оттуда, где я стоял, видно было каждую волосинку. Лицо толстое, круглое, неподвижное... ох, нелегко описывать, боюсь соврать... и в то же время костлявое, будто голый череп. Глаза большие, круглые, взгляд немигающий, как у совы. Даже не знаю, как я не испугался до чертиков, но не испугался: просто стоял и смотрел на это кошачье лицо. С удивлением, конечно, но не с таким уж сильным. Думаю, все это время я понимал, хотя себе не признавался и вслух не говорил, что мы гоняемся вовсе не за енотом. И тут он мне улыбнулся. Не спрашивайте, что это была за улыбка или как я понял, что он улыбается. Зубов я не видел, но знал – вернее, даже чувствовал, – что он улыбается. И не потому, что перехитрил нас с Бродягой, нет. Потому что мы сдружились. Он как бы говорил: «Ну скажи, славно мы побегали!» – и я сунул ружье под мышку и направился домой, а Бродяга следом.

– Кое-что тут не сходится, – сказала Райла. – По вашим словам, Бродяга не погнался бы ни за кем, кроме енота.

– Меня это тоже смутило, – согласился Эзра. – Временами я только об этом и думал. Вот почему, наверно, решил для себя, что это енот, хотя прекрасно знал, что никакой он не енот. Но после той ночи Бродяга не раз его гонял, да и я к ним присоединялся, чисто забавы ради. Видел этого чудилу с кошачьим лицом то на дереве, то в кустах. А он, когда знает, что я его вижу, всегда улыбается. Беззлобно, по-дружески. Ты видел его, Эйза?

– Иногда, – кивнул я. – Он бывает в яблоневом саду.

– Всегда только лицо, – продолжил Эзра. – С улыбкой Чеширского кота. Контуры тела нечеткие, если у него вообще есть тело. Не понять, какого оно размера, какой формы. Несколько раз я видел, как этот Чешир смотрит на Бродягу из кустов, а Бродяга встанет и стоит, вроде как общается с ним. Знаете, что я думаю?

– Что? – спросила Райла.

– Что в такие моменты они с Бродягой договариваются о ночной погоне. Чешир говорит: «Ну что, побегаем сегодня?» – а Бродяга отвечает: «Я не против». Потом Чешир спрашивает: «Может, и Эзру позовешь?» – а Бродяга ему в ответ: «Ладно, попробую».

– Чушь какая! – весело рассмеялась Райла. – Какая прекрасная чушь!

– Разве что для вас, – недовольно сказал Эзра. – Для меня это не чушь, а нормальный и совершенно логичный порядок вещей.

– Но что это за существо? Вы же думали на эту тему? Наверняка до чего-нибудь додумались.

– Думал, конечно. Ну, не знаю... Как тут объяснишь? Может, этот Чешир дожил до наших дней с доисторических времен или он призрак из далекого прошлого, хотя на призрака не похож. Что скажешь, Эйза, похож он на призрака?

– Иногда он какой-то тусклый, – сказал я. – Слегка расплывчатый. Но не настолько тусклый и расплывчатый, чтобы сойти за привидение. Так что нет, на призрака он не похож.

– А то остались бы на ужин, – предложил Эзра. – Хоть всю ночь можно сидеть разговаривать. Я еще не наговорился, много чего могу рассказать. Часами могу разглагольствовать. В печке у меня горшок черепашьего рагу здоровенный, нам с Бродягой и четверти не съесть. Тут рядом пруд, вот я и поймал пару каймановых черепах. Молодняк. Старые жестковаты, а молодняк во рту тает. Кроме черепашьего рагу, ничего предложить не могу, но, если есть черепастье рагу, больше ничего и не надо.

– Ну что, останемся? – взглянула на меня Райла, но я покачал головой:

– Предложение заманчивое, но нам пора. До машины две мили ходу. Не хотелось бы идти по темноте. Лучше выйти сейчас, покуда есть свет на тропинке.

Глава 7

Уже в машине по пути домой Райла спросила:

– Почему ты не рассказывал про Чешира?

– Рассказывал, – возразил я, – но без подробностей. Ты бы не поверила.

– А Эзре я, по-твоему, поверила?

– Скажешь, нет?

– Сама не знаю. Все это похоже на провинциальную небылицу. А Эзра... Философствующий отшельник. Даже не думала, что такие бывают на самом деле.

– Их не много. Принципиальные мужики, вымирающий вид. В детстве я пару-тройку таких видел, а в свое время их было гораздо больше. Бобыли, как их бабушка называла. Такие не заводят семью, сторонятся других, живут поодиночке. Сами готовят еду, стирают одежду, у каждого свой огородик, а для компании – пес или пара кошек. В страду подрабатывают у фермеров, зимой лес рубят. Почти все ставят капканы – на скунса, ондатру и так далее. По большей части живут на подножном корму: охотятся, рыбачат, собирают в лесу что-нибудь съедобное. Не жируют, но перебиваются и вполне довольны жизнью. Забот у них не много, ответственности никакой. С возрастом, когда слабеют и уже не могут добывать пропитание, переселяются в богадельню, или какой-нибудь сосед приютит в обмен на посильную работу. Бывает, кто-то зайдет в хижину, а бобыль уже неделю как на том свете. Они инертные люди, счетов в банке не имеют. Стоит появиться каким-то деньгам, пропивают все подчистую, потом

возвращаются в хижину, а через несколько месяцев наскребают капитал для новой питейной интерлюдии.

– По-моему, это не жизнь, а недоразумение, – сказала Райла.

– По современным стандартам так и есть, – согласился я, – но не по меркам первопроходцев. Кое-кто из молодых тоже заразился этой идеей – кормиться от земли и жить как придется. В общем, не настолько все плохо.

– Значит, ты видел существо, о котором рассказывал Эзра, и еще говорил, что местные боятся кугуаров. То есть его видели и другие?

– Ну а чем объяснить эти страхи? Чешир и правда смахивает на кота, хоть и отдаленно.

– А как же его улыбка?

– При встрече с кем-то вроде кугуара улыбки ты, скорее всего, не заметишь. Потому что тебе страшно. А если заметишь, применишь ее за оскал.

– Ну, не знаю... – задумалась Райла. – Фантастика какая-то. С другой стороны, твои раскопки – тоже фантастика. Еще и фолсомский наконечник в лапе у Бублика. И свежие кости динозавра...

– Ты просишь объяснений, – сказал я, – но у меня их нет. Да, есть соблазн связать одно с другим, но я не уверен, что это детали одной головоломки. И не могу быть уверен. Если развернешься и уедешь, я не стану тебя винить, потому что в тутошних загадках мало приятного.

– Да, приятного мало, – подтвердила Райла. – Но все это очень важно. И увлекательно! Будь на твоём месте кто-то другой, я бы задумалась. Может, и правда уехала бы. Но я знаю, что на тебя можно положиться, потому что Эйза Стил – воплощение честности. Хотя мне страшновато. Такое чувство, что стою на пороге невероятного открытия, новой реальности и вот-вот увижу Вселенную под другим углом.

Я усмехнулся (пожалуй, вымученно) и предложил:

– Давай-ка не нагнетать. Будем действовать помаленьку, шаг за шагом. Так правильнее.

– Да, давай, – с облегчением согласилась она.

– Интересно, как там Бублик?

Через несколько минут мы приехали домой, и я увидел, что Бублик в полном порядке. Хирам устроился на крыльце, а пес растянулся у него в ногах. Завидев нас, он приветственно забил хвостом.

– Как он? – спросила Райла.

– Нормально, – ответил Хирам. – День прошел неплохо. Мы сидели, смотрели на дрозда и много разговаривали. Ранку я промыл. Уже зарастает: крови больше нет, а по краям образовалась корка. Бублик хороший пес. Когда я промывал ранку, лежал смирно, даже не дернулся. Знал, что ему это на пользу.

– Еду нашли? – спросил я.

– Да, в холодильнике было жаркое. Почти все мы с Бубликом съели на обед, остатки я отдал ему на ужин, а себе яичницу состряпал. Мы ходили в курятник за яйцами. Собрали одиннадцать штук. – Хирам встал и медленно выпрямился во весь рост. – Раз уж вы здесь, я домой пойду. А утром вернусь. Проверю, как тут Бублик.

– Если есть другие дела, возвращаться не обязательно, – сказал я. – Мы сами о нем позаботимся.

– Дела-то у меня есть, – с достоинством ответил Хирам. – Дел всегда полно. Но я уже пообещал Бублику, что буду ухаживать за ним, пока не поправится. – Он спустился с крыльца и свернул было за угол, но остановился. – Совсем забыл. Я же курятник не запер. Надо бы запереть, чтобы скунс не забрался или лисица.

– Ступай, – сказал я. – Сам запру.

Глава 8

Гвалт поднялся такой, что от неожиданности я едва не слетел с кровати.

– Что такое? – сонно пробормотала Райла.

– В курятнике что-то не так.

– Здесь вообще принято спать по ночам? – недовольно поерзала она. – Вчера Бублик, сегодня куры...

– Это лиса, чтоб ее черти драли, – объяснил я. – Троих уже стащила. В курятнике не стенки, а решето, дырка на дырке.

Ночь оглашали вопли перепуганных кур. Я свесил ноги с кровати, нашарил и надел шлепанцы.

– Что будешь делать? – привстала Райла.

– На сей раз я ее пристрелю, – пообещал я. – Только свет не включай, не то спугнешь.

– Ночь на дворе, – сказала Райла. – Как ты лису увидишь?

– Сегодня полнолуние. Если она там, увижу.

В кухонной кладовке я взял дробовик и коробку патронов. Достал две штуки, зарядил оба ствола. В углу заскулил Бублик.

– Побудь здесь, – велел я ему. – И давай-ка потише. Всех лисиц мне распугаешь.

– Осторожнее, Эйза, – предупредила Райла, уже стоявшая на пороге гостиной.

– Не переживай. Ничего мне не сделается.

– Ты хоть оделся бы, – сказала она. – Нельзя же бегать за лисой в шлепанцах и пижамных штанах.

– Там тепло, – отмахнулся я.

– Может, роса уже выпала, ноги промочишь.

– Ничего страшного, – успокоил я Райлу. – Я ненадолго.

Было светло как днем. Прямо над домом зависла громадная золотая луна, и в мягком свете двор казался эфемерным, словно японская гравюра. В воздухе висел густой аромат сирени.

Куры раскудахтались, словно умалишенные. Рядом с курятником разрослась столстная роза; к ней я и направился, осторожно ступая по холодной, влажной, отяжелевшей траве (Райла была права насчет росы). Почему-то мне представлялось, что лиса вовсе не в курятнике, а затаилась в розовых кустах.

Я крался к ним с ружьем на изготовку и говорил себе: ну что за дурь? Лиса или в курятнике, или удрала в лес. С чего бы ей прятаться в розах?

Но я не мог отделаться от чувства... даже от уверенности, что лиса именно там, и спрашивал себя: откуда она вообще взялась, эта уверенность? С чего бы мне знать, где затаилась лиса?

Не успел я об этом подумать, как мне стало не до размышлений. Я даже удивиться не успел. Из розового куста на меня смотрела кошачья морда – усы, улыбка, немигающие совиные глаза, – прежде я ни разу не видел ее яснее и не рассматривал дольше, чем в ту ночь. Раньше я по большей части видел Чешира краем глаза, но теперь он таранился на меня из кустов. В белесом лунном свете я различал каждую черточку его лица, каждую волосинку его усов и понимал, что впервые вижу эти усы. До сей поры мне лишь казалось, что они есть; теперь же я в этом убедился.

Зачарованный, испуганный, но скорее зачарованный, чем испуганный, и думать забывший о какой-то там лисе, я подбирался к нему, не опуская ружья, хотя понимал, что стрелять не стану. Был уже близко (чутье подсказало, что я ближе, чем надо), но сделал еще один шаг

и вдруг споткнулся – или мне показалось, что споткнулся, – а когда поймал равновесие, не увидел ни курятника, ни розового куста.

Я стоял на замшелом склоне, поросшем невысокой травой. Глянул вверх, увидел березовую рошу. Была уже не ночь; солнце светило вовсю, но почти не грело. Что касается Чешира, он тоже исчез.

Тут я услышал за спиной шелест травы и размеренный топот, обернулся посмотреть, кто там топочет и шелестит травой, и увидел существо высотой футов в десять – со сверкающими бивнями и длинным хоботом, качавшимся из стороны в сторону, будто маятник. Нас разделяли каких-то двенадцать футов, и существо шло прямо на меня.

Я побежал. Испуганным кроликом рванул вверх по склону, а останься я на месте, этот мастодонт растоптал бы меня, будто так оно и надо, потому что он не обращал на меня внимания. Вообще на меня не смотрел. Вышагивал заданным курсом, топал и шаркал по траве, твердо вознамерившись попасть из пункта А в пункт Б.

Мастодонт, подумал я. Господи боже, мастодонт!

Меня заклинило на одном слове: мастодонт, Мастодонт, МАСТОДОНТ. Из-за умопомрачительных размеров этого слова в голове не осталось свободного места. Я вжался в березу и замер. В заевшем сознании крутилось слово «мастодонт», а чудище тем временем свернуло вниз, к реке.

Сперва Бублик, подумал я, прихромал домой с фолсомским дротиком в ляжке, а теперь настал мой черед. Каким-то образом я проделал тот же путь, что и Бублик, как бы невероятно это ни звучало.

Я представил, как выгляжу со стороны: в шлепанцах, пижамных штанах и с двустволкой в руке.

Сюда меня завел временной тоннель – или тропинка, или дорога, – и этот чертов Чешир, вне всяких сомнений, как-то связан с затруднительным положением, в котором я оказался. И конечно же, он связан с путешествиями Бублика, его странствиями во времени. Что самое странное, перед тоннелем не было никакого знака, предупреждавшего, что сейчас я отправлюсь куда-то не туда.

Какой знак надо было высматривать? Мерцание в воздухе? Нет. Я точно помнил, что никакого мерцания не было.

С этих мыслей я переключился на новые: надо было оставить в точке прибытия ту или иную отметину, чтобы у меня был хоть какой-то шанс вернуться в свое время. Хотя, возразил себе я, совсем не факт, что все так просто: вход в тоннель может оказаться в стороне от точки прибытия. Как бы то ни было, оставить отметину я уже не мог, ибо сбежал оттуда сломя голову (и не без причины, ведь меня чуть не задавил мастодонт), и теперь у меня не было совершенно никакой надежды выйти на прежнее место.

Я утешил себя мыслью, что Бублик тоже путешествовал во времени и всякий раз возвращался домой, так что и человек вернется – почему бы и нет?

Вернулся Бублик, вернусь и я. Хотя, если подумать, не спешу ли я с выводами?

Бублик мог унюхать вход в тоннель, а у людей нет собачьего чутья.

С другой стороны, как-то глупо стоять, бояться и ждать, что проблема рассосется сама собой, а решение материализуется из воздуха. Если не найду путь в наше время, надо будет перекантоваться здесь, поэтому я сказал себе, что неплохо бы посмотреть по сторонам.

Для начала – в ту сторону, куда ушел мастодонт. Там, примерно в миле от меня, обнаружилось целое стадо: четверо взрослых и детеныш. К ним неспешно шествовал едва не растоптавший меня экземпляр.

Плейстоцен, подумал я. А поконкретнее? Нет, этого никак не узнать.

Рельеф не изменился, но местность выглядела совершенно иначе, поскольку тут не было лесов. Вместо них – безразмерное пастбище, чем-то похожее на тундру, с разрозненными

березняками и рошицами вечнозеленых деревьев, а у реки я разглядел несколько туманно-желтых ив. Березы, возле которых я очутился, уже выкинули листья – вернее, молодые весенние листочки. Землю под ними устилала печеночница, нежные цветки самых разнообразных оттенков, цветущие вскоре после того, как сходит снег. Они выглядели знакомо. Почти так же, как в моем времени. В детстве я бродил по лесам – на этой самой земле – и возвращался с прогулок с огромными букетами цветов в перепачканных руках, а мать ставила их в приземистый коричневый кувшин посреди кухонного стола.

Я стоял чуть поодаль, но все равно казалось, что чувствую тонкий, узнаваемый, незабываемый аромат этих крошечных цветов.

Весна, подумал я, но для весны холодновато. Несмотря на солнце, я продрог – и пришел к выводу, что нахожусь в ледниковом периоде. Быть может, в нескольких милях к северу возвышаются сверкающие валы ледяного фронта. А я в шлепанцах, пижамных штанах и с ружьем в руке. С двустолковой, заряженной двумя патронами. И все. Такова моя полная и окончательная стоимость. Ни ножа, ни спичек... Ничего. Я глянул на небо и увидел, что солнце крадется к зениту.

Если в полдень так зябко, то к вечеру, наверное, подморозит. Костер, подумал я, но у меня не было возможности добыть огонь. Кремень, надо найти кремень... Я напряг мозги, пытаюсь сообразить, видел ли я в этих местах кремень. Даже если видел, что с того? Допустим, ударю одним кремнем о другой, выбью искры, но для костра их будет недостаточно. Чтобы загорелся трут, нужны искры пожарче, какие бывают, если ударить кремнем по металлу.

Так, металл – это ружье. Но кремня у меня нет. Пока что.

Тут я окончательно понял, что ни разу не видел кремня в здешних краях. Может, вытрясти один патрон, достать заряд, смешать немного пороха с трутом и поджечь эту смесь последним выстрелом? Теоретически пороховые газы, которые вырвутся из ствола, способны поджечь трут, смешанный с порохом. А если ничего не получится? И где искать трут? В недрах трухлявого бревна. То есть сперва надо найти трухлявое бревно, а потом каким-то образом раздербанить его, чтобы добраться до сухой мякоти. Или взять бересту с березы, разорвать ее на мелкие клочки... Может, и сгодится вместо трута, подумал я, но без особой уверенности.

Я стоял расстроенный, измотанный всеми этими размышлениями, чувствуя, что мне становится страшно, и вдруг заметил, что здесь есть птицы. Сперва цветы, потом птицы... Я все время слышал их голоса, но мозг отказывался воспринимать эти звуки. У него хватало других проблем.

Вот он, дрозд, сидит на каком-то растении, еще не ожившем после зимы. Что за растение? Похоже, коровяк. Я попробовал вспомнить, местный он или привозной. Если привозной, это не коровяк. В любом случае дрозд качался на стебле и горланил свою песню, а из травы вынырнул луговой жаворонок и с трелью безмятежного счастья взмыл в небо. По веткам берез прыгали птички, похожие на воробьев. В общем, чего тут было в избытке, так это птиц.

Теперь, когда я сориентировался на местности, рельеф выглядел все более знакомо. Пусть лысый, безлесный, но передо мной был все тот же Уиллоу-Бенд. Река сворачивала с севера, загибалась к западу, а потом к востоку. По берегам излучины росли желтые ивы. Да, все верно, ведь «уиллоу» – это ива, а «бенд» – излучина.

Мастодонты тем временем направились в дальнюю долину. Если не считать мастодонтов и птиц, других признаков жизни я не видел, но тут непременно водится кто-нибудь еще. Например, саблезубый тигр, ужасный волк, а то и пещерный медведь. Да, какое-то время я тут продержусь. Но недолго. Сделаю два выстрела, а потом ружье превратится в дубинку, и я останусь беззащитен.

Озираясь в поисках живности, я стал осторожно спускаться к реке. Она была значительно шире, чем в моем времени, и текла гораздо быстрее. Наверное, из-за талой воды с северного ледяного фронта.

Ивы казались туманно-желтыми из-за обилия пыльцы: громадные пушистые сережки покрывала золотистая пудра. Вода была чистой – настолько, что я видел, как по дну перекачиваются камешки, а над ними снуют искристыми тенями стайки испуганных рыб. Вот оно, пропитание, подумал я. За неимением крючка и лески можно сплести сеть из лозы и скрепить ее кусочками ивовой коры. Да, получится не очень красиво и не вполне функционально, но для рыбалки сойдет. Я задумался, каково это – питаться одной сырой рыбой, и меня слегка замутило.

Если придется здесь жить, думал я, если не сумею вернуться в свое время, надо будет добыть огонь во что бы то ни стало, чтобы греться и готовить еду.

Стоя на берегу, я пробовал подвести итоги. Если реально смотреть на вещи, надо признать, что шансы вернуться в Уиллоу-Бенд моего времени ничтожно малы. А это значит, что у меня масса дел. Перво-наперво самое главное, напомнил себе я, – укрытие. Это важнее пищи. Если придется, можно и поголодать, но до темноты надо найти место, где я смогу спрятаться от ветра. Маленькое убежище, чтобы сберечь тепло моего тела. Но еще важнее не паниковать.

Пока что я не ударился в панику. Не мог себе этого позволить.

Итак, мне необходимы три вещи: укрытие, пища и огонь. Во-первых, укрытие, затем пища. Огонь может подождать. Пища – это в первую очередь рыба (надо только сплести сеть), но будут и другие кушанья: к примеру, клубни, корни, даже листья и древесная кора, хотя тут я уже не сильно отличал съедобное от несъедобного. Надо будет посмотреть, чем кормятся медведи и другие животные. Если им годится, то и мне сойдет. Далее, дичь. Какие-нибудь мелкие и нерасторопные зверюшки, но тут уже не обойтись без дубинки. Если не найду подходящую палку, придется дубасить их ружьем, хотя это тяжело и неудобно.

Как ни крути, палка будет предпочтительнее. Есть же тут где-нибудь нормальная палка под мою руку, хорошая, деловая палка, чтобы не сломалась при первом ударе?

Палка – это неплохо, но лук и стрелы – гораздо лучше. Со временем смастерю. Надо будет найти острый камень. Или ломкий, который можно заострить. С его помощью срежу лозу и выточу из нее лук. Мальчуганом, помнится, я с луком и стрелами всю местную живность терроризировал. На тетиву сходятся тонкие корни, тонкие и крепкие. Какими там корнями индейцы шивали свои каноэ, кедровыми? Давненько я не перечитывал «Песнь о Гайавате», а в ней точно было что-то насчет кедровых корней и каноэ. Может, среди вечнозеленых деревьев здесь найдутся кедры и я смогу докопаться до корней?

С этими мыслями я побрел обратно к березняку. Свернул направо и забрался чуть выше берез, ибо смекнул, что пора бы поискать место для ночлега: в идеале какую-нибудь пещерку. Если же пещерки не найдется, заползу в вечнозеленую чащу. Ветви там опускаются к самой земле. От холода, конечно, не спасут, но от ветра – вполне.

Я шагал дальше, выискивая под ногами признаки, способные указать путь к пещере, и добрался почти до самой вершины, где наконец обнаружил дыру в земле. Остановился на краю, заглянул в нее... Но лишь через несколько секунд понял, на что смотрю.

Это был тот самый кратер, где я вел раскопки. Уже старый. Он появился тут не сегодня и не вчера. Чуть больше, чем когда я его нашел, но все равно древний, поросший травой, а у дальней стенки торчала березка, изогнутая под самым невероятным углом.

Я присел на корточки, взгляделся в кратер, и волна бесконечного ужаса – чудовищная громада времени – захлестнула меня. Будь кратер свежим, я нашел бы в этом какое-никакое успокоение, но по неведомой причине возраст этого кратера поверг меня в крайнюю печаль.

Тут в поясницу мне ткнулся холодный нос. Я инстинктивно дернулся, взвизгнул от испуга, сверзился в кратер и укатился на самое дно, а по пути выронил ружье.

Растянувшись на спине, я воззрился на обладателя холодного носа. Нет, это был не саблезубый тигр и не ужасный волк. Это был Бублик. Смотрел на меня с дурацкой улыбкой на морде и иступленно вилял хвостом.

На четвереньках я выбрался из кратера и заключил пса в объятия, а Бублик облизывал мне все лицо. Затем я нетвердо поднялся на ноги, дернул Бублика за хвост и крикнул:

– Дуй домой!

И тот, еще хромавший из-за фолсомской раны в одеревенелой лапе, послушно увел меня в настоящее время.

Глава 9

Я сидел за кухонным столом, укутанный в одеяло, и пытался изгнать стужу из костей, а Райла пекла оладьи.

– Хочется верить, – сказала она, – что ты не простудился.

– Там холодно было. – Я дрожал. Ничего не мог с собой поделать.

– Вот и дальше ходи во двор в одних пижамных штанах.

– Там ледниковый период, – объяснил я. – Лед прямо в воздухе чувствуется. Готов поспорить, я был в каких-то двадцати милях от ледяного фронта. Хотя этот участок не затронуло: лед шел с севера на юг, волна за волной, но здесь его не было. Никто не знает почему. В двух-трех десятках миль к северу однозначно был лед.

– Твоя двустволка, – сказала Райла, – куда она делась?

– Ну, пес подкрался со спины, и я чуть в обморок не хлопнулся от испуга. Подскочил, выронил ружье, а когда увидел Бублика, забыл поднять. Думал только, что он отведет меня домой.

Райла поставила блюдо с оладьями на стол и уселась напротив.

– Бред какой-то. Обсуждаем твое путешествие во времени, будто такое случается по сто раз на дню.

– Со мной такое впервые, – сказал я, – но с Бубликом вряд ли. Похоже, он много где побывал. В разных периодах. Сперва приволок домой кости динозавра, а потом его ранили фолсомским дротиком, а это значительно позже...

– Кстати, насчет дротика, – перебила меня Райла. – Это не больше двадцати тысяч лет назад. Вероятно, намного меньше. Ты точно не видел следов человека?

– Каких следов? Отпечатков на земле? Сломанных стрел под березами?

– Я про дым.

– Дыма не было. Единственная толковая зацепка – мастодонт, и он едва не растоптал меня к чертовой матери.

– Ты и правда побывал в прошлом? Не прикалываешься? Может, тебе это привиделось?

– Ну да, конечно. Я сбегал в лес, припрятал ружье, свистнул Бублика и дернул его за хвост...

– Прости, погорячилась. Только не обижайся. Думаешь, тут не обошлось без существа с копытным лицом? Ты ешь, пока не остыло. И кофе попей, хоть согреешься.

Я вооружился вилкой, набрал на тарелку сколько-то оладий, намазал их маслом и полил сиропом.

– Знаешь, – сказала Райла, – у нас тут что-то любопытное.

– Ну да. Двор, в котором небезопасно искать лисицу.

– Я не шучу, – возразила она. – Все это очень серьезно. Ты нашел способ путешествовать во времени. Только подумай, какие у нас открываются перспективы!

– Никаких, – отрезал я. – Со временем шутки плохи. С меня хватило одного раза. Если снова увижу Чешира, развернусь и уйду, да побыстрее. Что, если застрянешь в прошлом? А это запросто. Нельзя же рассчитывать, что Бублик всякий раз придет на помощь!

– Допустим, ты сможешь взять эти путешествия под контроль.

– Каким образом?

- Можно договориться с Чеширом.
- И как предлагаешь с ним разговаривать?
- Я не про нас с тобой. Пусть Хирам с ним поговорит. Он же разговаривает с Бубликом, верно?
- Ему так кажется. И еще Хираму кажется, что он беседует с дроздами.
- Кажется? С чего ты так решил?
- Райла, умоляю, приди в себя. Давай мыслить здраво.
- Это вполне здравая мысль. Почему нельзя допустить, что Хирам действительно разговаривает с Бубликом? Ты же ученый...
- Несколько иного профиля.
- Тем не менее ты ученый и прекрасно понимаешь, что нельзя делать выводы, не имея на то достаточных оснований. Помнишь, Эзра рассказывал, что Чешир договаривается с Бродягой насчет охоты?
- Эзра спятил. Слегка, но тем не менее спятил.
- А Хирам? Он тоже спятил?
- Хирам не спятил. Он дурачок.
- Допустим, слегка спятившие люди, дурачки и собаки способны на такое, что нам и не снилось. Может, у них есть уникальные способности...
- Ну и как предлагаешь свести Хирама с Чеширом?
- Тут скрипнула дверь, и я обернулся. В дом неуклюже ввалился Хирам:
- Я все слышал. Вы говорили про меня и какого-то Чешира.
- Чешир – это существо с кошачьим лицом, – объяснила Райла. – Скажи, ты с ним разговаривал? Ну, как с Бубликом?
- Вы про того, который по саду шастает?
- Значит, ты его видел?
- Много раз. Он чем-то похож на кота, но никакой он не кот. У него одна голова, а туловища не видно.
- Разговаривал с ним?
- Бывало. Но толку-то... Мне не понять, о чем он говорит.
- То есть тебе непонятны его слова?
- Слова-то я понимаю... Ну, почти все. А вот мысли – не особо. Он о таком говорит, чего я не знаю. Странное дело... У него нет рта, и он не издает звуков, но слова я слышу. Если подумать, с Бубликом то же самое: я слышу слова, хотя он даже пасть не раскрывает.
- Возьми-ка стул, Хирам, – велел я, – присядь и позавтракай с нами.
- Даже не знаю, стоит ли, – застенчиво помялся он. – Я уже завтракал.
- У меня тесто осталось, – сказала Райла. – Горяченьких испеку.
- Ты никогда не отказывался со мной позавтракать, – напомнил я. – И не важно, сколько завтраков ты до этого съел. Не стоит менять привычки из-за Райлы. Она моя подруга, приехала в гости и поживет здесь, так что привыкай.
- Ну, если вы не против... – протянул Хирам. – Я, мисс Райла, люблю, когда на оладушках побольше сиропа.
- Райла вернулась к плите и стала лить тесто на сковородку.
- Дело в том, – сказал Хирам, – что я так и не подружился с этим котомордым. Иной раз даже побаиваюсь: какой-то он странный, на куклу похож. Башка здоровенная, а туловища нет, будто взяли воздушный шарик и морду на нем нарисовали. Он всегда смотрит прямо на меня. Не припомню, чтобы хоть раз моргнул.
- Райла считает, что надо бы с ним поговорить, – объяснил я. – Вот только никто, кроме тебя, не умеет с такими разговаривать.
- Что, совсем никто?

– Вообще никто. Только ты. Это как с Бубликом. С ним тоже не умеет разговаривать никто, кроме тебя.

– Если согласишься поговорить с Чеширом, – добавила Райла, – это будет наш секрет. Никто, кроме нас, не должен знать, что ты с ним разговаривал. И о чем вы говорили.

– А как же Бублик? – возразил Хирам. – От Бублика у меня секретов нет. Он мой лучший друг. С ним я обязан буду поделиться.

– Ну хорошо, – согласилась Райла, – с Бубликом поделиться можно. Но больше ни с кем.

– Могу обещать, – сказал Хирам, – что Бублик никому не расскажет. Ни единой живой душе. Если попрошу, он и словечком не обмолвится.

– Эйза, ты не против, что Хирам выдаст Бублику наш секрет? – спросила Райла, стараясь не улыбнуться.

– Только в том случае, – ответил я, – если Бублик точно не проболтается.

– Не проболтается он, – пообещал Хирам. – Я скажу, чтобы держал язык за зубами.

После этих слов он переключился на еду, стал запихивать в рот громадные куски оладий и весь перемазался в сиропе.

Девятью оладьями позже разговор возобновился.

– Так что надо обсудить с этим вашим Чеширом? Что-то важное?

– Да, важное, – подтвердила Райла. – И непростое. Сейчас постараюсь объяснить...

– Лучше я перескажу ему ваши слова, послушаю и передам, что он ответит. И об этом будем знать только мы четверо...

– Четверо?

– Ты забыла про Бублика, – напомнил я. – Четвертый – это Бублик.

– Ах да, – спохватилась Райла, – как же я могла забыть про старину Бублика.

– Только мы четверо, – продолжил Хирам, – а для остальных это секрет.

– Вот именно, – сказала Райла.

– Люблю секреты, – расцвел Хирам. – Они мне важности добавляют.

– Ты же знаешь, что такое время? – спросила Райла.

– Время, – ответил Хирам, – оно на циферблате часов. Глянешь на часы, и сразу видно, что сейчас полдень. Или три часа дня. Или, к примеру, шесть вечера.

– Да, так и есть, – согласилась Райла, – но время – это нечто большее. Сейчас мы живем в настоящем, а с течением времени оно превратится в прошлое.

– Как вчерашний день, – подсказал Хирам. – Вчерашний день – это прошлое.

– Вот именно. А сто лет назад – тоже прошлое. Как и миллион лет назад.

– Не вижу разницы, – растерялся Хирам. – Прошлое, оно прошлое и есть.

– Никогда не думал, как здорово было бы отправиться в прошлое? В то время, когда тут жили одни индейцы? Когда здесь еще не появился белый человек? Или туда, где вовсе не было людей?

– Не задумывался, – сказал Хирам. – А знаете почему? Потому что вряд ли можно взять и вернуться в прошлое.

– Мы думаем, что Чешир умеет путешествовать во времени. И хотим поговорить с ним. Узнать, как он это делает, и попросить о помощи.

Какое-то время Хирам молчал, переваривая ее слова. Наконец спросил:

– Вы хотите отправиться в прошлое? Зачем это вам?

– Знаешь, что такое история?

– Ну да, конечно. Я же в школу ходил, и меня пытались научить этой вашей истории, но без особого успеха, потому что у меня нет памяти на даты, а в истории все больше про войны и кто был президентом, ну и так далее.

– Есть такие люди, – сказала Райла, – которых называют историками. Их работа – изучать историю. Но в истории полно пробелов, потому что другие историки – из прошлого – что-то

упустили, а где-то добавили отсебятины. Если вернуться в прошлое и посмотреть, как все было, поговорить с людьми тех времен, наши историки сумеют заполнить эти пробелы и записать все как положено.

– То есть можно вернуться и узнать, что было давным-давно? Просто вернуться и посмотреть своими глазами?

– Да, именно так. Тебе хотелось бы вернуться в прошлое?

– Честно говоря, не знаю, – засомневался Хирам. – По-моему, в прошлом можно нарваться на неприятности.

– Вообще-то, – вмешался я, – тебе не обязательно отправляться в прошлое. Разве что сам того захочешь. Нам лишь надо узнать, умеет ли Чешир путешествовать во времени. А если умеет, может ли показать нам, как он это делает.

– Надо будет по саду побродить, – пожал плечами Хирам. – Ночью. Может, встречу его. Днем он тоже показывается, но чаще ночью.

– Поброди, если можно, – попросил я. – А днем отоспишься. Согласен?

– Конечно, если Бублик со мной пойдет. Ночью бывает тоскливо, но с Бубликом я не затоскую.

– Почему бы и нет, – согласился я. – Только возьми его на поводок и охраняй как зеницу ока. И еще, как увидишь Чешира, не подходи к нему. Замри на месте и начинай разговор.

– К нему что, нельзя подходить? Почему, мистер Стил?

– Этого я тебе сказать не могу. Просто прими мои слова на веру. Мы неплохо знакомы, и ты знаешь, что я дурного не посоветую.

– Знаю, – покивал Хирам. – Можете не объяснять. Я вам верю. Мы с Бубликом к нему и близко не подойдем.

– Ну что, по рукам? – спросила Райла. – Поговоришь с Чеширом?

– Сделаю, что в моих силах, – сказал Хирам. – Не знаю, получится или нет, но постараюсь.

Глава 10

Уиллоу-Бенд – даже не городок, а городишко, его деловая часть занимает всего один квартал: на углу скромный супермаркет, через дорогу аптека, а дальше по улице скобяная лавка, парикмахерская, обувной магазин, пекарня, магазин готового платья, агентство недвижимости (оно же туристическое бюро), склад электротоваров с сервисом по ремонту всевозможной техники, почтовое отделение, кинотеатр, банк и пивная.

Я припарковался в свободном кармане у аптеки, обошел машину и открыл дверцу для Райлы, но нас тут же перехватил Бен Пейдж.

– Эйза, – сказал он, – сто лет тебя не видел. Нечасто ты здесь появляешься.

Он протянул мне руку. Я пожал ее.

– Не чаще чем надо. – Я повернулся к Райле. – Мисс Эллиот, знакомьтесь, это Бен Пейдж, мэр и банкир нашего городка.

Бен тут же полез к ней с рукопожатием:

– Добро пожаловать в Уиллоу-Бенд. Вы надолго?

– Пока не знаю, – ответила Райла.

– Райла – моя подруга, – сказал я. – Несколько лет назад мы проводили раскопки на Ближнем Востоке.

– Вы из Нью-Йорка? – спросил Бен. – Ходят слухи, что вы из Нью-Йорка.

– Какие, к черту, слухи? – ошетинился я. – Кроме тебя, мы ни с кем не встречались!

– Их распускает Хирам, – сказал Бен. – Говорит, судя по номеру, машина из Нью-Йорка. И еще говорит, что Бублика подстрелили из лука. Это правда?

– Да, было дело, – ответила Райла.

– Давно пора найти управу на местных пацанов, – посетовал Бен. – Только и делают, что хулиганят, оторвы. Никакого уважения к старшим.

– Может, его не пацан подстрелил, – сказал я.

– Ну а кто еще? Они же постоянно с луками бегают. Говорю же, не дети, а шайка чертенят. На днях спустили мне колеса. Выхожу из кино, а машина на ободьях стоит.

– Интересно, с чего бы это... – заметила Райла.

– Понятия не имею. По-моему, они просто всех ненавидят. В детстве мы с тобой, Эйза, так не хулиганили. Помнишь, как рыбу удили? Как охотились по осени? А однажды ты уговорил всех раскопать ту воронку.

– И до сих пор ее раскапываю, – сказал я.

– Знаю. И что нашел?

– Ничего особенного, – ответил я.

– Что ж, мне пора на деловую встречу, – сказал Бен. – Приятно было познакомиться, мисс Эллиот. Надеюсь, вам у нас понравится.

И он убежал по тротуару, а мы проводили его взглядом.

– Старый приятель? – спросила Райла. – Из детской компании?

– Да, из нее, – подтвердил я.

Мы перешли дорогу и нырнули в супермаркет. Я взял тележку и покатил ее вдоль полок.

– Надо купить мыла, картошки, сливочного масла и, пожалуй, еще всякого-разного.

– Ты что, без списка по магазинам ходишь?

– Я не самый дисциплинированный хозяин, – сказал я. – Держу все в голове, но вечно забываю то одно, то другое.

– Многих ты знаешь в этом городке?

– Кое-кого знаю. Некоторых с детства – тех, кто так и не уехал отсюда. С другими, новенькими, познакомился, когда приехал.

Мы понемногу нагружали тележку. Я кое о чем забыл, и Райла, сверившись с гипотетическим списком, напомнила мне об этих вещах (и других, тоже вылетевших у меня из головы). Наконец я подкатил к кассе. Перед нами стоял Герб Ливингстон с охапкой покупок.

– Эйза! – Герб всегда говорит так, словно у него дух захватило от радости. – Я уж хотел звонить тебе насчет новостей. Говорят, ты теперь не один.

– Райла, знакомься, – сказал я, – это Герб Ливингстон, еще один парень из старой компании и владелец городского еженедельника.

– Как хорошо, что вы приехали нас навестить! – просиял Герб. – Слыхал, вы из Нью-Йорка. В смысле, из города, а не штата. Нью-йоркские у нас нечастые гости. – Он опустил покупки на транспортную ленту, достал из кармана ветровки блокнот, а из кармана рубашки – огрызок карандаша. – Позвольте узнать вашу фамилию?

– Эллиот, – сказала Райла. – С двумя «эл» и одним «тэ».

– Итак, вы остановились у Эйзы. То есть приехали к нему в гости...

– Мы давние друзья, – лаконично пояснила Райла. – В конце пятидесятых трудились на археологических раскопках в Турции.

Герб нацарапал что-то в блокноте.

– Чем сейчас занимаетесь?

– Бизнесом. Импортом и экспортом.

– Понятно. – Герб лихорадочно черкал карандашом. – И решили пожить у Эйзы на ферме?

– Именно так, – сказала Райла. – Я приехала к Эйзе и намерена у него пожить. – А когда мы вернулись в машину, призналась: – Честно говоря, не нравятся мне твои друзья.

– Не обращай внимания на Герба, – посоветовал я. – У него плоховато с чувством такта. Газетчик, что с него взять...

– Понять не могу, почему мной все интересуются. Ну приехала, и что с того? Разве это новости?

– Для «Уиллоу-Бенд рекорд»? Еще какие. Здесь ничего не происходит, вот Гербу и приходится забивать номер заметками о том, кто приехал, а кто уехал. У миссис Пейдж карточная вечеринка на три стола? Это натуральный светский раут, и Герб опишет его во всех подробностях, расскажет читателям об игроках и победителях.

– Эйза, ты точно не против? Может, мне уехать?

– Против? С какой стати? – озадачился я. – Из-за того, что я бросаю вызов местным правилам приличия? Поверь, таким вызовом будет любой поступок. А уехать, когда я только что побывал в ледниковом периоде, а Хирам согласился побеседовать с Чеширом, – это форменное дезертирство. Мы с тобой просто обязаны довести это дело до конца. Без тебя мне не обойтись.

Она поудобнее устроилась на сиденье, а когда я сел за руль, заявила:

– Я надеялась это услышать, потому что хочу здесь остаться, и вовсе не из-за путешествий во времени. Я то и дело думаю, что такие путешествия и правда возможны, но тут же одергиваю себя: Райла, не дури. Кстати, насчет Хирама... Неужели он просто Хирам? Без фамилии?

– Его зовут, – сказал я, – Хирам Биглоу, но фамилию мало кто помнит. Для всех он просто Хирам. Родился в Уиллоу-Бенде. Когда-то у него был старший брат, но тот сбежал из дому и с тех пор, насколько мне известно, не давал о себе знать. Семья была старинная, из первых жителей городка. Отец – его звали Гораций – приходился внуком одному из основателей Уиллоу-Бенда. Семья жила в старом фамильном доме – викторианской громадине поодаль от дороги, с железным забором и поросшей деревьями лужайкой. Помню, в детстве я забирался на тот забор и думал, каково это – жить в таких хоромах. Мы были относительно бедными, ютились в обычном доме, и обиталище Биглоу казалось мне настоящим дворцом.

– Ты же говорил, что Хирам живет в хижине у реки?

– Так и есть. Слушай дальше. Отец Хирама был местным банкиром – в партнерстве с отцом Бена Пейджа...

– Кстати, Бен Пейдж нравится мне не больше, чем этот Герб.

– И тебе, и почти всем остальным, – сказал я. – Таким людям мало кто доверяет. Ими редко восхищаются, хотя нельзя исключать, что за последние годы он изменился. Но некоторые буквально молятся на него. Как бы то ни было, когда Хираму было лет десять, его отец утонул во время охоты на уток. К тому времени Тео – так звали старшего брата, он обогнал Хирама лет на семь-восемь – уже удрал в неведомые края. Дома остались только Хирам с матерью. Та отгородилась от внешнего мира, не выходила в город и отказывалась принимать гостей. Хирам, сколько его помню, был странным пареньком, отставал в школе и не очень ладил с другими мальчишками, но об этом никто не задумывался. С годами мать, наверное, поняла, что Хирам не вполне нормальный, и поэтому стала прятать его от окружающих. Гордыня и без того страшная штука, а в маленьком городке она смерти подобна. Оба выпали из жизни. Местные, конечно, знали, что Биглоу существуют, но с трудом вспоминали, как они выглядят. Думаю, миссис Биглоу именно этого и хотела. К тому времени я давно уже уехал, поэтому дальше рассказываю с чужих слов: когда вернулся, меня ввели в курс дела.

Не успели разобраться с наследством, как оказалось, что отец Хирама не так уж крепко держался в банке. Должность и несколько акций – вот, собственно, и все. Люди, с которыми я говорил, уверены: тут не обошлось без отца Бена, – но доказательств, конечно же, никаких. Да, у Биглоу имелись какие-то деньги, но немного. Хирам с матерью кое-как сводили концы с концами, пока старушка не умерла. В тот момент Хираму было лет двадцать пять. Когда он занялся материнским наследством, оказалось, что дом заложен. В банке заявили, что больше не могут поддерживать семью Биглоу, и отказали Хираму в праве выкупа закладной. К тому времени отец Бена ушел на пенсию, передал дела сыну, а тот уговорил горожан скинуться,

вложился сам, и на эти деньги Хираму построили домик у реки. С тех пор он живет в этой лачуге.

– То есть город усыновил его, – подвела итог Райла. – Потому что он свой, местный. Сегодня его сдали бы в какое-нибудь учреждение, государственное или благотворительное.

– Усыновил? Можно и так сказать, – согласился я. – Горожане присматривают за ним, но особой добротой не отличаются. Да, некоторые относятся к Хираму более или менее нормально, но он превратился в некое подобие муниципального козла отпущения. Над ним потешаются, подшучивают. Думают, это в порядке вещей, потому что Хирам не знает, что над ним смеются. Но все он знает. Понимает, кто друг, а кто насмешник. Да, у него не все дома, но он не настолько глуп, как многим кажется.

– Хотелось бы верить, что он сейчас спит, – сказала Райла. – Ведь ночью ему предстоит искать Чешира.

– И не факт, что только сегодня. Повадки Чешира непредсказуемы.

– Ты только послушай, о чем мы говорим, – усмехнулась Райла. – Нет, я все понимаю, но постоянно думаю: неужели это происходит на самом деле? Это же безумие, Эйза. Все это чистой воды безумие. Кто, кроме нас, стал бы об этом думать и разговаривать?

– Понимаю, – кивнул я, – но у меня больше доказательств, чем у тебя. Я побывал в плейстоцене, где меня едва не затоптал мастодонт. А Бублик на самом деле притащил домой кости динозавра.

– Почему мы ограничиваемся костями динозавра, фолсомским наконечником и мастодонтом, но не позволяем себе выглянуть за пределы этих фактов? Почему не говорим вслух, что Чешир – инопланетное существо, выжившее при крушении космического корабля? Что ему много тысяч лет и он умеет создавать тоннели во времени?

– Может, и до этого дойдем, – сказал я. – Но давай сперва посмотрим, что получится у Хирама.

Глава 11

На третью ночь я, очумелый со сна, подскочил из-за оглушительного стука в дверь спальни, не соображая, что это за чертовесие. Рядом недовольно заворочалась Райла.

– Что происходит? – гаркнул я. – Кто там?

Хотя мог бы и сам догадаться. Стоило лишь включить мозги.

– Это я, Хирам!

– Это Хирам, – сообщил я Райле.

Стук не прекращался.

– Черт возьми, хватит уже стучать! – крикнул я. – Проснулся я, проснулся! Сейчас на кухню приду!

Нашарив в темноте шлепанцы, я сунул в них ноги и стал искать халат, но не нашел, поэтому на кухню явился в традиционном облачении: шлепанцах и пижамных штанах.

– Хирам, что стряслось? Надеюсь, что-то важное...

– Я с ним поговорил, мистер Стил. И теперь Чешир хочет поговорить с вами.

– Но как с ним разговаривать? – изумился я. – Я же не умею. И никто не умеет, кроме тебя.

– Он сказал, я непонятно выражаюсь, – объяснил Хирам. – Обрадовался, что мы хотим побеседовать с ним, но не понимает, о чем я говорю.

– Он сейчас там, во дворе?

– Да, мистер Стил. Сказал, что подождет, пока я вас не приведу. Надеется, что вы все проясните.

– Как считаешь, есть у меня время одеться?

- Думаю, да, мистер Стил. Он сказал, что дождется.
- Стой здесь, – велел я, – и без нас из дома не выходи.
- В спальне я отыскал одежду. Райла уже сидела на краю кровати.
- Это Чешир, – сказал я. – Хочет поговорить с нами.
- Через минутку буду готова, – подскочила она.
- Когда мы вышли, Хирам ждал на кухне.
- Где Бублик? – осведомилась Райла.
- Во дворе, с Чеширом, – ответил Хирам. – Они хорошие друзья. Наверное, не первый день дружат, хоть мы того и не знали.
- Расскажи, как все было, – попросил я. – С ним трудно разговаривать?
- Не труднее, чем с Бубликом, – ответил Хирам. – И проще, чем с дроздом. С дроздом сложно бывает, если ему неохота говорить. А Чеширу охота.
- В таком случае, – сказала Райла, – пойдемте говорить с Чеширом.
- И каким же образом? – уточнил я.
- Все очень просто, – сказал Хирам. – Скажете, что ему передать, и я передам, слово в слово. А потом скажу, что он ответил. Хотя не факт, что все пойму.
- В общем, сделаем все, что от нас зависит, – заключила Райла.
- Он на яблоне прямо за углом, – добавил Хирам. – Бублик его стережет.
- Я распахнул заднюю дверь и подождал, пока остальные не выйдут во двор.
- Обогнув угол дома, мы без труда заметили Чешира: он смотрел на нас из гущи яблоневых ветвей. В лунном свете я четко видел его лицо с кошачьими усами. Бублик – он кособочился на здоровой ляжке, оберегая больную, – не сводил с него глаз.
- Скажи ему, что мы пришли, – сообщил я Хираму, – и готовы к разговору.
- Он говорит, что тоже готов, – сказал Хирам.
- Так, минуточку. Ты же не успел передать мои слова!
- А мне и не надо, – ответил Хирам. – Он вас понимает, но сам ответить не может, потому что вы его не услышите.
- Ну хорошо, – выдохнул я, – так даже проще. – И обратился к Чеширу: – Если верить Хираму, ты готов поговорить о путешествиях во времени.
- Не только готов, но и хочет, причем сильно, – подтвердил Хирам. – Он много чего сказал, вот только я не понял.
- Попробуем не усложнять, – сказал я Чеширу. – Говори по одной мысли зараз. Самым простым языком.
- Он согласен, – сообщил Хирам. – Говорит, ему не терпится пустить в ход свои навыки. Говорит, он инженер временных дорог. Такие вообще бывают?
- Ну, наверное...
- Говорит, ему надоело открывать дороги для одного Бублика.
- Для меня он тоже дорогу открыл.
- Да, он говорит, что так и было. Но вы не видели той дороги. Вы случайно на нее вышли.
- Он что, может открыть дорогу в любое место и время на нашей планете?
- Говорит, что может.
- И в Трою? И в Древнюю Грецию?
- Сможет, если вы объясните, где эти места. В нашем мире – куда угодно. Он говорит, это несложно.
- Объясню? Но как?
- Он говорит, с помощью меток на карте. Говорит о каких-то линиях. Что это за линии на карте, мистер Стил?
- Наверное, широта и долгота.
- Вот-вот. Про них он и говорит.

– Ему известно, как мы измеряем время? Он понимает, что такое год, столетие, миллион лет?

– Говорит, что понимает.

– У меня тоже вопрос, – сказала Райла. – Он пришелец из другого мира?

– Да. Из очень далекого мира.

– Как давно он здесь?

– Почти пятьдесят тысяч лет.

– Он что, так долго живет?

– Говорит, что он бессмертный.

– Он открывает дороги во времени, а сам умеет по ним путешествовать?

– Говорит, что да.

– Но, как видно, не путешествует. Сейчас он в нашем времени. Прилетел сюда пятьдесят тысяч лет назад, но прожил эти годы в соответствии с нашей временной шкалой. Обосновался тут и жил в обычном времени. В ином случае его бы здесь не было.

– Он говорит, спасатели.

– Спасатели? В смысле?

– За ним прилетят спасатели. Чтобы его нашли, надо оставаться на одном месте и в обычном времени.

– Он еще надеется на спасение?

– Уже не очень. Но делает все, что может. У нас он начал новую жизнь. Вот почему он такой счастливый.

– Но он должен знать, где находится его родной мир. Если умеет открывать дороги сквозь время и пространство, почему не может отправиться домой?

– Когда он здесь, ему непонятно, где дом. Он не знает, как туда попасть. Если подсказать, то узнает. Но по пути сюда не знал. Знал кое-кто другой. Но теперь этот кое-кто мертв. Погиб при крушении корабля.

– А Чешир не погиб, потому что он бессмертен?

– Он говорит, что бессмертный может погибнуть при несчастном случае, и только. Говорит, ему повезло. Перед крушением он спасся с корабля.

– Как он спасся?

– Говорит, в спасательной капсуле.

– Спасательная капсула? Сфера? – уточнил я. – Круглый полый шар, который распался надвое, чтобы Чешир мог выбраться наружу?

– Он говорит, что да. И спрашивает, как вы об этом узнали.

– Я ее нашел, эту капсулу, – объяснил я. – Она в сарае лежит.

– Он сможет открыть нам дороги во времени? – спросила Райла. – В любое место и время на Земле? И держать их открытыми, сколько потребуется?

– Чешир говорит, что да. Откроет дорогу, куда вам надо, и она будет открыта, пока не скажете, что можно закрывать.

– Сколько дорог? Больше одной?

– Сколько понадобится.

– Когда он готов начать?

– Прямо сейчас. Говорите, куда вам надо и в какое время.

– Передай, что мы пока не готовы, – попросила Райла. – Что нам требуется время на подготовку и надо будет поговорить с ним снова. Быть может, несколько раз.

– Он говорит, спешить ему некуда, мисс, так что он останется здесь и будет ждать нового разговора.

Глава 12

Мы сидели за завтраком, Хирам доедал вторую тарелку яичницы с ветчиной, а Бублик дремал на одеяле в углу.

– Вопрос в том, – сказала Райла, – можно ли ему доверять.

– Можно, мэ, – закивал Хирам. – Прежде чем я пришел к вам в спальню, мы с ним долго разговаривали. Он славный парень. Такой же, как вы и мистер Стил.

– Это радует, – ответила Райла, – но нельзя забывать, что он пришелец, и весьма своеобразный.

– Не факт, – возразил я. – Может, по сравнению с другими пришельцами он самый обычный. Мы же не знаем, как выглядят остальные инопланетяне.

– Ты понял, о чем я. Голова без туловища... Или он попросту прячет свое тело, и мы видим только лицо на дереве или в кустах.

– Эзра и тело видел. Той ночью, когда Бродяга загнал Чешира на дерево, а Эзра прицелился, но стрелять не стал.

– Было темно, – сказала Райла. – Эзра вряд ли рассмотрел что-то, кроме лица. Что касается доверия, у Чешира – возможно и даже скорее всего – совсем другой моральный кодекс. Он иначе смотрит на жизнь. Что недопустимо для нас, для него может оказаться в порядке вещей.

– Уиллоу-Бенд появился какую-то сотню лет назад, когда Чешир уже давно был здесь. Вероятно, он вступал в контакт с индейцами, бесконечно долго наблюдал за людьми и видел, что мы собой представляем. Он же высокоразвитый пришелец, поэтому собрал огромный массив информации. Знает, чего ожидать от людей. И наверное, понимает, чего мы от него ждем, – хотя бы отчасти.

– Эйза, ты готов довериться ему? Целиком и полностью?

– Целиком? Нет. С некоторыми оговорками? Вполне.

Хирам встал из-за стола, надел кепку и объявил:

– Мы с Бубликом пошли гулять.

Бублик не без труда поднялся с подстилки.

– Неужто спать не хочется? – спросил я. – Ты же всю ночь не ложился.

– Позже посплю, мистер Стил.

– И смотри не проболтайся.

– Не проболтаюсь, – сказал Хирам. – Я же обещал. Честное слово дал.

Потом он ушел, а мы какое-то время молча пили по второй чашке кофе. Наконец Райла сказала:

– Если это правда, если все получится, считай, что дело в шляпе.

– Отправимся путешествовать?

– Не мы. Другие люди, которые заплатят за такое развлечение. Бюро путешествий во времени... Скоро будем путевки продавать.

– Ты не думала, что это опасно?

– Разумеется, это опасно! Но мы составим контракт, снимающий с нас любую ответственность. Рисковать будет путешественник, а не мы.

– Нам понадобится юрист.

– Я знаю именно того, кто нам нужен. В Вашингтоне. Он поможет разобраться с правительством.

– Думаешь, правительство захочет вмешаться в наши дела?

– Вне всяких сомнений. Когда откроем бюро, вмешаться захотят все без исключения. Помнишь, как ты боялся, что университет сунется в твои раскопки?

– Помню. Я же сам об этом говорил.

– Нельзя допустить, чтобы кто-то сунулся в этот проект. Он наш, и только наш.

– Думаю, мы сумеем заинтересовать университеты и музеи, – сказал я. – В прошлом масса неоднозначных событий, и нам охотно заплатят, чтобы заполнить всевозможные пробелы. Но тут возникнут проблемы, и не обойтись без свода правил поведения. Нельзя же отправляться на осаду Трои с кинокамерой на плече! И еще надо знать язык и обычаи того периода, чтобы слиться с толпой. Понадобится соответствующая одежда. Если хоть как-то вмешаться в ход событий, неприятности неминуемы; можно повлиять на предмет изучения и даже изменить ход истории.

– Здесь ты прав, – согласилась Райла. – Надо составить кодекс поведения в прошлом и обозначить моменты, когда путешественнику разрешается вступать в контакт с местными. Но в периодах, когда не существовало человека, можно делать что угодно.

– Например, охотиться на крупную дичь?

– Эйза, это самое прибыльное направление. У музеев и университетов не хватит денег, чтобы компенсировать наши хлопоты, но охотники – совсем другое дело. Раньше охотник уезжал в Африку – или, допустим, в Азию – на сафари и возвращался навьюченный разнообразными трофеями, но теперь эта лазейка закрыта. Тебе выдают лимитированную лицензию. Существуют так называемые фотосафари, но для истинного фаната охоты это так себе развлечение. Только представь, сколько нам заплатят за возможность застрелить мастодонта или саблезубого тигра!

– Или динозавра, – подхватил я.

– Вот-вот, я именно об этом. Но надо аккуратно выбрать профиль бизнеса, – продолжила она. – Не обязательно заниматься только охотой. Можно импортировать из прошлого аттическую посуду – самостоятельно или с чьей-то помощью: тетрадрахмы с совой Афины для нумизматов или первые почтовые марки для филателистов. Ты хоть понимаешь, сколько сейчас стоят подобные вещи? Или отправиться в Южную Африку за алмазами. В свое время они буквально под ногами валялись. Именно так и нашли первые алмазы: просто подняли с земли.

– Алмазов там было не так уж много, и встречались они далеко не везде. Да, в шахте «Премьер» нашли Куллинанский алмаз, из которого выточили «Африканскую звезду», но это была случайность, причем единичная. Можно годами бродить по Африке и смотреть под ноги в поисках алмазов...

– Может, мы – я имею в виду нас из будущего – побывали там раньше остальных и собрали все алмазы, а другим досталось лишь то, что мы проглядели...

– Ну ты и жадина, Райла! – рассмеялся я. – Одни деньги на уме. Только и думаешь, как бы монетизировать нашу находку, как бы продать услугу тому, кто предложит лучшую цену. Я же считаю, что этой возможностью надо пользоваться для научной работы, ведь в истории столько темных пятен, столько геологических периодов, о которых мы почти ничего не знаем!

– Позже, – сказала Райла. – Первым делом прибыль, иначе как проводить твои исследования? На какие шиши? Говоришь, у меня одни деньги на уме? Не спорю. Деньги – это моя жизнь. Сколько себя помню, я строила бизнес, и он приносил доход. А этот проект... Для начала понадобятся серьезные вложения. Юрист, о котором я говорила, берет недешево. Надо огородить участок и нанять охрану, чтобы сдерживать наплыв посетителей: когда огласим новости, народ сюда валом повалит. Придется возвести административный корпус и набрать персонал, еще понадобятся рекламщики, специалисты по связям с общественностью...

– Райла, где мы возьмем столько денег?

– Найду.

– На днях мы уже поднимали эту тему, помнишь?

– Это разные вещи. Тогда я предлагала помощь, чтобы ты мог продолжить раскопки. Теперь же у нас деловое предприятие, и для его запуска осталось лишь деньги собрать. – Она посмотрела на меня поверх столешницы. – Или ты не хочешь? Не хочешь, чтобы я совалась

в твою жизнь? В конце концов, это твой участок, твой Чешир, твой Хирам. Если не хочешь, просто скажи, что я вконец обнаглела.

– Может, так оно и есть, – признался я, – но мне по-любому нужна твоя помощь. Дело серьезное, и без тебя я непременно облажаюсь, но ты не говоришь ни о чем, кроме выгоды, а меня от этого оторопь берет. Нет, я все понимаю, но некоторые путешествия должны быть чисто научными, чтобы у нас появилось хоть какое-то моральное оправдание.

– Даже не верится, как легко мы смирились с новым положением вещей, – произнесла она. – Спроси любого, и он скажет, что путешествовать во времени невозможно, но мы уже строим планы, не основываясь ни на чем, кроме веры в Чешира и Хирама...

– Не только веры, – заметил я. – Все-таки я побывал в прошлом. Скажешь, это была галлюцинация? Ничего подобного. Я провел в плейстоцене где-то час... хотя трудно сказать, сколько я там пробыл. Достаточно долго, чтобы дойти до реки и вернуться. К тому же не забывай про Бублика, фолсомский наконечник и свежие кости динозавра. Да, умом я понимаю... вернее, склоняюсь к тому, что путешествия во времени невозможны, но по опыту знаю, что это не так.

– У нас есть слабое звено, – сказала Райла, – и это Хирам. Если он нас обманул, затеял какую-то игру...

– Это вряд ли. Я всегда относился к нему по-доброму – лучше, чем многие, – и он обожает Бублика. Еще до всей этой катавасии Хирам заходил ко мне почти каждый день. К тому же он попросту не способен на обман – с его-то интеллектом. В общем, я готов за него поручиться.

– Но если он проболтается раньше времени...

– Умышленно он ничего не расскажет. Случайно – да, может. Начнет философствовать и брякнет лишнего. Или кто-то привяжется к нему с расспросами и выудит частичку информации. Как ни крути, Хирам не самый смывленный парень.

– Что ж, это неизбежный риск. К тому же вскорости эта тайна перестанет быть тайной. – Райла встала и начала убирать со стола. – Надо сделать пару звонков. Кое-каким людям в Нью-Йорк и юристу в Вашингтон. Через день-другой съезжу на восток. Поехали со мной, если хочешь.

– Эти вопросы решай сама, – покачал головой я. – А мое место здесь. Нельзя оставлять ферму без присмотра.

Глава 13

После ужина я взялся мыть посуду, и тут в кухню заглянул Бен Пейдж:

– Как вижу, ты опять один.

– Райла подалась на восток. Через пару дней вернется.

– Говоришь, когда-то вы с ней были на раскопках?

– Да, в Турции. На развалинах домика из бронзового века. Так себе раскопки: ни открытий, ни достойных находок. Спонсоры остались недовольны.

– Бывает, наверное, что и крупные раскопки не дают результата.

– Бывает, – согласился я, убрал последние тарелки, вытер руки и сел за стол напротив Бена, а Бублик в углу взволнованно заскулил и задергал лапами. Должно быть, гонялся во сне за кроликами.

– А нынешние раскопки? – спросил Бен. – Нашел что-нибудь интересное?

– Интересное? Не сказал бы. Так, мелочь.

– Но это не обычный провал в земле, верно?

– Нет, это не провал. Понятия не имею, что это такое. Может, кратер от метеорита. Иногда в нем попадаются металлические осколки.

– Эйза, – с осуждением взглянул на меня Бен, – ты чего-то недоговариваешь. Здесь определенно творится нечто странное.

– С чего ты так решил, Бен?

– Из-за Хирама. Он такой загадочный стал, будто знает какой-то секрет. Говорит, что пообещал никому не рассказывать. Еще и шутит: мол, у Бублика спрашивайте.

– Хираму кажется, что он разговаривает с Бубликом.

– Знаю. Он со всеми разговаривает.

– Хороший он парень, – сказал я, – но я не стал бы верить его болтовне. Иногда он несет откровенную чушь.

– По-моему, это не чушь. Ситуация действительно странная: ты вернулся, купил ферму, стал копаться в этом провале, потом объявляется Райла, а она тоже археолог, как и ты...

– Бен, было бы что рассказать, рассказал бы. Но пока что хвастаться нечем. И не факт, что это изменится.

– Пойми, – наседал Бен, – я имею право спросить. Я же как-никак мэр. Если твои находки как-то повлияют на жизнь города, я должен знать об этом наперед. Чтобы подготовиться.

– Не понимаю, к чему ты клонишь.

– Ну, к примеру, есть у меня участок, десять акров земли на окраине города. Несколько лет назад забрал за неуплату и с тех пор отстегиваю за него налоги. Отличное место для мотеля. Да, мотель у нас уже есть, но это не мотель, а гадючник. Уважающий себя человек там селиться не станет. А хороший мотель с нормальными условиями – это денежная штука, солидное деловое предприятие. Если к нам потянутся туристы, он и окупится, и прибыль даст.

– Что такого наплел тебе Хирам, что ты задумался о туристах?

– Толком ничего. Но ходит важный и загадочный, как сам черт с рогами, и так балдеет от своего секрета, что я смекнул: намечается нечто крупное. А однажды проговорился, хоть и сам того не понял. Эйза, скажи мне, может ли такое быть, что на дне кратера лежит разбитый космический корабль?

– Не исключено, – согласился я. – Такая мысль приходила мне в голову, но доказательств пока никаких. Если там и есть корабль, он инопланетный – то есть на нем прилетели разумные существа. Из глубокого космоса, из другой планетной системы. Если отыскать фрагменты такого корабля и предъявить публике достоверные доказательства... Что ж, это была бы очень важная находка. Первое свидетельство, что во Вселенной существует еще одна разумная раса и ее представители однажды побывали на Земле.

– Если так, сюда тьма народу съедется, – негромко присвистнул Бен. – Что ученые, что зеваки. А чем дальше, тем больше. Такие места гарантированно притягивают туристов, причем из года в год!

– Ну, пожалуй, – сказал я.

– Одному тебе, наверное, медленно работается, – предположил Бен. – Хочешь, ребят пришлю? Быстрее дело пойдет.

– Спасибо за предложение, но не надо. Быстрее не получится. Для таких раскопок нужна подготовка. Надо знать, что искать, не спешить и аккуратно помечать, где что нашел, а не то что спрыгнул в яму и давай землю из нее выкидывать. Бригада с кирками и лопатами мне всю работу испортит. Подготовленный человек приметит каждую мелочь, а твои ребята на нее и не глянут.

Бен мрачно кивнул:

– Да, так оно и будет. Ну, за спрос не бьют в нос.

– Нет-нет, спасибо за заботу, – сказал я. – И еще, Бен. Буду признателен, если все это останется между нами. А то неловко выйдет, если пойдут слухи, что я выкапываю космический корабль. В городе решат, что я совсем рехнулся, а как новость дойдет до ученой братии, шум по

университетам будет такой, что мало не покажется. Кто-нибудь непременно придет взглянуть на раскопки, и в результате меня поднимут на смех.

– Понял, – кивнул Бен. – Никому ни слова. Ни единого. Но ты и правда думаешь, что там...

– Никакой уверенности нет и быть не может. Только предчувствие, основанное на косвенных доказательствах. Может, это и не доказательства вовсе, а я тут дурака валяю. Пиво будешь?

Когда Бен удалился, я долго сидел за столом и думал, не зря ли заговорил на эту тему. Как бы этот разговор мне боком не вышел. Хотя от Бена подлянки ждать не стоит. Он парень ушлый, поэтому будет держать рот на замке, ведь ему надо узнать обо всем в первую очередь, чтобы опередить остальных и построить свой мотель, а то и проверить другие делишки, о которых он смолчал.

Надо было что-то сказать, чтобы сбить его со следа. Простое «нет» его не устроило бы. Хирам странно себя ведет, да и проговорился... Ясное дело, Бен что-то заподозрил.

По факту я не соврал, ведь на дне кратера действительно лежит космический корабль.

В общем, на какое-то время я отделался от Бена, и это хорошо, потому что на данном этапе слухи и домыслы надо свести к минимуму. Как начнем ставить ограду, уже ничего не скроешь. И Райла права: без ограды не обойтись.

Я взял из холодильника еще одно пиво. Пил и думал: господи, это же чистой воды безумие. Теперь я точно знал, что человек способен путешествовать во времени, хотя в моменты просветлений убеждал себя в обратном, и ярчайшим из всех моих воспоминаний стал образ громадного мастодонта, идущего к стаду, с его плавной, едва ли не скользящей походкой и маятником хобота, качавшимся промеж бивней, и ужас, когда я понял, что заблудился в прошлом.

Я снова прокрутил в голове наши с Райлой решения, принятые за этим самым столом, не в силах отделаться от тревожного предчувствия и смутного ощущения нереальности происходящего. О чем мы забыли? Что проглядели? Какие неожиданные обстоятельства, способные свести на нет самый блестящий план, обрушатся на нас, словно стихийное бедствие?

Перво-наперво меня беспокоила коммерциализация путешествий во времени. Нет, я не против подзаработать, но Райла вела себя как натуральная хищница; мне же непросто было отказаться от мысли, что путешествия во времени не из тех вещей, что продаются на базаре, и в первую очередь эту возможность надо использовать для научно-исследовательских целей.

Но Райла, несомненно, права: любой, узнав этот секрет, в первую очередь думал бы о собственной выгоде. Коммерческие путешествия в прошлое принесут прибыль, благодаря которой мы сможем заняться научной работой.

Спавший в углу Бублик нервно повизгивал: наверное, уже почти догнал воображаемого кролика. Я допил пиво, бросил бутылку в мусорное ведро и отправился спать. Завтра прилетит Райла. Надо встать пораньше, чтобы доехать до Миннеаполиса и встретить ее в аэропорту.

Глава 14

Райла шагала по пандусу с угрюмой сосредоточенностью, но, увидев меня, расцвела, бросилась навстречу, и я поймал ее в объятия.

– Ну наконец-то! Казалось бы, каких-то три дня, но я страшно соскучился.

Она подняла лицо для поцелуя, а потом прижалась щекой к моему плечу и прошептала:

– Как же я рада тебя видеть, Эйза. Как же рада вернуться домой. Это была не поездка, а сущий кошмар!

– В смысле?

Отпрянув, она заглянула мне в глаза:

– Мне обидно. И я сержусь. Вернее сказать, я в бешенстве, потому что мне никто не верит!

– Никто – это кто?

– Для начала – Кортни Маккаллан. Тот юрист, о котором я говорила. Мы давно дружим. Я и представить не могла, что он меня развернет. Но тут он ставит локти на стол, прячет лицо в ладонях и хохочет так, будто у него истерика. Потом смотрит на меня – ему даже пришлось снять очки, чтобы слезы утереть, – но от смеха так выдохся, что не может и двух слов связать. Всклипывает, заикается и наконец говорит: «Райла, мы сто лет друг друга знаем, а я и не подозревал, что ты на такое способна». На какое «такое», спрашиваю я, а он отвечает: «на подколку, на розыгрыш, но я тебя прощаю, потому что давно так не смеялся». Я, конечно, наседаю на него, говорю, что это не розыгрыш и что я предлагаю ему стать нашим юрисконсультom, ведь нам не обойтись без человека, который будет охранять наши интересы, правильно? А он отвечает – да, правильно, но только в том случае, если я говорю правду, а верить мне отказался. По-моему, в конце концов он понял, что я не шучу, хотя черт его знает, но все равно не поверил, как я ни старалась. Наконец сводил меня поужинать и угостил шампанским, но этот смех я ему припомню.

– Он согласен стать нашим представителем?

– Безусловно. Сказал, если я предъявлю доказательства, он такую возможность ни за что не упустит, отдаст текущие дела партнерам и перейдет к нам на полную ставку. По его мнению, нам понадобится штатный юрист. Но он все еще посмеивался, когда провожал меня в гостиницу и желал доброй ночи.

– Но, Райла, доказательства...

– погоди, это еще не все. В Нью-Йорке я переговорила с верхушкой компании «Сафари инкорпорейтед». Они, конечно же, сделали заинтересованный вид и не хохотали в голос, но отнеслись к моему рассказу весьма скептически. С ходу решили, что я мошенница, хотя слегка напряглись: мол, непонятно, в чем подвох. Директор конторы – старик-англичанин, воспитанный, чопорный и невероятно вежливый. Говорит: «Мисс Эллиот, мне трудно уловить смысл ваших слов, но, если все это не плод воображения, смею заверить, что нам это крайне интересно». А потом: «Не знай мы, кто вы такая, я бы не стал слушать ни минуты».

– Он тебя знает?

– Англичанин – нет, а его подручные – да. Несколько лет назад я купила у них кое-какое залежавшееся барахло: слоновую кость, туземные скульптурки, страусиные перья и прочий хлам. Они не знали, куда его девать, но я все забрала, и они, как видно, приняли меня за лохушку. Но я знала, что через год все это с руками оторвут, и отлично наварилась на сделке. Об этом пронюхали ребята из «Сафари», и я выросла в их глазах. Позже интересовались, не планирую ли я взять еще одну партию. Сами они не занимаются розничной торговлей, а посему нуждаются в посреднике...

– Стоп! – перебил я. – Им, как и твоему Кортни, требуются доказательства?

– Естественно. Причем британцу и его свите не интересны ни мастодонты, ни мамонты, ни саблезубые тигры, ни пещерные медведи, ни даже бронотерии. Им динозавров подавай, больших и злобных. Когда я спросила, можно ли найти клиентуру для охоты на динозавров, у них прямо слюнки потекли.

Еще я спросила, с каким ружьем правильнее ходить на крупного динозавра, и мне посоветовали взять самый большой калибр. В «Сафари» как раз завалилась парочка таких ружей, из них никогда не стреляли, и неизвестно даже, производят их сейчас или нет. Изначально их купили для охоты на слонов, но теперь, когда у оружия увеличилась начальная скорость пули, слона можно застрелить из винтовки гораздо меньшего калибра, хотя слонов уже почти не стреляют. В общем, я сказала, что хочу купить оба слонобоя, и после некоторых колебаний их согласились продать. Не сомневаюсь, что к тому времени англичанин пришел к выводу, что

по мне дурдом плачет. Заломил по тысяче долларов за штуку. Клялся и божился, что продает себе в убыток, а чтобы подсластить сделку, добавил несколько десятков патронов. Не исключая, что он и правда потерял какие-то деньги, зато сбавил ружья, которые не купил бы никто другой. Это реально монстры: каждое весит фунтов двадцать, а патроны размером с банан.

– Погоди-ка, – остановил ее я. – Хочешь сказать, мне надо смотаться в прошлое и пристрелить пару карнозавров? Чтобы было что показать юристу и охотникам? Черта с два! Да, с двадцать вторым калибром я сущий дьявол, но старинные слонобои – совсем другое дело. С таким ружьем управится только крупный мужчина.

– А ты что, мелкий? – возмутилась Райла. – Да и не факт, что придется стрелять. Это исключительно для самообороны. На тот случай, если карнозавры пойдут в атаку, пока я буду снимать кино. Кстати, камеру я тоже купила: цветная пленка, телеобъектив, все как положено.

– Но зачем два ружья? Больше одного мне не унести, а ты будешь с камерой...

– Затем, – сказала она, – что я не собираюсь отправляться в прошлое вдвоем. Известно, чего там ждать. Как по мне, это слегка рискованное дельце и два ружья лучше, чем одно. Может, уговоришь кого-то из старых приятелей?

– Райла, это же секрет. До поры до времени. К тому же слухи уже поползли: Бен Пейдж докопался до Хирама – мол, чего ходишь такой загадочный – и теперь что-то подозревает...

– Да, это секрет, и его надо хранить, – сказала Райла, – но еще нам надо вернуться из прошлого живыми, иначе от доказательств не будет никакого толку.

Мне это не понравилось, но с логикой не поспоришь.

– Ладно, попробую уломать Бена, – согласился я. – Из него выйдет хороший напарник. Бен считает себя классным охотником, да и на самом деле неплохо обращается с ружьем. Каждую осень, когда открывают сезон охоты на оленей, он ездит на север, в Канаду и на Аляску. Кого он только не стрелял: лосей, снежных баранов, гризли... Несколько лет назад добыл медведя кадыка. И карибу. Этого карибу он до сих пор вспоминает. Давно хотел съездить в Африку, но не сложилось, а теперь охоты там считай что нет.

– То есть он согласится пойти с нами и какое-то время помалкивать о том, что увидит?

– Думаю, да. Пришлось рассказать, что в нашем кратере может оказаться космический корабль, и Бен поклялся держать язык за зубами, причем с большой охотой, потому что в этом деле у него свой интерес.

– Два ружья лучше, чем одно, – повторила Райла. – Не знаю, каково это – оказаться в стране динозавров, но...

– И я не знаю, – сказал я. – Может, там сущий ад – или, наоборот, мирная пастораль. Там будет полно травоядных, а они относительно безвредные создания. Но без хищников не обойдется, и трудно предсказать, насколько они сообразительные и агрессивные.

– Надо заснять на пленку хотя бы парочку свирепых тварей, чтобы убедить «Сафари инкорпорейтед». Не знаю, что нам сулит это сотрудничество, но внакладе мы точно не останемся: представь заядлого охотника и прикинь, сколько он готов выложить, чтобы первым застрелить кровожадного динозавра!

Мы подошли к эскалатору, ведущему в багажное отделение.

– Дай билет, – сказал я. – Схожу за вещами.

Райла порылась в сумочке и протянула мне конвертик с билетом.

– Надо бы носильщика нанять. Вдвоем мы все не утащим.

– Два ружья? – усомнился я.

– И кинокамера со всеми причиндалами.

– Значит, найму носильщика.

– Наверное, надо было соврать, – сказала Райла. – Дескать, мы изобрели машину времени. Тогда мне поверили бы, ведь люди безоглядно верят в магию механизмов. Надо было выдумать какую-то дурацкую теорию, написать пару уравнений, и я добилась бы своего. Но я почему-

то не смогла, а если завела бы речь о Чешире, сделала бы только хуже. Поэтому сказала, что мы изобрели технологию путешествий во времени. Надеюсь, что слово «технология» наведет их на мысль о механизме, но нужного эффекта, увы, не добилась: меня все равно спросили о машине, а когда пришлось сказать, что никакой машины нет, они чуть со стульев не попадали.

– Ну да, – кивнул я, – если нет машины, слишком многое надо принимать на веру.

– Итак, Эйза, где лучше снять наше кино?

– Я много думал, – сказал я, – но к однозначному выводу пока не пришел. Наверное, в позднем юрском или раннем меловом. В этих периодах фауна разнообразнее, чем в других, – хотя судить можно лишь по окаменелостям, потому что больше у нас ничего нет. Допускаю, что нам известно гораздо меньше, чем кажется: лишь разрозненные фрагменты и никакой общей картины. Но в раннем меловом периоде не будет самой лакомой добычи для любителей сафари, старины-тираннозавра, тирекса...

– Да, о нем упоминалось, – подтвердила Райла.

– ...а это поздний юрский, – продолжил я. – По нашим сведениям. Возможно, там были хищники покрупнее, но их костей не нашли. Противостоять тираннозавру – чистой воды безумие: рост – восемнадцать футов, общая длина – пятьдесят, вес – восемь тонн, а то и больше, плюс безжалостный охотничий инстинкт. К тому же мы не знаем, сколько их было. Вероятно, не так уж много, поэтому выследить тираннозавра нелегко: для прокорма ему требовалась громадная территория, много квадратных миль. Он же здоровенный.

– Скоро сами все увидим, – сказала Райла.

Глава 15

Ближе к вечеру я позвонил Бену и спросил:

– Ну, готов начинать строительство мотеля?

– То есть ты уже нашел, что искал?

– Почти, – ответил я. – Мы с Райлой напали на след и хотим с тобой поговорить. Не по телефону. Заедешь?

– Как раз закончил на сегодня. Сейчас подскочу.

Я повесил трубку и сказал Райле:

– Не нравится мне все это. Думаю, Бен не подведет: ему надо побыстрее начать строительство мотеля. Наверняка у него и другие дела на уме, но мне все равно как-то неуютно. Рановато раскрывать наш секрет.

– Мы по-любому не сможем долго его хранить, – сказала она. – Начнем ставить ограду, и все поймут, что дело нечисто. Чтобы обнести сорок акров земли десятифутовой оградой, нужна серьезная причина. И нам нужен второй стрелок. Идти с одним ружьем туда, где водятся динозавры, попросту самоубийство. Говоришь, Бен не подведет?

– Лучшей кандидатуры я не вижу. Он охотник. Знает, как обращаться с оружием. Крупный, сильный, выносливый, не расклеится в критической ситуации. Но все это может обернуться против нас, так что поплрой и постучи.

Я достал из шкафчика бутылку, водрузил ее на стол, нашел три стакана и убедился, что в морозилке хватает льда.

– Собираешься принять его за кухонным столом? – удивилась Райла.

– Если сядем в гостиной, этот балбес не будет знать, как себя вести. Формальная обстановка может его спугнуть. Здесь ему будет удобнее.

– Если так, – сказала она, – я только за. Мне тут тоже нравится. Атмосфера как в баре. Во дворе слышались шаги. Человек приближался к кухонной двери.

– Быстро он, – заметила Райла.

– Извелся. Денежки почуял, – растолковал я, открыл дверь и впустил Бена; тот был похож на пса, напавшего на кроличий след.

– Нашелся корабль? – спросил он.

– Бен, присядь, – пригласил я. – Надо поговорить о делах.

Разлив виски по стаканам, мы расселись вокруг стола.

– Эйза, что ты задумал? – осведомился Бен.

– Для начала, – сказал я, – надо признаться, что на днях я тебя обманул. Вернее, сказал полуправду и утаил самое важное.

– То есть никакого корабля нет?

– Еще как есть.

– В таком случае о какой полуправде речь?

– Космический корабль – лишь незначительная деталь. Что гораздо важнее, мы нашли способ путешествовать во времени. В прошлое, а то и в будущее. Про будущее мы не спросили. Так разволновались, что забыли спросить.

– Спросить? У кого? – У Бена даже челюсть отвисла, словно его треснули чем-то тяжелым по макушке.

– Думаю, лучше начать с самого начала, – сказала Райла, – и рассказать, как все было. Спрашивать и отвечать – пустое дело.

Бен одним глотком осушил стакан и потянулся к бутылке.

– Ага. Давайте рассказывайте.

Похоже, он нам не верил.

– Лучше ты расскажи, – попросил я Райлу. – Мне есть чем заняться. И без того уже отстал. – И я кивнул на стакан Бена.

Райла заговорила выверенными скупыми фразами, без лишних слов изложила всю историю, начиная с покупки фермы и заканчивая сегодняшним днем. Не забыла и о поездке в Вашингтон и Нью-Йорк.

Бен был нем как рыба, сидел с остекленевшими глазами и слушал затаив дыхание. Даже несколько минут после того, как Райла закончила, он все еще молчал. Наконец поерзал и признался:

– Одного не пойму. По-вашему, Хирам умеет говорить с этим Чеширом. То есть он и с Бубликом умеет говорить? На самом деле?

– Этого мы не знаем, – ответила Райла.

– Осмыслить вашу историю весьма непросто, – покачал головой Бен. – Нельзя же взять и вернуться в прошлое. Это невозможно.

– Все так говорят, – сказала Райла, – и поэтому без доказательств не обойтись. Надо отправиться в прошлое, которого никто не видел, и снять там документальный фильм. Об одном вы еще не знаете, Бен: мы с Эйзой планируем вернуться во времена динозавров и хотим, чтобы вы отправились с нами.

– Я? Хотите, чтобы я отправился с вами в прошлое? К динозаврам?

Я встал и пошел в гостиную, где мы хранили покупки Райлы, а вернувшись, положил на стол одно из двух ружей:

– Знаешь, что это за штука?

Бен взял его, поднял повыше, прикинул вес. Развернулся, навел ружье на кухонное окно, переломил стволы и заглянул в них с казенной части.

– Слонобой. Двустволка. Слышал о таких, но ни разу не видел. Ты глянь, какой калибр! Слона с ног собьет. – Он вопросительно покосился на меня. – А динозавра? Причем крупного?

– Это никому не известно, – сказал я. – Думаю, меткий выстрел его остановит, а вот собьет ли с ног – не знаю. У нас два таких ружья. Одно будет у меня, когда мы отправимся в

страну динозавров; Райла будет снимать кино, и мы надеемся, что второе возьмешь ты. Непонятно, чего там ожидать, но при любом раскладе два ружья лучше, чем одно.

– Динозавры! – охнул Бен. – Вы предлагаете мне пойти с вами? С этим ружьем?

– Не совсем так, – поправила его Райла. – Мы не предлагаем. Мы умоляем вас пойти с нами.

– Умолять не обязательно, – сказал Бен. – Я всегда хотел съездить в Африку, а динозавры в сто раз лучше. Так что попробуйте меня остановить.

– Там может быть опасно. Или нет. Эйза правильно сказал: это никому не известно.

– Но вы пойдете?

– Должен же кто-то кино снимать, – самодовольно ответила Райла.

– Кино! – возопил Бен. – Господи, за такую пленку киношники поубивают друг друга! Миллион баксов, пять миллионов, только цену назовите!

– Этим займемся позже, – сказала Райла. – Может, киношники захотят сделать собственные съемки. Профессиональные.

– И вы продадите им права, – предположил Бен. – Задорого.

– Это уж точно, – кивнула Райла.

– А я-то перевозбудился из-за вшивого мотельчика... – не унимался Бен. – Однако в таком предприятии без капитала не обойтись. Можно вложиться? Хотя бы по мелочи? О серьезном пакете акций, понятно, речь не идет...

– Обсудим это позже, – отрезала Райла. – Для начала надо снять кино про динозавров. Без доказательств нет перспектив и ставки обнуляются.

– Далеко вы собрались?

– По меньшей мере на семьдесят миллионов лет назад, – ответил я. – А то и дальше. Надо как следует оценить возможности проекта.

– Спасибо, что согласились пойти с нами, – добавила Райла. – Там не обойтись без хорошего стрелка, бывалого охотника, знающего, чего остерегаться.

– Ты уже опробовал его в деле? – кивнул на ружье Бен.

Я отрицательно помотал головой.

– К ним особый подход нужен, – продолжил он. – Такое ружье запросто башку оторвет. У него страшная отдача. Перед выходом надо потренироваться.

– Здесь негде, – сказал я. – Слишком много людей вокруг. Рисковать нельзя: выстрелы будут слишком громкими, и начнутся лишние вопросы. Это недопустимо. Какое-то время надо держать наши дела в секрете.

– Патроны есть?

– Пара десятков. Должно хватить.

– Думаешь, такой выстрел остановит динозавра?

– Смотря какого он размера. Некоторых громадин разве что пушка остановит, но, если держаться от них подальше, проблем не будет. Опасность представляют только хищники.

Бен снова заглянул в стволы:

– Состояние неплохое. Какой-то налет... Наверное, пыль. Ржавчины нет. Надо бы пройти внутри промасленной бархоткой. Для начала разобрать и смазать. Негоже, если в критический момент ружье даст осечку. – Он похлопал ладонью по стволам. – Сталь хорошая. Такого ружья я в руках еще не держал. Наверное, кучу денег за него отвалили?

– Купила у компании, организующей сафари, – сказала Райла. – Мне сделали скидку. Эти люди намерены сотрудничать с нами, но только если докажем, что оно того стоит.

– Главное, помнить, – добавил я, – что мы отправляемся не на охоту. Наша задача – не добыть динозавра, а снять убедительный фильм для «Сафари» и юриста Райлы, так что мы с тобой, Бен, не палим во все, что движется, а прикрываем Райлу на случай неприятностей. Понятно?

– О да, понятно, – подтвердил Бен. – Ну а позже...

– Как только покончим с подготовкой, – пообещал я, – устроим тебе охотничью вылазку.

– Что ж, это вполне справедливо, – кивнул он. – Как прибудем на место, надо опробовать ружья. Посмотреть, как они стреляют, как с ними обращаться. Узнать, чего вообще ожидать от такой штуковины, прежде чем появится серьезный повод открыть огонь.

– Так и сделаем, – согласилась Райла. – Но здесь стрелять нельзя.

Бен вернул ружье на стол.

– Когда выступаем?

– В самом скором времени, – ответила Райла. – Через день-другой.

– Это лишь первый этап, – сказал Бен. – Самое начало. Вам много чего понадобится. Когда заговорят о путешествиях во времени, сюда хлынет публика, поэтому вам нужна какая-никакая охрана. Нельзя же, чтобы люди заволокли весь участок: не ровен час, попадут во временные колодцы, или как вы их там называете. Так что не забывайте о безопасности.

– Мы хотим обнести участок оградой, – кивнула Райла. – Чем выше, тем лучше. С ночным освещением и круглосуточным патрулированием.

– Все сорок акров? – присвистнул Бен. – Такая ограда – недешевое удовольствие.

– Еще понадобится административный корпус, – продолжила Райла, – и служебный персонал. Хотя бы несколько человек.

– Знаете что? Давайте я открою вам банковский кредит, – предложил Бен. – Для начала пятьдесят тысяч, а при необходимости поднимем планку. Распоряжайтесь этими деньгами, как сочтете нужным, выписывайте чеки, а мы все обналичим.

– Это чертовски щедрое предложение, – заметил я. – Куда подевался прежний Бен, банкир с каменным сердцем?

– Он перед тобой, – объяснил Бен. – Кредит вам будет, только если путешествие пройдет успешно. Ясное дело, мне надо знать, что у вас за душой.

– То есть у тебя остались сомнения?

– Сомнения? Не сказал бы. Когда мы расстанемся, я вернусь в машину и, конечно, задумаюсь, во что ввязался. Всю ночь буду убеждать себя, что зря я, дурак, вам поверил, что путешествовать во времени невозможно, но сейчас сижу у вас на кухне, потягиваю ваш виски, слушаю вас и ни в чем не сомневаюсь. Более того, у меня уже руки чешутся. Эйза, будь на твоём месте кто-то другой, я не поверил бы ни единому слову. Вспомни детство. Да, меня приняли в вашу компанию, но я оставался сыном банкира, и многим это не нравилось. Парни думали, что мои родители богаче других, хотя это было не так, но поди объясни... Подкалывали при всяком удобном случае. Люди питают стойкую неприязнь к банкирам из маленьких городков – если уж на то пошло, к банкирам в целом, – и давай посмотрим правде в глаза: биография моего старика не внушает особого доверия. О своей биографии могу сказать то же самое. Но ты... Ты ни разу меня не подколол. Бывало, вступался за меня. Относился ко мне не хуже, чем к остальным.

– Да ну тебя, – сказал я. – Тоже мне, великая добродетель... Чем ты отличался от других? В маленьком городке все мальчишки одинаковые.

– Видите? – повернулся Бен к Райле. – Потому-то я и доверяю этому парню.

– Очень рада, что это так, – ответила Райла, – и мы будем признательны за любую помощь. Двоим такое дело не по плечу.

– Давайте-ка я поспрашиваю насчет ограды. Найду рабочих, скажу, что кое-кто собрался норок разводить, а я помогаю. Говорить буду уклончиво, и это не вызовет лишних вопросов, ведь именно таких повадок от меня и ждут. Все подготовлю, соберу нормальную бригаду, и по вашей команде начнем строительство. Дело в том, что ограду надо ставить по-быстрому, чтобы местные не успели спохватиться. Страда уже закончилась, и фермеры не откажутся от возможности заработать лишний доллар. Но первым делом надо вызвать геодезистов, чтобы не оття-

пать ненароком кусок чужой земли. С охраной будет посложнее, но и здесь я смогу помочь. В полицейском департаменте Миннеаполиса недавно было сокращение: урезали бюджет, и человек двадцать-тридцать оказались на улице. Может, кто-то до сих пор без работы сидит. Еще смогаюсь в Ланкастер, поговорю с шерифом и послушаю, что он скажет. В подробности вдаваться не стану. Кроме того, понадобятся таблички «Посторонним вход воспрещен». Если не ошибаюсь, есть какие-то правила насчет размера и точной формулировки. Это я тоже уточню.

– Как вижу, у вас все схвачено, – сказала Райла.

– Если взялся, надо делать как следует. Чем лучше план, тем меньше будет проблем. – Бен взглянул на часы. – Мне пора. Иначе опоздаю к столу, и Майра шкуру с меня спустит. Сегодня идет на какое-то мероприятие и меня с собой тащит, поэтому ужинаем раньше обычного. – Он встал. – Будем на связи. Дайте знать, когда выступаем. Только заранее, чтобы я мог выдумать отговорку: мол, надо уехать на какое-то время.

– Думаю, путешествие займет пару дней, – сказала Райла.

– На пару дней я отпущусь без проблем, – пообещал Бен, а когда он ушел, Райла заметила:

– Не человек, а паровой каток.

– Ты же его слышала, – напомнил я. – Бен хочет выкупить часть наших акций.

– Продадим ему пять процентов, – согласилась Райла. – Деньги у него водятся?

– Он парень прижимистый, – сказал я. – Заработанного почти не тратит. Плюс семейный капитал – пусть не самый большой, но, думаю, вполне приличный.

Глава 16

Хирам важничал: еще бы, ведь сегодня он был за главного.

– Видите столбики? – Он указал на три красных колышка, вбитые в землю рядком, один за другим. – Они отмечают дорогу. Пройдете вдоль столбиков и окажетесь в прошлом. – Он протянул мне охапку колышков, окрашенных в тот же цвет. – Как окажетесь на месте, никуда не уходите. Сперва поставьте там столбики – так же, как я эти три штуки поставил. Чтобы знать, где выход, когда придет время возвращаться.

– Но ты поставил всего три штуки, – заметил я, – так что и мне трех хватит.

– Вам надо больше, – возразил Хирам, – чтобы было лучше видно. Здесь столбикам ничего не грозит, а там... Мало ли, вдруг их динозавры сшибут. Ваши я сделал подлиннее и потяжелее, чтобы вбить поглубже в землю.

– Хирам, – спросила Райла, – ты сам все это придумал?

– Ну да. Что тут придумывать? Главное, не волнуйтесь. Если не вернетесь через несколько дней, я отправлю к вам Бублика, а он найдет вас и приведет домой. Как в прошлый раз – помните, мистер Стил?

– Да уж, не забыл, – сказал я. – Спасибо тебе, Хирам.

– Главное, будь здесь, – велел ему Бен. – Присматривай за фермой. У Эйзы полный холодильник еды, так что в магазин бегать не надо.

– А в туалет ходить можно?

– Можно, – разрешил Бен, – но по-быстрому. И не говори никому, что тут происходит. Даже если будут спрашивать. Например, если придет Герб. Он что-то подозревает и уже весь иззуделся. Если кто спросит про столбики, отвечай, что не знаешь, зачем они тут.

– Или даже убери, когда мы уйдем, – добавила Райла.

– Нет, убрать не могу, – сказал Хирам. – Вдруг вас спасать придется?

– Не придется, – ответил Бен. – Если запоздаем, не волнуйся. Сам не ходи и Бублика не посылай.

– Если что, – не унимался Хирам, – я поисковый отряд соберу.

- Проклятье, нет! – рассердился Бен. – Вообще ничего не делай! Просто сиди на ферме.
- Ну ладно, мистер Пейдж, – сдался Хирам.

Я оглядел спутников и не увидел причин тянуть кота за хвост. Райла нагрузилась кинооборудованием, а мы нацепили рюкзаки и взяли здоровенные ружья. Кроме того, у Бена на плече болталась винтовка калибра 7.62 – по его словам, чтобы добывать пропитание.

– Не бывало такой охоты, – сказал он чуть раньше, – чтобы я никого не подстрелил. На природе без свежего мяса не обойтись.

– Но там одни ящерицы, – возразил я, – и динозавры, и прочие несъедобные твари.

– Почему это несъедобные? – осведомился Бен. – Ящериц вполне можно есть. И динозавров, наверное, тоже. Ящериц много кто ест. Говорят, на вкус как курятина.

Итак, мы выстроились в шеренгу: во главе отряда встал я, за мной – Райла, а Бен замыкал строй.

– Ну, вперед, – сказал я. – Не забывайте, там может быть глубокая ночь. За миллионы лет длина светового дня изменилась. И не факт, что Чешир не промахнулся: при путешествии в столь глубокое прошлое – а мы, напомним, заказали семьдесят миллионов лет – погрешность в два-три года неминуема, так что сами понимаете...

– Эйза, – пресек мои разглагольствования Бен, – хватит лекции читать. Пошли уже.

Не оглядываясь (и без того было ясно, что остальные следуют за мной), я прошел вдоль ряда ярко-красных колышков, а когда миновал последний, поначалу запнулся, но на следующем шагу восстановил равновесие и понял, что нахожусь в другом месте.

– Всем стоять! – приказал я спутникам. – Не вертеться, смотреть туда же, куда смотрели. Ставим колышки, чтобы не вышло беды.

Напомнить об этом надо было раньше, перед выходом, и теперь я слегка растерялся: мало ли, вдруг мы сбились с направления или сделали лишний шаг? Мне вспомнилось то чувство бесконечного ужаса, когда я понял, что застрял в плейстоцене. В общем, лишь после этих запоздалых инструкций я стал смотреть, куда мы попали.

Нет, здесь была не ночь. Здесь был ясный день. Даже не зная, где мы оказались, я непременно понял бы, что нахожусь в позднем меловом периоде.

Выглядело все примерно так же, как в нашем мире. Да, деревьев тут было побольше, но все знакомые: клены, березы, дубы, а кое-где – вечнозеленая растительность, но прямо перед нами росло что-то вроде громадного ананаса, утыканного множеством папоротниковых ветвей. Саговник, причем более примитивный, чем я ожидал, но факт остается фактом: в этих широтах саговник мог соседствовать с привычными нам деревьями только в меловом периоде.

– Давайте-ка вобьем метки, – напомнил Бен.

Не оборачиваясь, я сунул за спину один колышек (его подхватила Райла), после чего вбил второй, отцепив с ремня топорик. Сделал пару шагов вперед и поставил третий.

Когда мы закончили, на земле выстроилась линия из шести колышков. Бен прошелся вдоль них и пристукнул каждый следующий, чтобы тот сидел глубже предыдущего.

– Вот, – подытожил он, – теперь будем знать, в каком направлении идти. Чем они выше, тем ближе к дому.

– Саговник, – сказала мне Райла. – Обожаю эти растения. Несколько лет назад даже купила партию окаменелостей.

– Саговник? Что это? – спросил Бен.

– Вон тот невероятный ананас с хохолком наверху.

– Ананас? Ага, вижу. Это что, и правда ананас?

– Нет, – помотала головой Райла, – это не ананас.

Мы с Беном скинули лямки с плеч и опустили рюкзаки на землю, но Райла не спешила расставаться со своим кинобарахлом.

– Нет, вы только гляньте, – проворчал Бен. – Обманули меня, получается. Обещали динозавров – и где они?

– Повсюду, – ответила Райла. – К примеру, посмотрите вон на тот холм. Там целое стадо. Бен прищурился:

– Они же маленькие! Не больше овечек!

– Динозавры бывают всякие, – объяснила Райла. – Самые мелкие – с курицу размером. Эти – травоядные. С такого расстояния не видать какие...

Наверное, они с Беном отличались острым зрением, поскольку я едва видел вышеупомянутое стадо – микроскопические точки на травянистом склоне. Хорошо хоть они двигались, иначе я вообще ничего не заметил бы.

Солнце прямо над головой, воздух теплый, но не слишком, легкий западный ветерок – у нас так бывает в раннем июне, перед летней жарой.

Сперва я увидел знакомые деревья, затем саговник, а теперь подмечал и остальное: почти всю землю покрывали низкорослые кусты кальмии и сассафраса. Травы (жесткой, крепкой) оказалось немного, и она росла островками, вовсе не похожая на траву плейстоцена, стремившуюся завоевать каждый дюйм. Удивительно. Не ожидал, что здесь будет трава. Если судить по учебникам, она появилась много позже – несколько миллионов лет спустя.

Теперь я видел, насколько мы ошибались.

Тут и там меж привычных глазу кленов и берез виднелись скудные рощицы пальметты, и я понял, что мы находимся в точке смешения, на грани между зарождением лиственных деревьев и отмиранием старой, более примитивной флоры. Поскольку напочвенный покров был не столь богат, как миллионы лет спустя, когда власть над ним захватила известная нам трава, земля оказалась плотной, испещренной множеством канавок там, где почву размыли внезапные летние ливни (если в этом мире вообще были другие времена года, кроме лета). Коварная почва – придется смотреть под ноги. Кустарники затрудняют ходьбу, а на бороздчатой поверхности легко оступиться.

Бен наклонился за рюкзаком и закинул его на плечо.

– Надо поискать место для лагеря. Лучше бы поближе к воде. Где-нибудь непременно найдется ручей. Когда мы были мальчишками, тут было полно ручейков – помнишь, Эйза? – но, как лес вырубил, а землю пустили под пастбища, почти все они пересохли.

– Воду найти не трудно, – кивнул я. – Давай-ка осмыслим географию. Река по-прежнему вон там, течет с юго-запада, но русло другое. Глянь, никакой излучины. Идет прямо через будущий Уиллоу-Бенд.

– Вижу, – подтвердил Бен. – Все какое-то заросшее, но холмы и низины примерно те же, что у нас, так что разберемся.

– Земля – древняя планета, – сказала Райла. – С нынешнего момента до времен Уиллоу-Бенда тут не происходило ничего особенного: не разливались эпиконтинентальные моря, не свирепствовал ледник. Канзас-сити на западе, до него много миль. Если не считать вероятных озер, в этих краях нет крупных водоемов, поэтому вряд ли здесь водятся завроподы.

Я поднял рюкзак, просунул руки в лямки, а Райла поудобнее перехватила камеру, и мы двинулись вперед: на сей раз Бен впереди, а я сзади. Справа из кустов донесся писк, потом шорох в подросте. Наверное, какая-то млекопитающая мелочь пустилась наутек. Шустроногий живности здесь должно быть много, размером от мыши до кролика. Тут, наверное, водятся кролики. Опоссумы? Сто процентов. Может, даже белки. Прячутся от рыщущих повсюду злобных тварей, одержимых вечным голодом, а через десять миллионов лет унаследуют мир, опустевший после массового вымирания рептилий.

Бен свернул к западу и повел нас к реке. Идти было трудно, приходилось нащупывать дорогу, постоянно хотелось опустить голову, чтобы видеть, куда ступаешь, но, когда смотришь

под ноги, затруднительно обозревать окрестности, а инстинкт подсказывал, что в подобном месте надо бы озираться по сторонам.

Ружье тяжелело с каждой минутой. Нести его было все неудобнее, я никак не мог приладиться к нему и постоянно думал, что стану делать, если в поле зрения объявится голодный хищник – и, конечно же, мигом рванет к долгожданной добыче. Рюкзак и без того портил жизнь, но ружье совсем меня доконало.

В паре сотен футов от нас из березовой рощицы высунулась черепаха (причем огромная, голова размером с бочонок). Заметив нас, остановилась и поморгала; мы же застыли на месте (Бен – с наполовину вскинутым ружьем).

Да, это создание напоминало черепаху, но лишь отчасти. Вместо панциря у него была броневая пластина, и оно продолжало выбираться из березняка, помаргивая глазами мембранами, шагало вразвалочку, а лапы у него были такие короткие, что брюхо едва не волочилось по земле.

Справа я услышал стрекот камеры, но оглядываться на Райлу было недосуг, ибо я продолжал рассматривать это чудище. Наконец сказал (в надежде, что не ошибаюсь):

– Ничего страшного. Это анкилозавр. Он не хищный.

К тому времени существо явило нашему взору все свои пятнадцать футов. За туловищем волочился хвост, увенчанный не кисточкой, а массивной костяной дубинкой.

Камера стрекотала без остановки. Древний броненосец остановился, рыкнул на нас, поднял дубинку своего хвоста и грохнул ею оземь.

– Будь я проклят! – охнул Бен. – Он хочет нас отпугнуть.

– Этот зверь нас не боится, – сказал я. – Он вообще никого не боится. Если на него сдуру поперет карнозавр, получит дубинкой по зубам.

Анкилозавр демонстративно отвернулся от нас и уковылял прочь. Райла опустила камеру, а Бен напомнил, что мы ищем место для лагеря.

Получасом позже мы отыскиали ручей на склоне холма, прятавшийся за дубами и кленами – могучими деревьями, напомнившими мне иллюстрации к первому изданию Теннисона, где были изображены старые английские леса.

– Идеально! – восхитился Бен. – И безопасно. Здесь, в роще, к нам никакой хищник не подкрадется.

– Кстати, нельзя исключать, что мы переоцениваем кровожадность карнозавров, – предположил я. – Совсем не факт, что они с ходу бросятся в атаку, ведь мы отличаемся от их привычной добычи. Может, они побоятся к нам подойти. К тому же не сказал бы, что они тут повсюду.

– Все равно, – настаивал Бен, – лучше не рисковать. Держимся вместе, никто никуда не уходит, все проверяем и перепроверяем. Кстати, как разобьем лагерь, надо пристрелять ружья.

Мы по-быстрому устроили стоянку (простенький лагерь с двумя палатками под сенью деревьев), выкопали яму для костра, наломали сухих веток, сложили их в подобие поленницы и разобрали рюкзаки.

– Ночью дежури́м по очереди, – сказал мне Бен. – Чтобы нас никто не затоптал.

Закончив с лагерьем, мы занялись ружьями.

– Главное, – посоветовал Бен, – не суетись. Не напрягай мышцы сильнее, чем надо. Поднеси приклад к плечу, но слишком крепко не упирай, оставь пространство для отдачи и контролируй его, иначе приклад отскочит от плеча и вмажет тебе по подбородку. И подайся вперед, совсем чуть-чуть.

У Бена проблем не возникло: он уже охотился с крупнокалиберным ружьем, хоть и не с такой громадиной. Я же чувствовал себя несколько иначе, поскольку раньше стрелял только из мелкашки, но, памятуя советы Бена, справился вполне прилично. Первый выстрел чуть не отшиб плечо, и я попятился, чтобы устоять на ногах. Второй дался проще. Третий показался

довольно обычным. Делая четвертый и последний выстрел, я даже не заметил отдачи. Мы целились в одинокую березу, и после пристрелки от нее мало что осталось.

– Неплохо, – похвалил меня Бен. – Нельзя, чтобы ружье причиняло тебе боль. Если не укротить его, если приклад сильно лупит в плечо, стрелок начинает бояться ружья и вздрагивает при каждом выстреле, а в таком случае проще запустить ружьем в того, кто на тебя бежит. Вздрогни – и с двадцати шагов промажешь по широкой стенке амбара.

– Эйза, – тихонько позвала Райла откуда-то сбоку.

Я обернулся и увидел, что она сидит на земле по-турецки: локти на коленях, чтобы не дрожал бинокль.

– Иди посмотри, – сказала она. – Здесь кого только нет. И группами, и поодиночке, но они сливаются с местностью так, что заметить непросто. Глянь вон туда, левее четырех деревьев на склоне у реки..

Она передала мне бинокль, но он был такой тяжелый, что я еле удержал его, поэтому пришлось сесть и, подобно Райле, поставить локти на колени.

Я не сразу понял, что она хотела мне показать, но в итоге увидел четыре дерева, глянул левее и повозился с настройкой резкости. Существо отдыхало, присев на задние лапы и упершись в землю тяжелым хвостом. Громадное туловище возвышалось почти вертикально, а уродливая голова поворачивалась из стороны в сторону, будто ящер обозревал окрестности.

– Что скажешь? – спросила Райла. – Тираннозавр?

– Не знаю, – ответил я. – Не уверен.

Проблема, разумеется, была в том, что никто не мог сказать, тираннозавр это или нет. Все мы видели только кости и пару-тройку окаменелых мумий с частично сохранившейся шкурой. Визуальные впечатления мы черпаем в работах художников – кстати говоря, весьма неплохих, но с громадным количеством домыслов и упущений.

– Нет, это не тирекс, – наконец сказал я. – Длинноваты передние лапы. Однозначно теропод. Может, неизвестный нам вид тираннозавра: нельзя же полагать, что были найдены окаменелости всех его разновидностей. Как бы то ни было, внушительная зверюга. Сидит, отдыхает и высматривает достойного кандидата на ужин.

Я продолжал наблюдение. Если не считать его покачивающейся головы, динозавр не шевелился.

– Передние лапы слишком развиты, – согласилась Райла. – Меня это тоже смутило. Окажись мы на несколько миллионов лет раньше, я бы сказала, что перед нами аллозавр, но в этом периоде они не водятся. Давно вымерли.

– Может, и не вымерли, – возразил я. – Мы ведем себя так, будто по найденным окаменелостям восстановили историю динозавров, а если после какого-то слоя фоссилии уже не попадают, мы склонны считать, что этот вид вымер, – хотя, быть может, плохо искали в более молодых слоях. Не исключено, что аллозавры исчезли гораздо позже.

Я протянул бинокль Бену и указал на четыре дерева:

– Глянь левее.

– Эйза, – сказала Райла, – надо его заснять. Это же первый крупный хищник, которого мы встретили.

– Так возьми телеобъектив, – посоветовал я. – Он и отсюда добьет.

– Уже взяла, но изображение страшно размытое. По крайней мере, в видеоискателе. Наверное, и на пленке тоже. Чтобы заинтересовать ребят из «Сафари», нужны четкая картинка и крупный план.

– Давай подберемся ближе, – сказал я. – Да, он далеко, но почему бы не попробовать...

– Уходит, паршивец, – сообщил Бен. – На ту сторону холма. Причем быстро. Наверное, добычу засек.

– Черт, – огорчилась Райла, – это все ваша пристрелка. Динозавра мне спугнули!

– Не сказал бы, что он испугался, – возразил я. – Сидел себе на месте. Да и вряд ли он слышал выстрелы: далеко же.

– Но мне нужен кто-то крупный! – настаивала Райла.

– Найдем, найдем тебе крупного, – пообещал я.

– Мелких тут полно, – продолжила она. – Целые стайки струтиомимов и прочей мелюзги размером с индейку, несколько анкилозавров, какие-то рогатые малыши, всевозможные ящерицы, у реки – большие черепахи, но кому они нужны? Сколько-то летающих рептилий – наверное, это птерозавры, – и еще птицы, но ничего по-настоящему зрелищного.

– Не вижу смысла гоняться за этим гигантом, – сказал Бен. – Слишком уж быстро он умотал, будто знал, куда идет. Когда доберемся до холма, его и след простынет. Нет, прогуляться-то можно, если оно вам надо. Главное, не слишком далеко. Дело к вечеру идет, и хотелось бы вернуться в лагерь до темноты.

– Ночью оно, пожалуй, безопаснее, – объяснил я. – Вряд ли рептилии сохраняют активность после заката. Они же холоднокровные. По идее, должны впадать в летаргию из-за узкого диапазона температурной толерантности. В полдень, когда жарко, они прячутся, а ночью, когда холодно, сидят на месте.

– Ты, наверное, прав, – сказал Бен. – Даже не наверное, а несомненно, ведь ты ученый, но лично мне комфортнее ночевать в лагере, у яркого костра.

– Нельзя утверждать, что по ночам динозавры не двигаются, – добавила Райла. – Во-первых, мы не можем быть уверены, что с заходом солнца сильно похолодает. А во-вторых, существуют доказательства против холоднокровности, и некоторые палеонтологи утверждают, что на самом деле динозавры были теплокровными.

Насчет доказательств она, разумеется, была права: я читал некоторые работы, но меня они не впечатлили, хотя об этом я решил умолчать. Как видно, Райла придерживалась другого мнения, и сейчас было не время вступать в академические споры.

С севера донесся чей-то рев.

Мы застыли и прислушались. Звук не становился ни громче, ни тише. Кто-то размеренно порывивал, оставаясь на месте. Весь мир умолк, и в промежутках между рыками я совершенно ничего не слышал. До этого я не улавливал фоновый шум – негромкую гоготню, хрюканье, мириады всевозможных всплескиваний, – но теперь заметил его отсутствие.

– Не наш ли это приятель по ту сторону холма? – спросил Бен.

– Может, он, – ответила Райла. – А может, и не он. Не знала, что динозавры способны рычать.

– Никто не знал. До сих пор считалось, что они молчаливые создания. Зато теперь мы выяснили, что они довольно шумные.

– Забраться бы на холм, – предложил Бен. – На самую верхушку, чтобы увидеть этого крикуна.

На холм мы забрались, но крикуна не увидели. Когда оказались на вершине, он уже перестал порывивать. Мы повозились с биноклем, но так и не заметили зверя, способного издать подобные звуки.

Зато взбудоражили массу живности. Повсюду носились стайки струтиомимов – точь-в-точь ощипанные куры, разве что шестифутовые. На крошечной лужайке копалось стадо миниатюрных рогатых монстров – наверное, в поисках клубней и корней. Эти с пороссячим хрюканьем удрали в кусты. Из-под ног расползались змеи. Мы спугнули стаю птиц размером с куропатку или чуть больше, нелепых и неуклюжих, и эти забавные создания протестующе захлопали крыльями. Мне показалось, что перья у них растут снизу вверх, да и летать эти птицы толком не умели. Чуть дальше мы увидели нескольких игуаноносов, шестифутовых или около того. Предполагалось, что они гораздо крупнее, а если судить по окаменелостям, здесь

вообще не могло быть этих обрюзгших тварей злобного вида. Когда они разевали пасть, я видел ряды превосходных зубов. Плотоядные – это как пить дать: травоядным такие зубы ни к чему.

Мы приблизились. Бен изготовился стрелять. Я последовал его примеру, но игуанодоны оставались невозмутимы. Какое-то время взирали на нас с сонным подозрением, а потом развернулись и убрели прочь.

До темноты камера не переставала жужжать. Райла отсняла множество катушек, делая паузы лишь для того, чтобы сменить пленку. Однако, если не считать игуанодонов, никого крупного нам не попало.

По пути к лагерю Бен указал на небо:

– Гляньте!

Я увидел вдалеке стаю птиц, штук сто черных точек, летевших на восток. Навел на них бинокль и, хотя в окулярах птицы остались относительно маленькими, с полной уверенностью заявил:

– Птерозавры. Где-то рядом большая вода.

Когда мы повернули обратно, до заката оставалось около часа. На полпути мы встретили группу из шестерых струтиомимов. Завидев нас, они замерли и приготовились к бегству.

– Подержи-ка.

Бен сунул мне крупнокалиберное ружье и скинул с плеча охотничью винтовку. Струтиомимы уже дали деру и удалялись от нас размашистыми прыжками, слегка покачиваясь на бегу. Бен поднял оружие, прицелился, винтовка щелкнула сухо и зловеще, и один из бегущих динозавров сделал сальто, шлепнулся на спину и засучил в воздухе длинными и стройными лапами.

– Ужин, – усмехнулся Бен, закинул на плечо охотничью винтовку и потянулся за слонобоем. – Сняли?

– Сняла, – торжественно подтвердила Райла. – Все на пленке. Первый динозавр, погибший от пули.

– Да что вы говорите! – Бен усмехнулся шире прежнего.

Мы приблизились к туше. Бен прислонил к ней здоровенное ружье, выхватил из поясного чехла охотничий нож и велел мне:

– Тяни его за ногу.

Держа в одной руке ружье, другой я схватил убитого динозавра за лапу и потянул, а Бен сделал несколько хирургически точных надрезов вокруг ляжки, после чего сказал: «Сойдет», ухватился за нее обеими руками и резко крутанул. Лапа отделилась от туши, но все еще держалась на мышечных лоскутах. Дважды взмахнув ножом, Бен довершил начатое.

– Я понесу окорок, – сказал я, – а ты бери мое ружье.

– Могли бы и вторую ногу прихватить, – хмыкнул он, – но хватит нам одной. Не вижу смысла запасаться мясом. Только испортится.

– С чего ты решил, что оно съедобное? – спросил я.

– Не отравимся, – ответил он. – Если будет невкусно, выбросим и поджарим бекона.

– Ничего мы не выбросим, – сказала Райла. – Из этого окорока выйдет отличный ужин.

– Откуда такая уверенность? – спросил я.

– Ну... ты же не станешь спорить, что курятина нас вполне устраивает?

– Я, наверное, чего-то не понимаю, – сказал Бен, – но разве куры как-то связаны с динозаврами?

– Они близкие родственники. Самые близкие, если говорить о нашей эпохе. Прямые потомки, хотя с некоторой натяжкой.

Действительно с натяжкой, мысленно согласился я, но вслух ничего не сказал. В конце концов, отчасти Райла права. Раз уж я возложил свое мнение насчет теплокровности на жертвенный алтарь всеобщей гармонии, то и о курах, наверное, лучше помалкивать.

Выбрасывать мясо не пришлось. На вкус оно оказалось неплохим, чем-то напоминало телятину, но с оригинальным сладковатым привкусом, и мы наелись до отвала.

Покончив с готовкой, подкинули в огонь дровишек и сели у костра. Бен открыл бутылку виски и плеснул по паре капель в кофейные чашки.

– По чуть-чуть. Охотничий коктейль, чтобы согреть нутро и расслабиться.

Он раздал нам чашки, а бутылку предусмотрительно спрятал.

Мы потягивали кофе, и мир был прекрасен: уютный костер, отснятая пленка... Полный порядок. Даже говорить не хотелось: за целый день беготни мы слишком устали, чтобы разговаривать.

В подростке кто-то шуршал и попискивал.

– Млекопитающие, – сказала Райла. – Бедняжки-шуршунчики, весь день прятались от ящеров...

– Почему это «бедняжки»? – осведомился Бен. – Все у них будет хорошо. Динозавры вымрут, а шуршунчики останутся.

– Это как посмотреть, – ответила Райла.

– Так, пора на боковую. Первый караул с меня, – расщедрился Бен. – Эйза, разбужу тебя... – Он глянул на хронометр. – Проклятье! Показывает четыре часа. Ну да, конечно, наше время тут не годится. Ладно, разбужу, когда на часах будет восемь.

– Про меня не забудьте, – напомнила Райла.

– Вы лучше спите, – сказал Бен, – а мы с Эйзой посторожим лагерь.

Погода стояла славная, и ночевать решили не в палатках, а на свежем воздухе. Расправили спальники и улеглись. Довольно долго мне не спалось, хоть я и старался уснуть: завтра предстоял трудный день. Бен какое-то время сидел у костра, а потом взял тяжелое ружье и направился к опушке роши, где продолжалась какая-то возня. Млекопитающих пискунов, подумал я, тут гораздо больше, чем можно представить.

– Эйза, ты спишь? – спросила Райла.

– Пока нет. А ты спи, – посоветовал я. – Набирайся сил.

Больше она ничего не сказала. Я же старался задремать и наконец преуспел в этом начинании, а потом, наверное, глубоко уснул, поскольку в следующий миг Бен уже тряс меня за плечо. Я отбросил одеяло, встал и спросил:

– Что-то не так?

– Все нормально, – ответил он. – Скоро рассвет.

– Засиделся ты в дозоре. Почему раньше не разбудил?

– Я бы не заснул, – сказал Бен. – Столько впечатлений! Но теперь усталость накатила. Может, и посплю. В твоём спальнике, если ты не против. Не вижу смысла раскатывать третий.

Он сбросил ботинки, залез в спальный мешок и накрылся одеялом, а я подошел к ярко пылавшему костру. Должно быть, Бен подбросил дров, прежде чем разбудить меня.

Ночь стихла: ни шорохов, ни попискиваний. Было темно, но в воздухе пахло скорым рассветом. Неподалеку от роши кто-то зачирикал. Наверное, птица – вернее, птицы, поскольку чирикали они на разные голоса.

Я сунул ружье под мышку, вышел из роши и стал обозревать окрестности, едва освещенные бледным серпом луны.

Все вокруг замерло, но спустя несколько минут я разглядел на узкой полосе прибрежной низины какое-то движение. Пауза, снова движение. Я не мог разобрать, что там происходит, но знал, что глаза вот-вот привыкнут к темноте.

Минут десять спустя мне показалось, что по низине бродят какие-то темные сгустки. Я смотрел во все глаза. Образы остались прежними, но к ним добавились мимолетные отблески, краткие отражения скудного света луны на движущихся пятнах. Чириканье не утихло – напротив, становилось все громче и разнообразнее; и мне подумалось, что звук идет из прибрежной

низины, а потом я понял, что это вовсе не чириканье, а какой-то новый незнакомый звук, не имеющий названия. Я готов был поклясться, что его издают те самые темные сгустки.

Присел на корточки, напряг зрение, но почти ничего не видел – одни лишь темные пятна, которые то двигались, то замирали, но в целом оставались на том же месте.

Не знаю, сколько я так просидел, но довольно долго: никак не мог насмотреться на шевеление в низине. На востоке занялась зарница, за спиной подала голос заспанная птица, и я обернулся взглянуть на рошу, а когда снова посмотрел в низину, темные кляксы обрели очертания, и теперь я видел, что они крупнее, чем представлялись. Существа бродили у реки – не все сразу, но парами или поодиночке, делали два-три шага и замирали, а позже их соседи тоже переходили с места на место.

Глядя на них, я подумал, что так пасется скот, и немедленно смекнул, чем заняты эти создания, кем бы они ни оказались: передо мной было стадо динозавров, и они преспокойно паслись в прибрежной низине, будто самые обыкновенные коровы.

То ли из-за этой догадки, то ли из-за того, что невидимое до сей поры солнце засветило чуть ярче, я сообразил, что смотрю на гурт трицератопсов, а чуть позже различил характерные костяные воротники и белые нацеленные вперед рога, росшие прямо над глазами.

Я встал – медленно, осторожно, даже осторожнее, чем надо, поскольку вряд ли спугнул бы их с такого расстояния, – и вернулся в лагерь; опустился на колени подле Райлы, потряс ее за плечо, и она сонно пробурчала:

– Ну что еще?

– Проснись, – сказал я. – Только тихо. Не шуми. Там стадо трицератопсов.

Она, до конца не проснувшись, выбралась из-под одеяла:

– Трицератопсы? С рогами и так далее?

– Говорю же, их там тьма-тьмущая. Целое стадо в низине у реки. Пасутся, словно бизоны.

Бен уселся и стал тереть кулаками глаза:

– Что стряслось?

– Эйза заметил трицератопсов, – сообщила ему Райла.

– Это у которых рога изо лба растут?

– Вот именно, – подтвердил я.

– Здоровенные, – сказал Бен. – В Музее наук в Сент-Поле есть такой скелет, видел его пару лет назад. – Он поднялся на ноги и взял ружье. – Ну что ж, пойдёмте смотреть трицератопсов.

– Слишком темно, – возразил я. – Подождём до утра. И для начала позавтракаем.

– Ну, не знаю, – сказала Райла. – Вдруг они уйдут? Говоришь, там целое стадо? Настоящие трицератопсы, а не та мелочь рогатая, которую мы уже видели?

– Большие, – кивнул я. – Насколько большие, я не рассмотрел, но приличные. Ступайте поглядите, а я пожарю яичницу с беконом. Как будет готова, принесу вам поесть.

– Только осторожнее, – предупредила Райла. – Не греми посудой.

Потом они ушли, а я поставил на угли кофейник, откопал в запасах провианта бекон и яйца и занялся готовкой. Пока ходил туда-сюда с тарелками и чашками кофе, заметно посветлело, но трицератопсы оставались в низине.

– Ты хоть раз в жизни видел такую красоту? – спросила Райла.

И не поспоришь. Зрелище было завораживающее. Вся низина длиной в пару миль была покрыта трицератопсами, деловито жующими траву и приземистый подрост: некоторые – совсем юные, не больше кабанчика, другие – покрупнее (наверное, годовики), а остальные – взрослые особи. С нашего места казалось, что они не меньше пяти футов ростом, а длиной футов двадцать, если считать вместе с хвостом. Из-за массивных костяных воротников их головы выглядели не то что большими – огромными. Трицератопсы не переставали умиротворенно чирикать.

– Как бы к ним подобраться? – спросил я.

– Идем, но помедленнее, – ответил Бен. – Не делая резких движений и не издавая ни звука. Если они нас заметят, остановимся. Как перестанут смотреть в нашу сторону, двинем дальше. Так что наберитесь терпения. Райла посередине, мы с тобой по бокам. Если они ломаются в нашу сторону, Райла отступает, а мы держим оборону.

Мы доели яичницу, побросали на месте тарелки с кофейными чашками, не трудясь отнести их обратно в лагерь, и стали подкрадываться к реке, хотя в наших действиях не было никакой секретности, поскольку мы шли в полный рост.

– Ничего не понимаю, – сказал я. – Мы же как на ладони.

– Если подберемся тайком и застанем этих тварей врасплох, они испугаются, – возразил Бен, – а так рассмотрят нас хорошенько и, хотелось бы верить, придут к выводу, что у нас не слишком опасный вид.

Поэтому мы медленно, по несколько шагов зараз, шли к реке и замирали, когда трицератопсы отвлекались от поедания травы и смотрели в нашу сторону. Похоже, Бен оказался прав и динозавров не беспокоило наше присутствие.

Пару раз мы останавливались, чтобы Райла могла заснять панорамный вид, а когда оказались в пятидесяти ярдах от стада, нас наконец заметили. Две громадины перестали жевать, развернулись, вскинули голову, наставили на нас страшные рога и грозно защелкали кривыми клювами.

Мы остановились. Я слышал, как слева стрекочет камера, но не отводил глаз от динозавров. На всякий случай приподнял ружье: одно движение – и приклад взлетит к плечу. Странное дело: поначалу оружие было непомерно тяжелым, но теперь казалось невесомым.

Чириканье стихло. Ни звука. Динозавры, стоявшие ближе к реке, подняли голову и уставились на нас. Стадо перешло в режим боевой готовности.

– Пятимся, – тихо скомандовал Бен. – Потихоньку. По шагу зараз. И осторожнее, не споткнитесь.

Мы попятились.

Одна из громадин ринулась к нам, я вскинул ружье, но зверюга тут же остановилась и свирепо затрясла чудовищной башкой.

Мы продолжали отступать.

Вторая громадина рванула вперед и замерла, в точности как первая.

– Блефуют, – сказал Бен, – но лучше не нарываться. Не останавливайтесь.

Слева от меня урчала камера.

Двое динозавров смотрели на нас, не сходя с места. Когда мы отступили на сотню ярдов (может, чуть больше), звери развернулись и потрусили обратно к стаду, а остальные переместились к кормежке.

– Пронесло, – с облегчением выдохнул Бен. – Мы подобрались слишком близко.

– Но кадры отменные, – опустила камеру Райла. – То, что нужно.

– Ну что, интересное получится кино? – спросил я.

– Похоже на то, – сказала она.

– В таком случае давайте возвращаться.

– Но спиной не поворачивайтесь, – напомнил Бен, – продолжайте пятиться.

Поэтому еще какое-то время мы шагали задом наперед, а потом все же пошли нормально по направлению к лагерю под дружное чириканье трицератопсов. Все вернулось на круги своя: чужаков отогнали и стадо занялось своими делами.

– Откуда ты знал, что к ним можно подойти в полный рост? И как предсказал их поведение?

– Не предсказал, а предположил, – поправил меня Бен, – что они поведут себя примерно как животные нашего времени.

– Но ни к лосю, ни к горному козлу так запросто не подойдешь, – возразил я.

– Конечно. Может, к ним вообще никак не подойдешь. Они уже знают, кто мы такие, и не подпускают к себе людей. Но в непуганом прошлом к стадным животным можно было приблизиться вплотную. К примеру, первые охотники за слоновой костью без проблем подходили к африканским слонам, а на Диком Западе, пока охота за шкурами не стала массовым явлением, можно было подступиться к стаду бизонов. Но существует невидимая черта, которую лучше не пересекать. Старые охотники умели рассчитать, где она проходит.

– И мы пересекли ее?

– Вряд ли, – покачал головой Бен. – Приблизились к ней, и нам дали понять, что будет дальше. Переступи мы эту черту, все стадо пошло бы в атаку.

Райла издала предупреждающий возглас, и мы замерли.

– Слышите? – спросила она. – Чириканья как не бывало.

Обернувшись, мы поняли, в чем причина столь внезапной тишины.

В четверти мили от нас к стаду спускалось страшилище, и у меня перехватило дух, ибо нам явился старина-тирекс собственной персоной. Художники двадцатого века изображали его несколько иначе, но вполне сносно, не оставляя пространства для сомнений.

На груди у него болтались жалкие, нелепые сморщенные передние лапки, а задние лапы, огромные, мускулистые, заканчивающиеся широкими когтистыми ступнями, двигались с тщательно продуманной неторопливостью, пожирая пространство, толкая тяжеловесное злобное существо вперед с неудержимой силой. Но ужаснее всего была голова: она покачивалась в двадцати футах над землей и по большей части состояла из челюстей с шестидюймовыми клыками, блестящими в свете раннего утра. Под нижней челюстью имелся замысловатый подгрудок, о котором не подозревали наши художники, и этот радужный вырост был чудовищно красив, переливался на солнце всевозможными цветами: фиолетовым, желтым, голубым, красным, зеленым – эти оттенки беспрестанно сменяли друг друга, и мне вспомнился витраж, однажды увиденный в старой церкви, но что это была за церковь, я припомнить не мог и даже рассердился на себя за столь вопиющую забывчивость.

Заурчала камера. Я, шагнув вперед, встал между Райлой и страшилой-великаном и краем глаза заметил, что Бен сделал то же самое.

– Тираннозавр, – приговаривала Райла себе под нос, будто читала молитву, – батюшки-светы, настоящий тираннозавр!

Трицератопсы отвлеклись от поедания прибрежных трав. Перед стадом выстроились крупные самцы: стоя едва ли не плечом к плечу, они образовали живой щит, набычились, подняли костяные воротники, выставили рога и смотрели, как к низине приближается хищник.

Тираннозавр двигался под углом к нам и теперь оказался гораздо ближе, чем когда мы впервые увидели его. Он остановился и замер в нерешительности – должно быть, понял, что трицератопсы готовы дать отпор. Самые крупные особи были вполовину меньше тирекса, но костистые отростки достали бы ему до брюха. Да, он успеет искалечить одного-двух рогачей безжалостными челюстями, но его выпотрошат, прежде чем он доберется до остальных.

Тираннозавр балансировал на мощных задних лапах, помахивал над землей массивным хвостом и поводил тяжелой мордой, словно выискивая безопасный угол атаки.

Затем, должно быть, приметил нас: крутанулся на одной лапе, выбросил вперед вторую и с разворота помчался в нашу сторону, с каждым шагом приближаясь футов на двенадцать. Я вскинул ружье и не без удивления понял, что руки мои не дрожат. Когда требуется сделать дело, мы зачастую справляемся лучше, чем рассчитывали. Сперва я прицелился выше передних лап, этих крошечных грудных отростков, но по размышлении чуть опустил ружье и навел его туда, где, по моему разумению, находилось сердце. Приклад ударил в плечо, но выстрела я не слышал. Нашупал пальцем второй спусковой крючок, но оказалось, что в новом выстреле нет никакой надобности, поскольку тираннозавр уже пытался и одновременно заваливался на

спину. Краем глаза я увидел Бена и его ружье, ствол которого курился пороховым дымком, и понял, что мы выстрелили почти одновременно и две тяжелые пули покончили с чудищем раз и навсегда.

– Берегись! – крикнула Райла, и одновременно с этим возгласом я услышал грохот слева, развернулся и увидел, что на нас прет второй тираннозавр.

Он был гораздо ближе, чем хотелось бы, и уже развил нешуточную скорость. Рывнуло ружье Бена, зверь оступися и соскользнул по склону, но пришел в себя и вернулся на прежний курс, а я нутром почуял, что теперь все зависит только от меня: Бен отстрелялся, а у меня остался только один патрон. Тираннозавр уже пригнулся и отвесил нижнюю челюсть, так что в корпус не попасть...

Времени на раздумья не оставалось. Даже не знаю, как я справился, – по всей видимости, то был примитивный рефлекс, естественный оборонительный инстинкт. Я прицелился в центр разъявленной пасти и спустил курок. Голова динозавра (она была прямо передо мной и чуть выше) разлетелась на куски, а тело шмякнулось оземь: я отчетливо услышал гулкий шлепок и ощутил ногами вибрацию, когда восьмитонная туша завалилась на бок в каких-то тридцати футах от меня.

Бен (спасаясь от верной смерти, он бросился на траву) уже вставал, одновременно заряжая ружье. За спиной у меня стрекотала камера.

– Ну, – сказал Бен, – теперь хоть знаем, что эти сволочи охотятся парами.

Второй динозавр был мертв, что неудивительно, ведь его голова рассталась с телом. Он еще бился в конвульсиях, иступленно рассекая воздух когтистой задней лапой. Первый пробовал встать, но всякий раз падал на спину. Бен подошел, пустил третью пулю ему в грудь, и тирекс обмяк, превратившись в грудку мяса.

Райла медленно спускалась с холма, снимая мертвых тварей крупным планом и под разными углами, после чего выключила и опустила камеру. Я перезарядил ружье и сунул его под мышку.

Бен поднялся ко мне:

– Осмелюсь доложить, давно я так не нервничал. Еще немного – и тот, второй, растоптал бы меня, если бы ты не выстрелил ему в голову. Если бы не отстрелил его дурацкую башку.

– Ну а что оставалось делать? – спросил я.

Я не хотел показаться самодовольным, но не мог объяснить ему, что мною овладел первобытный инстинкт самосохранения, что именно этот инстинкт, а не человек по имени Эйза Стил отстрелил тираннозавру его дурацкую башку. Я не мог объяснить этого даже самому себе.

– У второго, однако, голова в целостности и сохранности, – продолжил Бен. – Надо бы оттащить ее и принести домой. В качестве доказательства.

– Доказательств у нас хватает, – сказал я. – Вернее, не у нас, а у Райлы.

– Ну, наверное, – засомневался Бен, – но все равно жалко. Если согласишься продать, такая голова, да на красивой подставке, принесет кучу денег.

– Она весит несколько сот фунтов, – заметил я.

– Вдвоем мы...

– Нет, – отрезал я. – До колышков шагать две мили, а то и больше. Пора уходить.

– Но почему?

– Потому что здесь пятнадцать тонн мяса, – я кивнул на мертвых динозавров, – а к вечеру останутся одни кости. Вот-вот сбегутся падальщики, каждый чертов мясоед с площади в несколько миль, и я не горю желанием оказаться в эпицентре событий.

– Получилась бы неплохая запись...

– Что у нас с пленками? – спросил я у Райлы. – Ты довольна?

– Сняла каждую секунду, – кивнула она. – Если ребята из «Сафари» посмотрят, как вы застрелили этих монстров, и скажут, что этого мало, я уж и не знаю, как их убедить.

– Вот и хорошо, – сказал я тоном человека, которому не до шуток. – В таком случае пора домой.

– Что, струсил? – усмехнулся Бен.

– Да, струсил. Мы сделали все, что собирались, и уходим, пока есть такая возможность.

– Я тоже думаю, что нам пора, – сказала Райла. – У меня от страха все поджилки трясутся.

Глава 17

Мы вернулись из мелового периода ранним утром понедельника; нынче же была пятница, и за эти четыре дня произошла уйма событий. Вокруг фермы начали ставить ограду, бетонировать высокие железные столбы и приваривать к ним толстую проволочную сетку. По внутреннему периметру копали траншею под кабель для питания прожекторов. Залили фундамент административного здания и начали подвозить пиломатериалы. Мотель Бена рос как на дрожжах. Днем раньше Райла отправилась в Нью-Йорк с рулонами отснятой пленки. Туда же вылетел вашингтонский адвокат Кортни Маккаллан, пожелавший быть на просмотре в «Сафари инкорпорейтед». Пленку собирались проявить в лаборатории «Сафари», дабы новости не покинули офисных стен.

Я в поте лица решал хозяйственные вопросы, и Бен очень мне помогал: связывался с нужными людьми, умолял, выкручивал руки, собирал бригады рабочих – по большей части шабашников с окрестных ферм – и подбирал компетентных прорабов. В общем, дело сдвинулось с мертвой точки.

– Смысл в том, – говорил Бен, – чтобы как можно быстрее поставить ограду и административный корпус, пока к нам не лезут толпы любопытных. Когда будет ограда, пусть спрашивают сколько душе угодно, а мы будем показывать им нос из-за сетки.

– Но, Бен, – возражал я, – у тебя своих дел полно. Мотель строить, банком управлять... К тому же у тебя нет прямого интереса в нашем проекте.

– У вас серьезный кредит, и банк наживается на процентах, – отвечал он. – Ты дал мне наводку насчет мотеля, и у меня множество других предприятий. В этих местах я скупил каждый акр свободной земли. Буквально на днях приобрел ферму к востоку от твоей. Старый Джейк Колб заломил цену выше рыночной, но я все равно согласился, и теперь он держит меня за простака, ведь он не знает, что, когда вы запустите проект, стоимость фермы умножится десятикратно. И еще ты сводил меня поохотиться на динозавров. Ту стычку с тирексами я не сменял бы на все сокровища мира и даже приплатил бы за такое приключение. К тому же, насколько я понял, в качестве компенсации за труды вы поделитесь со мной скромным процентом от сделок.

– Давай сперва начнем, – говорил я. – Мало ли, вдруг наш проект загнется на старте?

– Проклятье! – отвечал Бен. – Разве на то есть причины? Это же крупнейшее событие! Весь мир с ума сойдет, от клиентов отбоя не будет! Так что не горячись и посматривай за ходом дел. Понадобится помощь, звони. Поверь, друг мой, все у нас будет хорошо.

Теперь же мы с Хирамом сидели на кухне, разговаривали и попивали пиво. Впервые за неделю мне выдался случай присесть, поэтому я пил пиво, стеснялся, что бездельничаю, и рылся в памяти, выискивая, чем бы еще заняться.

– Чешир, – сказал Хирам, – в восторге от всей этой кутерьмы. Спрашивал про ограду, и я попробовал объяснить: сказал, что, когда ее закончат, надо будет открыть множество дорог во времени. Он очень обрадовался. Ему не терпится начать.

– Но Чешир умеет открывать дороги, когда ему заблагорассудится, разве нет? Может развлекаться со временем хоть круглые сутки – кто ему мешает?

– Если я правильно понял, мистер Стил, он не может открывать дороги ради забавы. Ими надо пользоваться, иначе от них мало радости. Он открыл несколько дорог для Бублика, но удовольствия почти не получил.

– Оно понятно... Хотя Бублик развлекся на славу. Помнишь, как он притащил домой кости динозавра? – Я отправился к холодильнику за следующим пивом. – Тебе взять?

– Нет, спасибо, мистер Стил. Мне пиво не очень нравится. Так, пью за компанию.

– Ты узнавал у Чешира о диаметре тоннелей? Охотникам, наверное, понадобятся грузовики...

– Он говорит, в его тоннели пролезет что угодно.

– А нашу дорогу он закрыл? Не хотелось бы, чтоб на ферму пробрались динозавры.

– Закрыл, – подтвердил Хирам, – как только вы вернулись, и с тех пор эта дорога закрыта.

– Что ж, неплохо.

Я глотнул пива. Приятно было просто сидеть и выпивать.

Кто-то взошел на крыльцо и постучал в дверь.

– Войдите! – крикнул я.

Оказалось, это Герб Ливингстон.

– Бери стул, – скомандовал я. – Сейчас пива принесу.

Хирам встал:

– Мы с Бубликом пойдем осмотримся.

– На здоровье, – разрешил я, – но с фермы не уходите. Позже ты мне понадобишься.

Бублик встал с подстилки в углу и проследовал за Хирамом, а Герб сорвал с банки пива петельку, бросил ее в мусорное ведро и сказал:

– Эйза, ты чего-то недоговариваешь.

– И не только тебе, – ответил я. – Я всем чего-то недоговариваю.

– Здесь творится нечто странное, – продолжил Герб, – и мне надо об этом знать. Да, «Уиллоу-Бенд рекорд» не самая популярная газета на свете, но другой у нас нет, и я уже пятнадцать лет рассказываю людям о событиях местного масштаба.

– Придержи коней, Герб, – сказал я. – Ничего ты от меня не узнаешь. Хоть голос повышай, хоть кулаком по столу стучи, я все равно ничего не скажу.

– Почему это? – осведомился он. – Мы же друзья детства. Знакомы с незапамятных времен. Мы с тобой, Бен, Ларри и остальные. Кстати, Бен в курсе твоих дел. Ему ты что-то рассказал.

– Вот у него и спрашивай.

– Он тоже молчит. Сказал, что с вопросами надо обращаться к тебе. Насчет ограды сперва говорил, что ты надумал норку разводить, но я-то понимаю, что вряд ли тебя интересует норковый мех. Стало быть, причина в чем-то другом. Кое-кто думает, ты нашел на дне провала космический корабль, разбившийся тысячу лет назад. Это так?

– Ты прямо как на рыбалке, – сказал я, – но не надейся что-то выудить. Да, у меня тут деловое предприятие, но преждевременная огласка похоронит весь проект. В свое время ты все узнаешь.

– То есть когда понадобится реклама?

– Можно и так сказать.

– Пойми, Эйза, нельзя, чтобы куш сорвали крупные газеты из больших городов. Нельзя, чтобы кто-то опередил меня с рассказом об этой истории. Чтобы я проиграл на домашнем поле.

– Ты и без того вечно проигрываешь, – заметил я. – Тебя опережают со всеми маломальски важными новостями. Ну а чего ты ждал от еженедельника? Ведь события происходят не раз в неделю! Твой профиль – не крупные истории, ведь их не так уж много. Люди читают твой «Рекорд» ради мелочей, чтобы узнать о жизни соседей и местных происшествиях. Взгляни на это под другим углом: если дело выгорит, Уиллоу-Бенд наконец-то появится на карте, а

это всем на руку. Откроются новые предприятия, да и ты неплохо заработаешь, потому что в «Рекорд» потекут рекламные доллары, а преждевременной статьей ты запорешь этот шанс – и твой, и мой. Неужели тебе этого хочется?

– Предлагаешь молчать? Не могу. Надо написать какую-нибудь статью.

– Так напиши. Напиши про ограду, мотель Бена, про все остальное. Догадывайся, строй гипотезы – я же не могу тебе запретить, да и не стал бы, ты ведь в своем праве. Напиши, что говорил со мной, а я лишь отнекивался. Извини, Герб, ничего другого предложить не могу.

– Пожалуй, – согласился Герб, – у тебя есть право на молчание. Но я должен был спросить. Должен был слегка надавить на тебя, понимаешь?

– Конечно. Ну что, еще по одной?

– Нет, спасибо. Время поджимает. Вечером номер идет в печать, а статьи еще нет.

Когда он ушел, я какое-то время сидел и стыдился своего поведения. Увы, я действительно не мог ничего рассказать. Понятно, каково ему и каково было бы на его месте любому газетчику. Самое неприятное, что Герб действительно опоздает: следующий номер «Рекорда» выйдет через неделю, а к тому времени новость уже будет во всех газетах.

Но, сказал я себе, чему быть, того не миновать.

Встал, швырнул пустую банку в мусорное ведро и вышел во двор. День клонился к вечеру, но рабочие трудились не покладая рук, и я удивился скорости, с которой росла ограда, потом поискал глазами Чешира, ожидая, что он смотрит на меня с какой-нибудь яблони. В последние дни я часто его видел.

Его поведение изменилось: раньше он прятался, но теперь держался поближе к нам. В тот момент, однако, я не увидел ни Чешира, ни Хирама, ни Бублика, поэтому прогулялся вдоль ограды до того места, где возилась бригада. Постоял, посмотрел, а потом вернулся к дому.

У входной двери был припаркован автомобиль шерифа. В одном из шезлонгов ждал человек в форме. Когда я подошел, он встал и протянул мне руку:

– Шериф Амос Редман. А вы, наверное, Эйза Стил. Бен говорил, что я, скорее всего, застану вас дома.

– Спасибо, что заехали, – поблагодарил я, – но по какому поводу?

– Пару дней назад Бен сказал, что вам нужна охрана, чтобы патрулировать периметр. Не введете ли меня в курс дела?

– Лишь одно скажу, шериф: все в рамках закона.

Он едва заметно усмехнулся неудачной шутке:

– Иного я не предполагал. По-моему, в детстве вы жили в здешних местах. Давно вернулись?

– Чуть меньше года назад.

– И как вижу, планируете остаться.

– Надеюсь.

– Итак, насчет охраны, – сказал он. – Я переговорил с полицейским профсоюзом Миннеаполиса. Ребята сказали, что смогут вам помочь. Когда срезали бюджет, несколько человек лишились работы и готовы поступить к вам на службу.

– Очень рад. Нам не обойтись без обученного персонала.

– У вас тут что, проблемы? – спросил шериф.

– Проблемы? А, вы про зевак...

– Да, про них. По округе расползаются престранные слухи. К примеру, о разбившейся летающей тарелке. – Он внимательно следил за моей реакцией.

– Да, шериф, – подтвердил я, – не исключено, что здесь космический корабль. В лесу, под несколькими тоннами почвы.

– Чтоб меня... – не сдержался он. – Если так, сюда нахлынут туристы. Теперь понятно, зачем вам забор. Скажу заместителям, чтобы присматривали за вашей фермой, как будут мимо проезжать. Если понадобится помощь, вы знаете, как со мной связаться.

– Спасибо. И я предпочел бы, чтобы слухи о космическом корабле покамест не получали официального подтверждения. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Ясное дело, – со значением произнес он. – Этот разговор останется между нами.

Телефон зазвонил, когда я входил в дом.

– Где тебя носит? – осведомилась Райла. – Почему трубку не берешь?

– Выходил прогуляться. И не ждал столь скорого звонка. Все в порядке?

– Эйза, не то слово. Сегодня смотрели снятый материал. Он просто чудо. Особенно тот эпизод, где вы с Беном кокнули двух тираннозавров. Его чуть ли не стоя смотрели, такая прелесть. А чирикание трицератопсов – такое потустороннее, первобытное... Господи, слов не хватает. Неземное, что ли. От него по спине мурашки бегут. Люди из «Сафари» уже на низком старте, но мы не готовы с ними договариваться.

– Не готовы договариваться?! Бога ради, Райла, все затевалось ради этих переговоров, мы ведь жизнью рисковали...

– У Кортни появилась безумная мысль. Он велел мне помалкивать. Сказал, что обсудим все чуть позже. Завтра мы возвращаемся.

– Мы?

– Я и Кортни. Он хочет с нами поговорить. Сегодня улетел в Вашингтон, но утром будет в Нью-Йорке и заберет меня.

– Заберет?

– Да, у него свой самолет. Я что, не рассказывала?

– Нет, не рассказывала.

– Приземлимся в Ланкастере. Самолет маленький, тамошней полосы ему хватит.

– Я за вами заеду. В котором часу?

– Пока не знаю. Наверное, до полудня. Уточню и дам тебе знать.

Глава 18

Бывает, наши представления о незнакомцах идут вразрез с реальностью; вот и Кортни Маккаллан оказался моложе и крупнее, чем я ожидал. Наверное, свою роль сыграла фамилия: Маккаллан виделся мне учтивым круглолицым гномом с обходительными манерами и снежно-белой шевелюрой, но, как выяснилось, был рослым парнем, уже не юношей, но и не стариком. Волосы его поседели до стального оттенка, а лицо было грубым и морщинистым, будто его вырезали из неструганой деревянной чурки, причем не самым острым топором. Руки у него были толщиной с мои ноги, и я интуитивно понял, что найду с ним общий язык.

– Как дела с оградой? – спросил он.

– Ставят, – ответил я. – Работают без выходных.

– Суббота и воскресенье оплачиваются по двойной ставке?

– Не знаю, – сказал я. – Надо Бена спросить.

– Этот Бен – он надежный человек?

– Мы с ним дружим, – ответил я. – Почти всю мою жизнь.

– Кстати говоря, вы с Беном просто красавцы. Завалить двух тираннозавров... Для такого требуется немалое мужество. Я бы, пожалуй, не смог.

– По счастью, у нас имелись подходящие ружья, – сказал я, – да и бежать было некуда.

Мы уселись в машину, Райла – на переднее сиденье. Обеими руками она крепко стиснула мое предплечье.

– Я тоже очень рад, – признался я.

– Забыла рассказать про пленки, а ты забыл спросить. Они в безопасности, в хранилище одного нью-йоркского банка.

– Не успеем мы огласить новости, – добавил Кортни, – как за этот фильм начнут торговаться агенты кинокомпаний, и торговаться по-крупному.

– Не уверен, что мы захотим его продать, – усомнился я.

– Если дадут хорошую цену, – сказала Райла, – продадим все, что купят.

Я выехал задним ходом с парковки. Автомобилей тут было не много. На взлетной полосе стояли два самолета – Маккаллана и чей-то еще, – но я знал, что в обветшалом ангаре прячутся несколько местных кукурузников.

В паре миль от аэродрома, на окраине города, находился скромный торговый центр: супермаркет, хозяйственный отдел, небольшой универмаг, отделение банка, магазин мужской одежды и что-то еще.

– Давайте остановимся здесь, – предложил Кортни. – Подальше от других машин.

– Не вопрос, – сказал я, – но зачем?

– Прошу, сделайте мне такое одолжение.

Я встал на ближнем краю парковки, где не было других автомобилей, заглушил мотор и откинулся на спинку сиденья.

– Намечается заговор, – объяснил Кортни, – и при мысли, что нас подслушают, меня бросает в дрожь.

– Выкладывайте. – Глянув на Райлу, я понял, что она тоже ничего не понимает.

Кортни поерзал, устраиваясь поудобнее, и начал:

– Я ночами не спал, все раздумывал о вашей ситуации и нашел массу уязвимых мест. Нет-нет, скажу сразу: юридически к проекту не подкопаться. Он, конечно, уникальный, но все в рамках закона. Меня, однако, беспокоит Служба внутренних доходов. Эти парни от вас живого места не оставят. Если все сложится – а я склонен считать, что все сложится, – вы заработаете кучу денег, а я всегда говорю, что большие деньги надо прикрыть со всех сторон.

– Кортни, – перебила его Райла, – я не вполне понимаю...

– Вы хоть представляете, сколько налоговая откусит от миллиона долларов? – спросил он.

– В общих чертах, – сказал я, – но не более того.

– Беда в том, – продолжил он, – что вы не крупная корпорация и у вас не будет возможности защитить доходы с помощью налоговых вычетов и других стандартных лазеек. Да, можно и корпорацию создать, но это не быстро, и у корпорации имеется ряд неотъемлемых недостатков. Хотя один вариант все же есть. Он мне нравится, и я хочу узнать, что вы о нем думаете. Если вести дела за пределами США, проблем не возникнет. Иностранному бизнесу не облагается подоходным налогом.

– Но мы не можем уехать из Уиллоу-Бенда, – возразила Райла. – Наш бизнес здесь, и только здесь.

– Не спеши с выводами, – сказал Кортни. – Давай подумаем. Допустим, вы отправитесь на тысячу – или миллион, или сколько угодно – лет в прошлое и устройте там штаб-квартиру. Думаю, подойдет любое время до возникновения США, но лучше выбрать эпоху, когда в Европе еще не знали о существовании Северной Америки. Если найдете уединенный остров, не принадлежащий никакому государству, это тоже сгодится, но мне о таких островах неизвестно, и я сомневаюсь, что они существуют, а если и существуют, то явно в значительном отдалении от Уиллоу-Бенда. Но если сделать, как я предлагаю – то есть переселиться в другое время, – до фермы вам будет рукой подать.

– Ну, не знаю, – сказал я. – Все равно мы останемся на земле, которая со временем станет частью США.

– Да, верно, – согласился Кортни, – и налоговая попробует обернуть это в свою пользу. Подаст в суд, но, думаю, мы сумеем доказать, что национальный суверенитет не распространяется на прошлое.

– Но на самом деле наш бизнес будет неразрывно связан с фермой, – сказала Райла.

– Нет, если переселитесь в другое место. Надо устроить так, чтобы вы не вели никаких дел и не оказывали услуг в Уиллоу-Бенде. Вы сможете забрать в прошлое Хирама и этого Чешира?

– Не знаю, – сказал я.

– Но ферма останется за нами, – заметила Райла.

– Только как ваше представительство в США, – сказал Кортни. – И вам придется нанять агента. К примеру, вашего друга Бена. Тоннель во времени – или дорога, называйте как хотите, – станет точкой входа в ваше место жительства, откуда вы будете вести дела и оказывать услуги. То есть предоставлять доступ к путешествиям во времени. Агент получит комиссионные – допустим, один процент с каждого клиента. Это самый безопасный вариант. По сути, Бен станет представителем зарубежной организации. И правильнее всего продать ему ферму, чтобы Служба внутренних доходов не отняла ее за неуплату налогов. Бен, разумеется, должен быть чист перед налоговой, и ферма – то есть точка входа в ваш мир – останется в его собственности. К тому же это придаст Бену веса в вашем предприятии.

– Допустим, ферму все равно попробуют отобрать... – задумался я.

– Попробуют? Несомненно. Но с учетом всех фактов вряд ли сумеют, особенно если Бен выкупит ее по рыночной цене перед началом проекта. Это ключевой момент: если будете вести дела в США, вам никак не избежать нападков со стороны налоговой. Вот почему я вчера отказался вести переговоры с компанией «Сафари». Если хотят разговаривать, пусть приезжают к вам в прошлое.

– Но я уже говорила с ними, – напомнила Райла, – и мы показали им кино.

– Это слегка усложняет дело, – сказал Кортни, – но я, пожалуй, справлюсь. Мы не заключали деловых сделок, а вчера отказались от переговоров, и оба факта доказуемы в суде.

– А как же контракты? – спросила Райла.

– Будут составлены и приведены в исполнение в Нью-Йорке или других городах, где находится штаб-квартира подрядчика. Обычное соглашение между американской фирмой и зарубежной компанией. С юридической точки зрения все чисто, проблем не вижу. Но вам понадобится адрес... Куда вы хотели бы переселиться?

– Куда-нибудь в недавнее межледниковье, – сказал я. – К примеру, сангамонское. Климат там неплохой, а окружающая среда – примерно как у нас.

– Что насчет рисков?

– Мастодонты, – ответил я. – Саблезубые тигры. Медведи. Ужасные волки. Ничего, справимся. Все они, пожалуй, не так опасны, как принято думать.

– Можно назвать это место Мастодонией, – предложила Райла.

– Идеально! – воскликнул Кортни. – Отличное слово. Сразу ясно, что речь идет о другом месте и времени.

– И что, придется постоянно там жить? – спросила Райла. – Не хотелось бы.

– Не постоянно, – сказал Кортни, – но достаточно, чтобы Мастодония могла считаться вашим домом. Можете сколь угодно часто посещать Уиллоу-Бенд и даже путешествовать, но все дела необходимо вести из Мастодонии. Я даже покрутил в голове мысль, не стоит ли вам провозгласить себя отдельной нацией и подать заявку на признание в Госдепартамент и соответствующие органы других стран, но с парой-тройкой резидентов такой вариант не прокатит, да и вряд ли у него есть преимущества. Если же возникнет такая необходимость... Сумеете уговорить каких-нибудь соседей по Уиллоу-Бенду перебраться в Мастодонию?

– Возможно, – ответил я, – но не уверен.

– Там будет масса преимуществ: бесплатная земля, никаких налогов, бескрайние просторы, охота, рыбалка...

– Все равно не уверен, – сказал я.

– Что ж, вернемся к этому позже.

– Как насчет денег и банковских операций? – спросила Райла. – Куда принимать оплату за наши услуги? Где хранить эти, по твоим словам, крупные суммы? Ясно, что не в американских банках, где налоговая запросто приберет их к рукам.

– Это проще простого, – сказал Кортни. – Откроете счет в Швейцарии. К примеру, в Цюрихе. Клиенты будут переводить оплату в швейцарский банк. Разумеется, кое-что отдадут наличкой, чтобы вы могли расплатиться с Беном и компенсировать другие расходы. Однако надо открыть счет прямо сейчас, до любых транзакций, связанных с путешествиями во времени, чтобы комар носа не подточил. В таком случае мы отобьемся от любого обвинения в сокрытии средств. Но первоначальный взнос должен быть значительным, чтобы никто не смог заявить, что счет символический.

– На днях я продала свою долю в импорте-экспорте нью-йоркскому партнеру, – сказала Райла. – Первый транш – сто тысяч долларов – поступит через пару дней, но ждать не обязательно. Перенаправлю деньги в банк Уиллоу-Бенда, а Бен заранее выдаст нам сотню тысяч. Мы, правда, прилично ему задолжали, но не думаю, что он откажет.

– Отлично, – похвалил ее Кортни. – Сто тысяч – в самый раз. Откройте счет до переезда, но в графе «Адрес» укажите «Мастодония». Насколько я понял, мои советы приняты?

– Какие-то они сомнительные, – заметил я.

– Ну конечно. Вся эта затея весьма сомнительная, но в общем и целом законная. Конечно, нам могут что-нибудь предъявить – и, скорее всего, предъявят, – но у нас имеются твердые основания для сопротивления.

– Добрую половину всех бизнес-проектов реализуют окольными путями, – поддакнула Райла.

– Даже если в какой-то момент будем судиться и проиграем, – продолжил Кортни, – вы, пожалуй, останетесь в прибыли. При необходимости найдем пространство для сделки с прокуратурой, но я бы рассчитывал на победу. Мы только что об этом говорили: у неамериканского резидента масса преимуществ. Никакого государственного регулирования, ни отчетов, ни деклараций...

– С учетом всего сказанного предложение дельное, – согласилась Райла. – Если честно, налоговый вопрос не давал мне покоя.

– Ты, в отличие от меня, разбираешься в подобных вещах, – добавил я.

– Итак, вам надо перебраться в Мастодонию, – сказал Кортни. – И чем скорее, тем лучше. Думаю, на первое время сойдет передвижной дом...

– Этим займусь я, – перебила его Райла, – а Эйза тем временем сгоняет в Цюрих. – Она повернулась ко мне. – Насколько я помню, ты говоришь по-французски.

– В достаточной мере, чтобы объясниться, – сказал я, – но, по-моему, открыть счет должна ты...

– Я не знаю французского, – возразила она. – Лишь испанский и чуть-чуть немецкого. Совсем чуть-чуть. Поэтому ты полетишь в Цюрих, а я останусь и прослежу, чтобы дела не стояли на месте.

– Как вижу, у вас все путем, – сказал Кортни. – Поэтому флаг вам в руки. Звоните по любым вопросам, даже мелким. Крупных не дожидайтесь. Предположу, что счет в Цюрихе будет совместным. Если так, Эйза, непременно возьмите с собой нотариально заверенную подпись Райлы. И не ставьте Бена на должность агента, пока не переедете в Мастодонию.

– Еще одно, – спохватился я. – Если в достаточной мере рассердить правительство, не объявят ли нас персонами нон грата? Не запретят ли перемещаться между Мастодонией и Уиллоу-Бендом? Не закроют ли, чего доброго, временной тоннель в Мастодонию?

– Такого исключать нельзя, – сказал Кортни, – но мы будем биться как львы. До самой ООН дойдем, если придется. Нет, не думаю, что к нам полезут.

– Ну что ж, – подытожил я, – решение принято. Даже удивительно, как быстро мы справились.

– Потому что план хорош, – сказала Райла, – и спорить с резонной аргументацией бессмысленно.

– В таком случае везите меня обратно на аэродром, – велел Кортни.

– Что, даже на ферму не заедешь? – удивилась Райла. – Мне казалось, ты хочешь познакомиться с Беном.

– В другой раз, – отказался он. – Я сказал все, что хотел, и нас никто не подслушал. Деньки грядут жаркие, и не стоит терять время. – Он радостно потер руки. – Черт возьми! Сто лет так не веселился!

Глава 19

Из Цюриха я летел через Лондон. Купил газету – и вот он, броский заголовок: «Таинственные американцы ПУТЕШЕСТВУЮТ ВО ВРЕМЕНИ».

Я купил еще несколько газет. Степенная «Таймс» излагала эту историю без особых эмоций, а остальные издания кричали о нас на всю Англию – самым жирным шрифтом.

Несмотря на путаницу в отдельных фактах, статьи не грешили против истины. Нас представляли как загадочную пару. Райлу никто не видел; поговаривали, что она живет в некоем месте под названием Мастодония. Где она находится, эта Мастодония? Неизвестно, но отдельные догадки звучали вполне правдоподобно. Почти все сходились на том, что я убыл за границу, хотя куда именно, никто не знал. Однако это не мешало репортерам делать самые невероятные предположения. У Бена взяли интервью. Он признал, что является нашим агентом в США, но больше почти ничего не сказал. В газетах цитировали Герберта Ливингстона (помощника Бена по связям с общественностью): в довольно резких выражениях он объяснил, что любые объявления преждевременны, а в надлежащее время вся информация станет доступна публике. Читая эти строки, я подумал: с какого перепугу Герб стал нашим пиарщиком? В статьях говорилось, что сведения получены от компетентного источника, пожелавшего остаться неизвестным, но представители «Сафари инкорпорейтед» (компании, имеющей какое-то отношение ко всей этой истории) признают существование пленки, на которой запечатлена охота на динозавров, отснятой около семидесяти миллионов лет назад. Одна из кинокомпаний проявила к этому документальному фильму, как минимум, косвенный интерес, а представители «Сафари» утверждают, что намерены тесно сотрудничать с загадочной парой. Не заметив в статьях имени Кортни, я догадался, кто спланировал и организовал эту утечку информации.

Четверо видных физиков (включая лауреата Нобелевской премии) с разной степенью ерничества заявили, что путешествия во времени невозможны.

Во всех статьях предполагалось, что речь идет о машине времени, и это вполне понятно: ведь никто, кроме пятерых (а включая Герба – наверное, шестерых) человек, не знал, что никакой машины не существует. Так называемые научные эксперты терзались предположениями, как она выглядит, эта машина, и по какому принципу функционирует. Лишь в одной из прочитанных мною статей не упоминалось имя Герберта Уэллса.

Увидев первый заголовок, я напрягся, а по прочтении остальных статей основательно раскис. Пока о возможности путешествий во времени не знал никто, кроме нескольких человек, наша затея оставалась для меня чем-то вроде мальчишеского секрета; теперь же, когда все

изменилось и тайна обрела всемирную огласку, я поймал себя на том, что озираюсь по сторонам (не узнал ли меня кто), и это было довольно-таки глупо, поскольку в лондонских газетах не опубликовали фотографий (ни моих, ни Райлы). Но я знал, что в самом скором времени наши портреты растащат по всем таблоидам. В первых статьях даже не намекалось, кто мы такие, но уже к вечеру газетчики все узнают и найдут соответствующие фото.

Страшно хотелось побыстрее вернуться в относительно безопасный Уиллоу-Бенд, и я с тихим ужасом думал о предстоящем многочасовом перелете. Зашел в магазинчик аэропорта, где сдуру обзавелся темными очками, в которых чувствовал себя последним идиотом, ибо никогда прежде – и даже во время раскопок – не защищал глаза от солнца, но мне надо было за чем-то спрятаться. Хотя бы символически.

Поначалу хотел бросить купленные газеты в зале ожидания, поскольку не имел ни малейшего желания обозначать, пусть даже обиняком, свой интерес к путешествиям во времени, но подумал, что Райла с Беном просто обалдеют от этих статей, а посему свернул газеты в стопку, которую зажал под мышкой.

Сосед по месту в самолете, чванный американец средних лет (для себя я обозначил его как банкира, хотя не исключаю, что был далек от истины), сидел с газетой, заткнутой в карман пиджака, и не проявлял желания заговорить со мной, за что я был чрезвычайно ему благодарен, но, когда стюардесса принесла ужин, банкир (или не банкир) расслабился и соизволил заметить мое присутствие.

– Читали этот бред о путешествиях во времени?

– Просматривал, – ответил я.

– Сами знаете, такое невозможно. Удивительно, что газетчики купились на эту замануху.

Они ведь неглупые люди. Как же это допустили?

– В погоне за сенсацией, – сказал я. – Купятся на что угодно, лишь бы продать тираж.

Он промолчал, и я было решил, что разговор окончен, но несколькими минутами позже сосед заговорил снова – так, словно обращался не ко мне, а ко всему миру:

– Это, знаете ли, опасное дело. Если шутковать со временем, можно натворить немало бед. Даже изменить историю, а этого нельзя допустить. Жизнь и без того не малина.

За весь перелет он не сказал больше ни слова и вел себя как образцовый сосед.

Я же, сам того не желая, пребывал в перманентном волнении, и оно вовсе не шло мне на пользу. Стоит ли ограда? Работают ли прожекторы? Хватает ли патрулей? Хотя Кортни Маккаллан (если это он слил информацию репортерам) непременно все проверил бы, прежде чем отпустить такие новости на волю.

Тянулись часы. Наконец я уснул, а проснулся только перед посадкой в аэропорту Кеннеди.

Подспудно – и без всякой на то причины – я побаивался, что у трапа толпятся репортеры, но, как видно, никто понятия не имел, что я прилечу этим рейсом.

Я сразу же схватил номер «Нью-Йорк таймс» – и да, на первой полосе красовались наши физиономии, моя и Райлы. Обе фотографии были сделаны несколько лет назад, но, полагаю, по ним нас могли бы узнать.

Я подумал, не позвонить ли Райле, Бону или даже Кортни в Вашингтон, но решил не делать этого. Раз в Нью-Йорке меня не встретили журналисты, в Миннеаполисе их и подавно не будет. Райла с Беном знали, каким рейсом я прилечу, и кто-то из них наверняка будет ждать меня в аэропорту.

Однако ни Райлы, ни Бена на месте не обнаружилось. Вместо них меня встретил Элрод Андерсон – управляющий единственным супермаркетом Уиллоу-Бенда. Я бы прошел мимо, поскольку мы были едва знакомы, но Элрод схватил меня за руку и представился (тут-то я его и признал), после чего пустился в объяснения:

– Бен не вырвался, и Райла тоже. Уиллоу-Бенд наводнили газетчики, и с фермы выезжать нельзя: за машиной тут же пристроится хвост, поэтому Бен звякнул мне и попросил вас забрать. Сказал, что так будет шанс проскользнуть за ограду неузнанным. Я захватил кое-какую одежду, в которую вы можете переодеться, и накладные усы.

– Пожалуй, обойдусь без усов, – сказал я.

– Так я и думал, – отозвался Элрод, – но все равно их захватил. Хорошие усы, точь-в-точь как настоящие. У фермы собралась толпа, и люди все прибывают. Не знаю, что они хотят увидеть. Многие уже разочарованы, потому что смотреть особо не на что. Некоторые приехали с жилыми прицепами. Похоже, планируют остаться на какое-то время. Бен сдает им места на ферме к востоку от вашей, которую только что купил. Еще у него там огромная парковка для автомобилей. Но самолично он этим не занимается. Помощников нанял. Парковкой заведует Хромой Джонс. Этот старик не работал уже лет тридцать – сачок, каких мало, – но теперь вдруг устроился к Бену. Говорит, ему по душе вся эта кутерьма. Не удивлюсь, если часть денег оседает у него в карманах. Но ему это с рук не сойдет. Бен его поймает, ведь Бену палец в рот не клади.

– Насколько я понимаю, ограда уже готова? – спросил я.

– Ага, – ответил Элрод. – Пару дней как закончили. И здание уже стоит, а по всему фасаду вывеска: «Бен Пейдж, агент фирмы „Время и компания“». Это к чему вообще? Я уже понял, что вы открыли способ путешествовать во времени. Но как вышло, что Бен оказался у руля?

– Бен – наш агент, – сообщил я. – В Соединенных Штатах, а то и во всей Северной Америке.

– Но вы тоже здесь – вернее сказать, скоро будете на месте. И эта ваша женщина, Райла, она же на ферме! Зачем вам понадобился Бен?

– Дело в том, что мы здесь больше не живем, – сказал я.

– Да ну! И где же вы живете?

– В Мастодонии.

– Будь я проклят! – воскликнул он. – Да, слышал что-то краем уха. А где эта Мастодония?

– В прошлом. Примерно сто пятьдесят тысяч лет назад. Там обитают мастодонты. Отсюда и название.

– Ну и как, приятное место?

– Не знаю, – сказал я. – Еще не видел.

– Как это – не видели? Вы же там живете...

– Пока я был в Европе, туда переехали Райла и Хирам.

– Хирам? – изумился Элрод. – Он же лентяй. Сколько его помню, всегда был туповат. Какое он имеет отношение к вашей Мастодонии?

– Самое прямое, – сказал я.

Стоянка сияла в свете утреннего солнца. День был прекрасный. Куда ни глянь – ни облачка.

Элрод уселся за руль и сдал назад.

– Бен велел посадить вас на парковке возле фермы, – сказал он. – Чтобы вы смешались с толпой туристов и подошли к воротам. Их караулят заместители шерифа. Заодно и за порядком присматривают. Представитесь, они вас ждут и впустят. У меня тут старые рабочие штаны, джинсовая куртка и поношенная фетровая шляпа. Можете надеть. Если сделать все по-быстрому, вас не узнают. Сойдете за любопытного фермера. Но я все-таки советую приклеить усы.

Миль через пять мы свернули на дорогу, ведущую к Уиллоу-Бенду, и вскорости затормозили на парковке. Я переоделся, но усы приклеивать не стал. Не смог себя заставить.

Глава 20

Меня ждали Райла и Бен, а Герб Ливингстон маячил на заднем плане. В зале офисного здания пахло свежими опилками, а за рабочими столами сидели человек шесть бездельников.

Райла бросилась мне навстречу, я поймал ее и стиснул в объятиях. Даже не припомню, когда я был так рад встрече.

Картина снаружи была пугающая: тесный ряд машин на обочине, забитая под завязку парковка Бена, ларьки с хот-догами, гамбургерами и всевозможными сувенирами, кто-то продает воздушные шары; повсюду люди, по большей части группами, таращатся на ограду, и всех переполняет необъяснимое возбуждение, как на деревенской ярмарке или на карнавале.

– Я так за тебя волновалась, – сказала Райла. – Только посмотри на свой наряд. А где нормальная одежда?

– В машине у Элрода, – ответил я. – Он заставил меня напялить эти тряпки.

Бен торжественно пожал мне руку:

– За последние дни тут много чего изменилось.

Подошел Герб, тоже с протянутой рукой.

– Как дела у специалиста по связям с общественностью? – спросил я. – Читал о тебе в лондонских газетах.

– Ну, – сказал Бен, – потребовался человек, чтобы поскорее разобраться с ордой журналюг, и наш выбор пал на Герба. Он неплохо справляется.

– С нас требуют пресс-конференцию, – подхватил Герб, – но мне не хватило смелости выйти за ограду. Решили ничего не делать, пока ты не вернешься. Я тем временем выдал несколько пресс-релизов. Так, по мелочи. Никакой информации, лишь намеки для новостных колонок. Что сказать насчет твоего возвращения?

– Скажи, – предложил Бен, – что Эйза вернулся и тут же отправился в Мастодонию. Надо из раза в раз подчеркивать, что их с Райлой тут нет. Они живут в Мастодонии.

– Как увидишь ее, обалдеешь, – пообещала Райла. – Там так красиво! Девственное местечко. Позавчера мы отвезли туда передвижной дом, и все уже готово для жизни. Включая два внедорожника с полным приводом.

– Хирам? – спросил я.

– Они с Бубликом уже в Мастодонии.

– А Чешир?

– Перебрался вместе с ними. У вершины холма есть роща диких лесных яблонь, и Чешир обосновался там. Хирам сказал, ему нравится в Мастодонии. Он даже удивляется, почему все это время торчал здесь и не путешествовал во времени.

– Пойдемте ко мне в кабинет, – позвал Бен. – У меня там удобные кресла и бутылка, которая так и просится, чтобы ее открыли. Надо обмыть это дело.

Мы расселись по креслам – действительно удобным, – и Бен наполнил стаканы.

– Нормально съездил? – спросил меня Герб.

– Вроде да, – ответил я. – Французский мой слегка запылел, но не смертельно. В Цюрихе проблем не возникло. К такому я непривычный, но все прошло гладко.

– Эти швейцарцы, – сказал Бен, – никогда от денег не откажутся.

– Но хотелось бы узнать, – продолжил я, – кто дал наводку прессе. Новости появились гораздо раньше, чем я рассчитывал.

– Это Кортни, – сказала Райла. – Вернее, не сам Кортни, а его знакомый. Специалист по новостным утечкам. На самом деле все произошло из-за «Сафари». Они надавили на Кортни. Им не терпится прощупать перспективы охоты на динозавров. Хотят все выяснить, а потом уже вести переговоры. Ясно, что мало какой охотник упустит шанс добыть динозавра, но ребята из

«Сафари» хотят быть уверены на все сто, собрать очередь из желающих, а потом уже обсуждать с нами вопросы лицензирования.

– Предположу, что пока все вилами по воде писано.

– Кортни уже пару дней как не звонил, но с ним свяжутся.

– Двое уже приходили на разведку, – сказал Бен. – Утром один спрашивал, нельзя ли закинуть его в империю инков до прибытия конкистадоров – мол, надо бы изучить древнюю культуру, – но я сразу понял, что его интересуют сокровища, и прогнал в шею. Еще заходил горный инженер: просился в Блэк-Хилс Южной Дакоты – понятно, до золотой лихорадки – и не скрывал своих намерений. Хочет снять сливки с золотых жил. Денег у него нет, но обещал поделиться золотишком. Мне он понравился, и я велел ему подождать. Сказал, что сам ничего не решаю, но с тобой переговорю.

– Ну, не знаю, – покачал головой я. – Именно таких ситуаций мне и хотелось избежать. В прошлом надо вести себя крайне осторожно, иначе такая каша заварится, что вовек не расхлебаем.

– Ты же понимал, что эти проблемы неизбежны? – спросил Герб.

– В том-то и дело, – сказала Райла. – Поэтому наш ценник мало кому по карману. А туристов надо отгонять, даже если они готовы заплатить, иначе у нас добавится проблем.

– Думаю, в процессе разберемся, – заметил Бен. – Мошенников – вроде этого любителя инков – будем разворачивать, но к разумным предложениям я бы прислушался.

Мы не спеша обговорили другие дела, не забывая про выпивку. Мотель уже построили (причем он был больше, чем планировалось изначально); номера подготовили к заселению, и Бен подумывал о возведении второго корпуса. Парковка приносила деньги. Почти все в городе сдавали свободные комнаты. Охранников для патрулирования не хватало; на первое время шериф выставил у ворот своих людей, но требовалось подыскать им замену. Герб передал бразды правления еженедельником своему помощнику, а сам планировал выпускать рекламный ежедневник – для начала на четырех-шести страницах – и раздавать его туристам, а что наплыв ожидается нешуточный, было уже понятно. Кого-то из городских огорчало обилие публики – дескать, раньше было лучше и жизнь больше не вернется в прежнее спокойное русло, – но различные организации (в особенности женские кружки) уже планировали званые обеды с куриными окорочками, фестивали земляничного мороженого и прочие мероприятия для сбора средств на всякие нужды.

Когда бутылка опустела, Райла сказала:

– А теперь в Мастодонию. Я умираю от желания показать ее тебе.

Глава 21

В весенней Мастодонии было волшебно. Передвижной дом стоял на вершине невысокого холма в полумиле от дороги, по которой мы пришли из будущего. Чуть ниже по склону я увидел рощицу яблонь-дичков в розовом цвету, а за холмом начиналась бескрайняя долина, кое-где поросшая кустарником, такими же яблонями и другими цветущими деревьями; на открытых пространствах бушевали моря и океаны весенних цветов, и повсюду пели птицы.

Возле дома стояли два внедорожника. У входной двери – навес, а сразу за навесом – внушительных размеров садовый стол с веселым полосатым зонтиком в центре.

В общем и целом у нашего нового дома был самый праздничный вид.

– Купили самый большой, – сказала Райла. – Шесть спальных мест, уютная гостиная и прекрасно оборудованная кухня.

– Тебе нравится? – спросил я.

– Нравится? Эйза, разуй глаза! Все о таком мечтают: хижина у озера, охотничий домик в горах! Но это – гораздо, гораздо лучше, потому что здесь никого нет. Здесь пахнет свободой,

понимаешь? Вообще ни души, кроме нас с тобой. Первые люди приплывут из Азии в Северную Америку через тысячу веков, не раньше. Да, на планете уже есть люди, но не на этом континенте. Здесь мы совершенно одни.

– Ты уже походила по окрестностям?

– Нет, одной страшновато. Тебя ждала. Ну, что скажешь? Нравится?

– Конечно, – сказал я, и это была правда: мне действительно нравилось в Мастодонии. Но чувство полной независимости, когда рядом ни души... я знал, что к нему надо привыкнуть, надо научиться ценить это чувство.

Впереди кто-то крикнул, я пошарил глазами по склону и увидел неподалеку от яблоневого рощи Хирама с Бубликом. Оба неслись к нам: Хирам – неуклюжим размашистым галопом, а Бублик – радостными прыжками, то и дело погавкивая от счастья.

Забыв о манерах (в этом мире не было нужды соблюдать приличия), мы бросились им навстречу. Бублик подскочил, лизнул меня в щеку и закувыркался вокруг в припадке щенячьей радости. Чуть позже подбежал запыхавшийся Хирам.

– Мы вас высматривали, мистер Стил, – сообщил он, отдуваясь, – но ушли гулять и разминулись. Ходили за холм – слона смотреть.

– Слона? В смысле, мастодонта?

– Ну, наверное, – сказал Хирам. – Если эти слоны так называются. Я правильное слово забыл. Пробовал вспомнить, но не получилось. Короче, мы видели первоклассного мастодонта, и он подпустил нас вплотную. Как видно, мы ему понравились.

– Не вздумай лезть к мастодонтам, Хирам, – предупредил я. – По всей вероятности, они мирные создания, но не надо искушать судьбу. И к большим кошкам тоже не приближайся – в особенности если из пасти у кошки торчат длинные зубы.

– Но этот мастодонт – сама милота, мистер Стил, и у него такой грустный вид! Мы с Бубликом прозвали его Стоячий, потому что он еле ходит, шаркает по траве и ног почти не поднимает.

– О-хо-хо, – сказал я. – Старый самец, которого прогнали из стада... Это тебе не шуточки. Думаю, у него прескверный характер.

– Вот именно, Хирам, – подхватила Райла, – держись подальше от этого зверя. И от остальных здешних зверей. Не пробуй с ними подружиться.

– Что, мисс Райла, даже с сурками дружить нельзя?

– С сурками можно, – ответила она, и мы вчетвером направились к мобильному дому.

– У меня тут отдельная комната, – сообщил Хирам. – Мисс Райла говорит, она моя, и больше ничья, но Бублику тоже можно в ней спать.

– Входи, – сказала Райла, – осмотришься. Потом покажу тебе двор.

– Двор?

– Место с садовым столиком, я называю его «двор». Как посмотришь дом, посиди во дворе, а я соберу перекусить. Бутерброды устроят?

– Вполне.

– Поедим на свежем воздухе, – сказала Райла. – Хочется сидеть и разглядывать эти просторы. Никак не могу насмотреться.

Я прошелся по передвижному дому. Раньше я в таких не бывал, хотя слышал множество лестных отзывов, причем из первых уст. Особенно мне понравилась гостиная – относительно просторная, с удобной мебелью, панорамными окнами, ворсистым ковровым покрытием на полу, книжным шкафом (Райла уже заполнила его томиком из моей скромной библиотеки) и ружейной стойкой у двери, и я неохотно признал, что это жилище выглядит побогаче, чем домик на ферме.

Потом вышел и прогулялся к подножию холма. Хирам шагал рядом, а Бублик трусил впереди.

Холм был не особенно высокий, но и не самый низенький, и с него открывался хороший вид на окрестности. Справа протекала речушка, которую мы видели и в меловом периоде, и в Уиллоу-Бенде двадцатого века. За миллионы лет ландшафт почти не изменился. Мне показалось, что холм был несколько выше, чем в меловой период, – возможно, выше, чем он будет в двадцатом веке, но я не был уверен.

Приречная низина была относительно открытой, если не считать разрозненных цветущих кустов и низкорослых деревьев, но ближние холмы (за исключением того, на котором мы находились) густо поросли лесом. Я высматривал стада диких животных, но никого не увидел. За исключением пары крупных птиц высоко в небе – вероятно, орлов, – тут не было признаков жизни.

– Вон он, Стоячий! – взволнованно крикнул Хирам. – Видите, мистер Стил?

Проследив за его пальцем, я разглядел внизу мастодонта. Он стоял на краю зарослей, срывал хоботом листики с карликовых деревьев и отправлял их в рот. Даже с этого расстояния было видно, что шкура у него потертая, будто молью траченная. Мастодонт, похоже, был один, – по крайней мере, других я не заметил.

Потом нас позвала Райла, и мы вернулись. На садовом столе нас ждали тарелки с горами бутербродов и горками печенья, блюда с маринованными овощами, банка оливок и пузатый графин холодного кофе, а Бублику перепала большая миска жареного мяса, порезанного на удобные мелкие кусочки.

– Я сложила зонтик, – сказала Райла, – чтобы солнышко не закрывал. Оно тут такое ласковое.

Я взглянул на часы. Пять вечера, но судя по солнцу – полдень.

– Забудь о часах, – рассмеялась Райла, – в этом мире они ни к чему. Свои я оставила на тумбочке в первый же день. Наверное, они уже остановились.

Я удовлетворенно кивнул. Меня это устраивало. Не так уж много на свете мест, где человек может вырваться из-под тирании хронометров.

Мы не торопясь поели под ласковым солнцем, а вторую половину дня провели в праздности, наблюдая, как тени западных холмов наползают на прибрежную низину.

– Здесь, наверное, хорошая рыбалка, – кивнул я на речку.

– Завтра все узнаем, – сказала Райла. – Возьмем машину, проедемся по округе. Мы же почти ничего тут не видели.

Ближе к вечеру мы слышали далекий трубный глас – это явно был мастодонт. Посреди ночи меня разбудил какой-то звук. Сжавшись в постели, я ждал, что он повторится, – приглушенный, но весьма неприятный рык с северного холма. Вне всяких сомнений, крупная кошка. Может, саблезубый тигр или кто-то еще. Я посоветовал себе не заикливаться на саблезубых тиграх. Да, эти удивительные существа вызывают у меня безмерное любопытство, но пора бы выкинуть эти мысли из головы: в сангамонском периоде определенно хватает и других кошек. От этого рыка в жилах стыла кровь, но вдруг я понял, что бояться нечего. Я был в безопасности. Рядом мирно посапывала Райла. Ее не потревожил шум с севера.

После завтрака мы упаковали ланч, сложили в машину рыболовные снасти и пару семи-миллиметровых винтовок и отправились в турне по Мастодонии: я за рулем, Райла рядом, а сзади Хирам и Бублик. Проехав по долине несколько миль, встретили с десяток мастодонтов; они подняли голову, наострили уши, стали поводить хоботами, но остались на месте. В полдень остановились у реки. За пять минут рыбалки я выудил три приличные форели, которых мы зажарили на костре из плавника. Пока обедали, с противоположного берега, крутого и почти лишенного растительности, за нами наблюдали шесть довольно крупных волков – крупнее обычных, и я подумал, не ужасные ли это волки. Позже мы вспугнули оленя, и какое-то время он мчался перед машиной. На каменистом склоне заметили крупную рыжевато-коричневую кошку, но она походила на кугуара и не имела знаменитых клыков.

Домой вернулись перед самым закатом, усталые, но довольные. Тот день показался мне самым восхитительным в жизни.

Назавтра и днем позже были новые вылазки, оба раза в новых направлениях. Мы видели множество мастодонтов и небольшое стадо гигантских бизонов – гораздо крупнее тех, что в свое время водились на западных равнинах, и с огромными ветвистыми рогами. Обнаружили заболоченный участок, с которого при нашем приближении поднялись стаи гусей и уток, а сразу за болотом нас ждало самое невероятное открытие: колония бобров размером с медведей. Они трудились над дамбой, благодаря которой и появилось болото – родной дом для множества птиц, – а мы заворуженно следили за ними с почтительного расстояния. Наконец Райла сказала:

– С бобра по шубе...

Я потерял счет времени и обо всем забыл, представляя бесконечные дни, полные удивительных находок и блаженного ничегонеделания.

Но на третий день, когда мы вернулись домой, идиллия закончилась. За садовым столом нас ждал Бен, а на столешнице – стаканы и бутылка.

– Вот, промочите горло, – сказал Бен. – Мы в деле. Завтра Кортни привезет сюда ребят из «Сафари». Они готовы к переговорам. Более того, по словам Кортни, они жаждут этих переговоров, хоть и делают вид, что это не так.

Глава 22

Следующим утром я проснулся, обуреваемый непонятно откуда взявшейся смутной тревогой, предчувствием из тех, что временами накрывают тебя без всякой на то причины. Выполз из постели, стараясь не разбудить Райлу, но все же разбудил; когда я крался к выходу, она спросила:

– Что случилось, Эйза?

– Думаю, ничего, – ответил я, – но надо выйти посмотреть.

– Только не в пижаме, – сказала она. – Вернись и оденься. Сегодня приезжают люди из «Сафари». Не исключено, что с самого утра, а их время опережает наше на пять часов.

Я сделал, как было велено, не в силах отделаться от ледящего кровь чувства, что зря теряю время, после чего вышел – как можно быстрее, но делая вид, что никуда не спешу.

Стоило открыть дверь и выглянуть во двор, как я нырнул обратно в дом и схватил со стойки одну из семимиллиметровок. Чуть ниже по склону – в каких-то пяти сотнях футов – стоял старый мастодонт, которого Хирам нарек Стоячим.

Узнать его было несложно, ибо шкура его казалась побитой молнией – даже сильнее, чем при нашем первом знакомстве, когда мастодонт находился гораздо дальше от меня.

Теперь же он стоял с видом плакальщика, горестно свесив хобот меж двух великолепных бивней, и, несмотря на рост (а было в нем футов девять), вовсе не казался могучим зверем.

Футах в пятидесяти перед ним расположился Хирам, а рядом с ним виляющий хвостом Бублик – воплощение доброты и дружелюбия. Хирам говорил с огромным мастодонтом, а тот в ответ поводил ушами – вернее, одним ухом, которое я видел; оно не походило на развесистое ухо африканского слона, но все же отличалось немалым размером.

Я окаменел с винтовкой в руках, не отваживаясь ни окликнуть Хирама, ни позвать Бублика. Делать было нечего: я мог лишь изготавиться к выстрелу, коли тот будет необходим.

Я смутно помнил, что в девятнадцатом веке – то есть в далеком будущем – старый добрый Карамоджо Белл в погоне за слоновой костью настрелял сотни африканских слонов из винтовки не мощнее той, что была у меня в руке, но все равно надеялся, что до стрельбы дело не дойдет, поскольку Карамоджо почти всегда бил в мозг, а я в некоторой степени сомневался, что сумею проявить подобные чудеса меткости.

Поначалу мастодонт стоял на месте, а потом шевельнулся; я вскинул винтовку, решив, что сейчас он пойдет на Хирама, но Стоячий остался, где был: лишь поднял переднюю ногу, а за ней вторую (с еще большей неуклюжестью), словно чтобы дать отдых разболевшимся конечностям, после чего вновь опустил их на землю. Прodelывая этот цирковой номер, мастодонт едва заметно покачивался, и эта картина – Хирам, перед которым топчется придурковатый слон, – выглядела чрезвычайно глупо.

Я тут же сделал шаг вперед и хотел было сделать второй, но передумал. Ситуация, пусть рискованная, пока не перешла в разряд опасных, и мне не хотелось накалять обстановку.

Хирам тем временем сделал короткий шаг вперед, затем еще один. Я сдержал желание наорать на него, потому что знал, что лучше этого не делать. На крайний случай у меня имелась винтовка, и я знал, что при необходимости всажу в старину Стоячего три-четыре пули так быстро, что вы их сосчитать не успели бы, но по-прежнему надеялся обойтись без стрельбы.

Хирам приближался к мастодонту – осторожно, шажок за шажком, – но Бублик не последовал за ним. Богом клянусь, этот пес вел себя разумнее, чем Хирам. Когда все закончится, я из Хирама всю дурь выбью, честное слово, обещал я себе; говорил же, не лезь к мастодонту, и вот пожалуйста: этот полоумный, пока я спал, улизнул из дому и отправился на поиски приключений. Но таков уж наш Хирам. На ферме он беседовал с дроздами и сурками, а забреди в наши края медведь гризли, мой простодушный товарищ и с ним не преминул бы перекинуться словом, а в меловом периоде сдружился бы с динозаврами.

Теперь он был совсем близко от мастодонта и тянул к нему руку, а тот перестал раскачиваться из стороны в сторону.

Бублик стоял на прежнем месте, но хвостом уже не вилял – как видно, беспокоился не меньше моего. Затаив дыхание, я наблюдал за ними и думал, что зря не окликнул Хирама, но теперь было уже поздно. Стоит мастодонту двинуть вперед – и Хираму придет конец.

Стоячий поднял хобот и вроде как привстал на цыпочки. Хирам замер. Мастодонт, тихонько пофыркивая, обнюхал его с головы до пят, а потом Хирам погладил, потер, почесал любопытный хобот, и тупоумная зверюга принялась постанывать (видать, мастодонту нравилось, когда его чешут); поэтому Хирам подступил еще на пару шагов и оказался прямо у него под головой. Стоячий вытянул шею, а Хирам погладил его вверх-вниз по хоботу, после чего поднял руку к до нелепого маленькой нижней губе своего могучего друга и почесал ему подбородок, а Стоячий заохал от удовольствия. По части слабоумия этот мастодонт явно перещеголял самого Хирама.

Я испустил вздох облегчения, искренне надеясь, что он не окажется преждевременным. Похоже, все было в порядке. Мастодонт стоял как вкопанный, Хирам чесал ему подбородок, а Бублик с некоторым недовольством развернулся, подбежал ко мне и сел рядом.

– Хирам, – позвал я так спокойно, как только мог, – ты меня слышишь?

– Не беспокойтесь, мистер Стил, – ответил Хирам, – мы с ним друзья.

Эти слова я нередко слышал с тех пор, как вернулся в Уиллоу-Бенд и возобновил знакомство с Хирамом. У него сплошь друзья и никаких врагов.

– Смотри не ошибись, – посоветовал я. – Это дикий зверь, и к тому же громадный.

– Я с ним разговариваю, – объяснил Хирам, – и он со мной разговаривает, поэтому я знаю, что мы друзья.

– В таком случае скажи ему, чтобы проваливал и больше не ходил на этот холм. Оглянуться не успеешь, как он перевернет наш домик. Передай, что, если такое случится, ему несдобровать.

– Отведу его в низину, – сказал Хирам, – и велю оставаться там, а сам пообещаю, что буду заходить к нему в гости.

– Так и сделай, – согласился я, – а потом дуй сюда. Есть для тебя поручение.

Хирам вскинул руки, толкнул Стоячего в плечо, и тот пришел в движение: мелкими шажками поплелся вниз по склону, шаркая по траве, а Хирам следовал рядом.

– Эйза! – крикнула от двери Райла. – Что происходит?

– К нам забрел Стоячий, – сказал я, – и теперь Хирам ведет его в низину. Туда, где ему место.

– Стоячий? Он же мастодонт!

– Угу, я в курсе. А еще он друг Хирама.

– Ступай в дом, побрейся, – сказала Райла. – И бога ради, причешись. У нас гости.

Я глянул вниз. На холм взбирались пятеро человек – гуськом, один за другим. Впереди Бен – в ботинках, брюках цвета хаки, охотничьей куртке и с винтовкой в руках. Все прочие в деловых костюмах, с портфелями и папками. Одним был Кортни, а остальные трое, видимо, люди из «Сафари», солидные бизнесмены с соответствующими знаками различия посреди вопиюще дикой местности. Смех, да и только.

– Эйза! – настойчиво повторила Райла.

– Поздно, – откликнулся я. – И минуты не пройдет, как они будут здесь. Но это новый рубеж, так что пусть принимают меня таким, какой есть.

Я провел ладонью по колючей щетине. Что тут скажешь... Я и впрямь основательно зарос и, наверное, имел не самый презентабельный вид.

Бен подошел к нам и поздоровался. Остальные выстроились в шеренгу и ждали. Наконец Кортни вышел вперед и сказал:

– Райла, ты уже знакома с этими джентльменами?

– Да, конечно, – ответила она. – Но вы еще не встречались с моим партнером. Его зовут Эйза Стил. Извините за его внешний вид. Утром возникли проблемы с мастодонтами и...

– Прошу прощения, мэм, – перебил ее пожилой джентльмен с военной выправкой, стоявший в конце шеренги, – но не подводит ли меня зрение? Насколько я понял, с холма спускаются человек и мастодонт и человек ведет мастодонта за хобот.

– Не обращайтесь внимания, – ответила ему Райла. – Это Хирам. У него свой подход к животным. Он утверждает, что способен разговаривать с ними.

– Быстро он освоился, – заметил Бен.

– Он тут уже несколько дней, – сказал я. – Этого более чем достаточно.

– Никогда такого не видел, – заявил пожилой военный. – Глазам не верю. Это в высшей степени удивительно.

– Эйза, – сказала Райла, – нашего недоверчивого друга зовут майор Хеннесси. Майор, знакомьтесь: это мой партнер Эйза Стил.

– Мое почтение, – кивнул Хеннесси. – Должен сказать, вы неплохо здесь устроились.

– Нам нравится, – подтвердил я. – Позже, если у вас найдется время, устроим экскурсию по окрестностям.

– Невероятно, – не унимался Хеннесси, – в высшей степени невероятно!

– А это мистер Стюарт, – продолжила Райла, – главный юрист компании «Сафари инкорпорейтед». И мистер Бойл. Если не ошибаюсь, мистер Бойл, вы старший менеджер...

– ...по вопросам транспортировки, – подхватил Бойл. – Жду не дожусь охоты на динозавров. Заманчивое предложение!

Не то слово, подумал я. Этот мелкий прохвост не понравился мне с первого взгляда.

– Поскольку теперь все знакомы, – сказал Стюарт, – предлагаю обсудить дела. Дабы не расслабляться, я предпочту переговорить здесь, на природе.

– А воздух-то какой! – Хеннесси хлопнул себя по груди. – Чистейший! Никаких примесей. Я уж и не помню, когда дышал таким воздухом.

– Присаживайтесь, – пригласила Райла, – а я принесу кофе.

– Прошу, не трудитесь, – сказал Бойл, – мы уже завтракали. Перед выходом из Уиллоу-Бенда мистер Пейдж напоил нас кофе.

– Вы-то завтракали, а мы с Эйзой еще нет, – язвительно сообщила Райла, – и надеялись, что вы присоединитесь.

– Да-да, конечно, – закивал майор, – с превеликим удовольствием и большое вам спасибо.

Все расселись вокруг стола и поставили портфели возле стульев. За исключением Стюарта: тот положил портфель на стол и вытащил из него какие-то бумаги.

– Надо бы присматривать за Хирамом, – сказал мне Бен. – С мастодонтом он, может, и спелся, но тут хватает другого зверья...

– Я с ним уже поговорил, – ответил я. – И еще поговорю.

Тем временем Райла вынесла поднос с чашками, а я сходил в дом за кофейником. На рабочей столешнице обнаружился нарезанный сметанник. Его я тоже прихватил.

Когда вернулся во двор, все были готовы к переговорам. Мест за столом не осталось, поэтому я устроился на стуле в сторонке.

– Значит, вот она такая, ваша Мастодония, – сказал майор. – Должен признать, мне тут нравится. Не подскажете ли, как удалось найти столь восхитительное место?

– В первую очередь благодаря интуиции, – ответил я, – и нашим догадкам о прошлом. Вернее, не нашим, а геологов. Это сангамонский период, межледниковье. Иллинойское оледенение уже закончилось, а висконсинское еще не началось. Мы решили, что в этом времени природа более или менее привычная, да и климат идеальный. Хотя точно сказать не могу, ведь мы перебрались сюда совсем недавно.

– Потрясающе! – воскликнул майор.

– Вы готовы, мистер Маккаллан? – спросил Стюарт.

– Конечно, – ответил Кортни. – Выкладывайте, что у вас на уме.

– Вы прекрасно знаете, что у нас на уме, – сказал Стюарт. – Мы хотим приобрести права на сафари в меловом периоде.

– Никаких прав вы не получите, – отрезал Кортни. – Все права останутся у нас. Но можно сделать лицензию с ограниченным сроком действия.

– Ограниченным? Какого черта, Кортни?

– К примеру, на год. Само собой, возобновляемую.

– Но такая игра не стоит свеч! Это серьезные капиталовложения. Надо будет собрать персонал...

– Год, – повторил Кортни. – Для начала.

– Вы обеспечите нам всесторонние консультации...

– Так написано в ваших бумажках? – Кортни указал на документы, разложенные перед Стюартом.

– Да, таковы наши соображения. В меловом периоде мы новички и...

– И не получите ничего, кроме лицензии, – сказал Кортни. – Все остальное – ваша забота. Это не означает, что мы откажем в посильных консультациях, но дадим их не по контракту, а в качестве жеста доброй воли.

– Довольно пререкаться, – одернул их майор. – Мы хотим устроить сафари, и не одно сафари, а множество, пока не сгладился эффект новизны. Поверьте, я знаю охотников: каждому надо первым добыть динозавра, поэтому нежелательно, чтобы экспедиции пересекались друг с другом: зона охоты должна быть свободна от посторонних. То есть нам понадобится не один временной тоннель, а несколько.

Кортни вопросительно взглянул на меня.

– Это можно, – сказал я. – Откроем сколько угодно дорог с интервалом, допустим, десять тысяч лет – или меньше, если на то будет необходимость.

Кортни посмотрел на Хеннесси:

- Вы же понимаете, что за каждую дорогу придется доплатить?
- Мы готовы, – сказал Стюарт, – выложить целый миллион долларов за три тоннеля.
- Миллион за лицензию на первый год, – помотал головой Кортни, – и, допустим, пятьсот тысяч за каждый тоннель, кроме первого.
- Господи, так мы разоримся!
- Вряд ли, – сказал Кортни. – Не хотите ли рассказать присутствующим, сколько у вас стоит двухнедельное сафари?
- Этого мы пока не обсуждали, – ответил Стюарт.
- Так я вам и поверил. У вас было две недели на размышления. С учетом рекламы к вам, наверное, уже очередь выстроилась.
- С экономической точки зрения вы несете полную чушь, – заметил Стюарт.
- Следите за языком! – огрызнулся Кортни. – Вы прекрасно знаете, что «Сафари» на ладан дышит. Двадцатый век поставил крест на полноценной охоте. Что у вас осталось? Строго лимитированные вылазки за крупной дичью и новомодные фотосафари? Но теперь мы предлагаем вам шанс вернуться в дело, причем без каких-либо ограничений. Сотни лет охоты, новые и невероятные разновидности животных. Если клиент пожелает застрелить мамонта, бронтозавра или любого крупного и опасного зверя, достаточно будет слово сказать, и мы все устроим. Мы, только мы и никто, кроме нас.
- Ну, это как сказать... – протянул Стюарт. – Если мисс Эллиот и мистер Стил сумели построить машину времени...
- Об этом мы уже говорили, хоть и в двух словах, – сказала Райла. – Вы то ли не слушали меня, то ли не поверили. Суть в том, что никакой машины нет.
- То есть как это – нет? А что у вас вместо машины?
- Этого, – самодовольно произнес Кортни, – мы раскрывать не станем. Коммерческая тайна.
- Как видите, Стюарт, нас загнали в угол, – сказал майор Хеннесси. – Они правы: никто другой не перенесет нас в прошлое. На первой встрече мисс Эллиот действительно говорила, что никакой машины нет, так что предлагаю поточить карандаши и сесть за арифметику. Быть может, наших друзей устроит доля от выручки – допустим, двадцать процентов.
- Раз уж речь зашла о процентах, – заметил Кортни, – мы согласны на половину валовой прибыли. Не меньше. И предпочли бы работать через лицензию. Так прозрачнее.
- От этих переговоров у меня голова шла кругом; чужой миллион баксов – ничего особенного, очередное большое число, но твой собственный – совсем другое дело. Поэтому я встал и прогулялся вниз по склону. Думаю, мой уход остался незамеченным.
- Из-под дома выполз Бублик и последовал за мной. Хирама не было видно, и я начал за него волноваться: говорил же, чтобы он шел к дому, а теперь его нигде нет.
- По низине брел Стоячий, держа путь к реке – наверное, на водопой, – но Хирама с ним не было. Я расположился на склоне и смотрел во все стороны, но никого не увидел.
- Шурша ботинками по футовой траве, ко мне подошел Бен, встал рядом, и мы уставились вдаль – туда, где виднелись какие-то точки. Наверное, мастодонты или бизоны.
- Бен, – спросил я, – миллион долларов – это вообще сколько?
- Это до черта денег, – ответил Бен.
- У нас за садовым столом говорят о миллионе долларов, – сказал я. – Для начала. Если честно, в голове не укладывается.
- И у меня не укладывается, – согласился Бен.
- Но ты же банкир!
- И деревенский парень, – усмехнулся Бен. – Как и ты. Не доросли мы до таких разговоров.

– Деревенский парень... – повторил я. – Помнится, бегали вместе по этим холмам, а теперь глянь, как все переменялось.

– Причем за последние несколько недель, – сказал Бен. – Эйза, тебя что-то беспокоит. Давай рассказывай.

– Это все Хирам, – объяснил я. – Должен был увести Стоячего в низину и сразу вернуться домой.

– Стоячего?

– Так зовут вон того мастодонта.

– Вернется, – сказал Бен. – Наверное, сурка нашел.

– Случись что с Хирамом, мы выйдем из игры, – растолковал я. – Понимаешь?

– Все я понимаю, – кивнул Бен, – но ничего с ним не случится. Хирам тут в своей стихии.

Он и сам наполовину дикий зверь.

Какое-то время мы высматривали Хирама, но безрезультатно. Наконец Бен сказал:

– Пойду узнаю, до чего договорились.

– Давай, – ответил я. – А я поищу Хирама.

Часом позже я нашел его в яблонево́й роще на склоне холма.

– Где тебя черти носили?

– Я разговаривал с Чеширом, мистер Стил. Последние дни много ходил по окрестностям и совсем о нем забыл. Вот и побоялся, что ему одиноко.

– Ну и как? Ему одиноко?

– Говорит, что нет, – ответил Хирам. – Но ему не терпится начать работу. Он хочет открыть новые дороги и спрашивает, в чем причина задержки.

– Хирам, – сказал я, – надо поговорить. Пойми наконец, что ты самый важный человек во всем этом предприятии. Никто, кроме тебя, не умеет говорить с Чеширом.

– Бублик умеет.

– Ну хорошо, Бублик умеет, но какой в этом толк? Я-то не умею говорить с Бубликом!

Я объяснил ему ситуацию, разложил все по полочкам, разве что диаграммы не рисовал, и в итоге Хирам пообещал, что не будет меня нервировать.

Глава 23

Когда мы с Хирамом вернулись домой, за столом сидели только Райла и Кортни, остальные исчезли, как и один из внедорожников.

– Бен увез всех кататься, – объяснила Райла, – а мы сидим и думаем, куда ты делся.

– Хирама выслеживал, – сказал я.

– Я остался, – начал Кортни, – поскольку нам троим надо обсудить пару моментов.

– Насчет налоговой?

– Нет. Налоговая пальцем о палец не ударит, пока не пронюхает о сделке с «Сафари».

– Как переговоры? – спросил я. – Хочется верить, вы пришли к консенсусу.

– Все решилось довольно быстро, – сказал Кортни. – Положение у них безвыходное, и нам оставалось лишь продиктовать условия.

– Миллион за лицензию, – подхватила Райла, – и четверть миллиона за каждую дорогу во времени. Им нужны четыре дороги, а это два миллиона, Эйза.

– За первый год, – добавил Кортни. – В следующем году цена вырастет. Сейчас они этого не знают, но через год будут у нас на крючке.

– И это только начало, – сказала Райла.

– Об этом я и хотел поговорить, – продолжил Кортни. – Бен рассказывал о церковной группе?

– Да, – ответил я. – Их интересуют времена Мухаммеда.

– На днях ко мне приходили двое фанатиков, – сообщил Кортни. – Бен велел им поговорить со мной, но будь я проклят, если понял, что у них на уме. Да, они заинтересованы, но ничего не объясняют. Даже не знаю, стоит ли с ними связываться.

– Мне это не нравится, – сказал я. – Религия – неоднозначная штука. Нам надо следить за имиджем и держаться подальше от сомнительных затей – тех, что могут вызвать раскол в стране или во всем мире.

– Верно, – кивнула Райла. – Прибыль в таких делах несерьезная, а головной боли хоть отбавляй.

– И я того же мнения, – согласился Кортни. – Короче, попробую охолонуть этих ребят, когда вернутся. И еще меня беспокоит сенатор Абель Фримор. Не помню, откуда он – то ли из Канзаса, то ли из Небраски. В общем, настаивает на встрече. Пока что секретарь его отшивает, но навсегда отделаться от этого Фримора невозможно, поскольку он не абы кто, а сенатор США, и в самом скором времени мы узнаем, что ему надо.

– Какие будут предположения? – спросила Райла.

– Вообще никаких. Он крупная фигура в сельском хозяйстве, за бедолагу-фермера душу рвет, да и в целом у него сердце кровью обливается – по любому поводу, – так что я не ждал бы ничего хорошего.

– Что-то еще? – спросил я.

– Пока нет. Слишком рано. Ясное дело, все заинтригованы, но настроены скептически, поэтому сидят и ждут, что будет дальше. Все завертится, когда охотники притащат в наше время первого динозавра, но до тех пор нам предстоит иметь дело с лицемерами и мошенниками – вроде того горного инженера, который хочет стогнать в Блэк-Хилс за халявным золотишком. Денег у него нет, но обещает нам половину всех находок – понятно, лишь задекларированных. Как ни странно, он мне нравится. Этакий обаяшка-буканьер, человек без принципов, а цифры... цифры для всех одинаковые. Помнишь, Райла, как ты хотела отправиться в Южную Африку, чтобы набрать алмазов?

– Признаю, было дело, – сказала Райла. – Наверное, ничего не получилось бы. Может, эти алмазы на земле – всего лишь сказки. Но звучит заманчиво.

– Охота на динозавров, – продолжил Кортни, – пожалуй, самая честная и наиболее однозначная из всех возможных сделок. Ни трудностей, ни сомнительных аспектов. Но странно, что к нам не лезут ученые и прочая интеллектуальная братия. Никто не спешит исследовать авторскую технику и творческий посыл доисторических пещерных художников, наблюдать за бытом неандертальцев или присутствовать при Марафоне или Ватерлоо.

– Ученым нужны доказательства, – объяснила Райла. – Сейчас они почивают на академических лаврах и твердят друг другу, что путешествовать во времени невозможно.

– Чуть не забыл, – сказал Кортни, – к нам принохивается еще одна группировка – специалисты по генеалогии, обслуживающие тех, кто хочет отследить семейное древо, – разумеется, не бесплатно. Теперь эту услугу можно сделать более персонализированной и, конечно же, брать за нее больше денег – не просто поднять архивные записи, но побеседовать с чьими-то предками или даже сделать фотографии. Прапрапрадядюшку Джейка вздернули за конокрадство, ну и так далее. Пока эти ребята лишь прощупали почву, но непременно вернутся.

– Появятся и другие. По крайней мере, я так думаю. Сами понимаете, нельзя просчитать все наперед и предсказать, как широкая публика отнесется к путешествиям во времени и какие у людей будут запросы. Допускаю, что к нам подтянутся нефтехимики, представители сталелитейной и угольной промышленности и другие охотники за природными ресурсами.

– Я тоже об этом думала, – сказала Райла, – и меня это тревожит. Да, в прошлом полно ресурсов, и ничто не мешает их забрать, но вот в чем вопрос: не скажется ли это на девятнадцатом веке? Или тем более на двадцатом? Не исчезнут ли важнейшие ископаемые? Как ни

странно, ответ просится утвердительный: ведь если разработать месторождения в прошлом, фактически ресурсы останутся на планете: классический пример для ценителя парадоксов.

– Райла, – осадил ее Кортни, – мы вообще ничего не знаем. Более того, рассуждаем в неверном ключе. Надо подстроить образ мышления под новые реалии, но сейчас не время забивать себе голову. Других дел хватает.

Глава 24

Так начался период ожидания. Люди из «Сафари» обещали привезти клиентов дней через десять. Максимум через две недели. Мы тем временем ездили по Мастодонии. Видели множество бизонов, мастодонтов, еще одну колонию гигантских бобров, сколько-то медведей и крупных кошек, но ни одного саблезубого тигра, и я начал думать, что они вымерли, хотя такое казалось маловероятным. Однажды Райле померещился глиптодонт – доисторический гигант-броненосец, – но когда мы прибыли на то место, где, как ей показалось, она его видела, то не смогли найти никаких его следов. Мы высматривали лошадей, но ни одной не увидели.

Выбрали место для сада (Райла сказала, что пора бы пустить девственную почву в дело), но деревьев так и не посадили. Зато проложили телефонный кабель, связавший Мастодонию с кабинетом Бена, чтобы потенциальные клиенты могли общаться с нами дистанционно, не перебираясь в прошлое. Кабель-то проложили, но работать телефон отказался: сигнал не проходил сквозь барьер, отделявший Мастодонию от девятнадцатого века. Бен привез мне стальных колышков, я выкрасил кончики в красный цвет и разметил дороги в меловой период (Чешир собирался открыть их в самом скором времени). Деревяшки Хирама тоже сгодились бы, но сталь – более надежная штука, и сломать ее не так-то просто. В общем, я наметил четыре дороги, а остальные колышки решил отдать охотникам, чтобы те обозначили выходы из мелового периода.

Что касается Хирама, он разрывался между Чеширом и Стоячим, беспрестанно разговаривал то с одним, то с другим и всегда брал с собою Бублика. Меня слегка тревожила его беспечность, я воображал себе картины всевозможных несчастий, но ничего не происходило. Рассудок подсказывал, что хватит уже волноваться, но я ничего не мог с собой поделать.

Однажды я сидел за садовым столом с банкой пива, а Райла ушла в дом готовить салат на ужин. Вокруг, как всегда, было тихо и спокойно. Я заметил, что на холм взбирается Хирам, поискал глазами Бублика и увидел его чуть поодаль: пес обнюхивал траву, будто нашел что-то интересное.

Вдруг Хирам испустил вопль ужаса, оступился, подался вперед, упал на колени и снова вскочил, размахивая ногой, будто та угодила в капкан. К нему, прижав уши, помчался Бублик. Я вскочил и побежал вниз по склону, призывая Райлу, но не оборачиваясь и потому не зная, услышала ли она мой зов.

Вновь закричал Хирам: один пронзительный вопль, а за ним второй, уже неумный. Сгорбившись на траве, Хирам держался за ногу обеими руками, а Бублик вздернул морду, затряс головой, и я с первого взгляда понял, кого он выхватил из травы.

Подбежал к Хираму, взял его за плечи, попробовал уложить на спину и крикнул:

– Отпусти ногу! Лежи смирно!

Бессмысленные вопли прекратились, и Хирам крикнул мне в ответ:

– Цапнула! Она меня цапнула, мистер Стил!

– Лежи тихо, – велел я.

Наконец он улегся, но не затих – наоборот, стонал пуще прежнего.

Я вытащил из кармана нож и надрезал левую штанину Хирама; оттянув ткань, увидел наливающийся синяк и два прокола в коже; на каждом блестела яркая капля крови. Распорол штанину по всей длине и задрал до бедра.

– Эйза, – позвала из-за спины Райла, – Эйза, Эйза, Эйза!

– Найди палку, – сказал я. – Любую. Надо наложить жгут.

Расстегнул свой ремень, выдернул его из петель и обмотал вокруг ноги Хирама, чуть выше укуса. Райла, присев по другую сторону от Хирама, сунула мне сухую палку. Я продел ее под ремень, провернул и сказал:

– Держи. Крепко держи, чтобы ремень не ослаб.

– Знаю, – отозвалась Райла. – Это была гремучка. Бублик ее придушил.

Я кивнул, хотя уже понял все по виду укуса: в этих широтах нет других змей, способных нанести такую рану.

Хирам немного успокоился, но все еще стонал.

– Держись, – предупредил я (просто из честности и вовсе не для того, чтобы дать ему повод для возражений), – сейчас будет больно.

Надрезал кожу, соединив проколы от зубов, а Хирам взвыл и попытался сесть, но Райла удержала его свободной рукой; я же прильнул губами к надрезу и стал высасывать солоноватую теплую кровь, высасывать и сплевывать, высасывать и сплевывать, истово надеясь, что во рту у меня нет ранок, и понимая, что сейчас не лучшее время для размышлений о ранках во рту. К тому же, будь у меня такие ранки, я сделал бы то же самое.

– У него обморок, – сообщила Райла.

Я высасывал и сплевывал ядовитую кровь. Бублик подошел, сел и задумчиво уставился на меня.

– Он приходит в чувство, – сказала Райла.

После секундной передышки я вновь занялся раной. Наконец остановился: вне всяких сомнений, теперь концентрация яда в организме Хирама поуменилась. Опустившись на пятки, я перехватил палку, на пару мгновений ослабил жгут, снова затянул его и скомандовал Райле:

– Разверни машину в сторону Уиллоу-Бенда. Хираму нужна помощь. Донесу его на руках.

– Сможешь нести его и держать жгут?

– Думаю, да. – Я взглянул на Хирама. – Обними меня за шею, и как можно крепче. Придется нести тебя на одной руке.

Он сцепил пальцы у меня на загривке. Я кое-как оторвал его от земли и поплелся вверх по склону. Хирам оказался тяжелее, чем я думал. Райла убежала вперед, к одному из внедорожников. Когда мы добрались до места, машина была готова. Я сгрузил Хирама на заднее сиденье, сел рядом с ним, позвал: «Ко мне, Бублик», и тот запрыгнул в кабину, после чего внедорожник тронулся с места.

Райла остановилась позади офисного здания и нажала на кнопку клаксона. Из задней двери высыпали люди. Я вытащил Хирама из кабины. Первым к нам подоспел Герб, и я объяснил:

– Змея укусила. Гремучка. Вызывай «скорую».

– Давай его сюда, – сказал Бен. – В нижнем левом ящике стола у меня бутылка виски. Ты же не давал ему выпить?

– Не уверен, что...

– Зато я, черт возьми, уверен. Если не поможет, то не повредит. Но принято считать, что спиртное помогает.

Я сходил за виски и вернулся в приемную, где Хирам растянулся на диване. Герб повесил телефонную трубку:

– «Скорая» уже в пути. Хирамом займется парамедик. Я говорил с врачом. Он сказал: никакого виски.

Я поставил бутылку на стол.

– Хирам, ты как?

– Больно, – ответил Хирам. – Все тело ломит так, что сил нет терпеть.

– Сейчас поедem в больницу, – сказал я. – Там тебя мигom на ноги поставят.

Герб схватил меня за руку и отвел в сторонку:

– Не надо бы тебе уезжать.

– Но придется. Хирам мой друг, и я ему нужен.

– Только не сейчас, когда повсюду репортеры. Проследят за «скорой», а в больнице налетят на тебя как коршуны.

– Ну их к черту. Говорю же, Хирам мой друг.

– Эйза, не глупи! – взмолился Герб. – Я описал вас с Райлой как нелюдимых отшельников. Сейчас вы окутаны завесой тайны, и надо сохранять этот образ – по крайней мере, какое-то время.

– Обойдемся. Хираму нужна помощь.

– Чем ты ему поможешь? За руку будешь держать? Сидеть на диване, пока врачи спасают ему жизнь?

– Хотя бы, – подтвердил я. – Просто буду рядом.

К нам подошел Бен:

– Герб прав. С Хирамом поеду я. Как вариант – Райла, но лучше я.

– Райла расстроится, – сказал я, – у нее будет истерика...

– Истерика? У Райлы? – усомнился Герб.

– С женщинами газетчики обходятся помягче, чем с мужчинами, – добавил Бен. – Если Райла откажется давать интервью, от нее отстанут скорее, чем от тебя. Она сохранит неприступный вид, а ты...

– Сволочи! – взвился я. – Оба вы сволочи!

Но толку-то... В итоге Райла и Бен уехали с Хирамом, а я остался. Чувствовал себя премерзко (потерял не только контроль над ситуацией, но и собственное «я»), сгорал от гнева, изводился от страха, но остался, ведь теперь за меня все решали другие люди.

– Зато есть повод для свежего заголовка, – сказал Герб.

Я объяснил, куда он может засунуть этот свежий заголовок, обозвал его кровопийцей, забрал бутылку, из которой мы так и не напоили Хирама, и ушел в кабинет Бена, где угрюмо прикончил виски, но он мне не помог. Я даже захмелеть не сумел.

Позже я позвонил Кортни и все ему рассказал. Когда умолк, на линии наступила тишина. Наконец Кортни спросил:

– Он ведь поправится?

– Не знаю, – ответил я. – Жду новостей.

– Кроме Хирама, никто не умеет говорить с Чеширом, так?

– Так.

– Эйза, через несколько дней «Сафари» отправляет первую экспедицию в меловой период. Можно ли что-то сделать? Насколько я понимаю, эти дороги еще не открыты?

– Попробую поговорить с Чеширом, – сказал я. – Он понимает мои слова, но я не слышу ответов.

– Точно попробуете?

– Да, непременно, – пообещал я.

– Увидимся через пару дней. Сенатор, о котором я рассказывал... Он хочет с вами поговорить. Не со мной, а именно с вами. Я его привезу.

Я не стал спрашивать, чего хочет этот сенатор. Мне было плевать. Вместо этого сказал:

– Если Хирам не выживет, не надо никого привозить. Без Хирама всему проекту конец, но вы и сами это понимаете.

– Да, понимаю, – грустно подтвердил Кортни и повесил трубку, а Герб принес мне кофе с бутербродами.

Новостей не было – ни от Райлы, ни от Бена. Какое-то время мы с Гербом говорили ни о чем, а потом я удалился через заднюю дверь. Бублик ждал меня, и мы пошли через лужайку к дому, сели на ступеньки заднего крыльца. Бублик прижался ко мне. Он чувствовал, что случилась какая-то беда, и пытался меня утешить.

Сарай все еще стоял, просевшая дверь скособочилась сильнее прежнего. С курятником тоже ничего не случилось, и куры копались во дворе, выклевывая из земли червяков. Близ курятника рос тот самый розовый куст, где я увидел Чешира, когда отправился гонять лисицу и забрел в плейстоцен.

Вот, пожалуй, и все, что осталось тут знакомого. Из-за повсеместных изменений курятник, сарай и розовый куст выглядели как-то непривычно. К небу тянулась паутина ограды, за ней горбились стойки прожекторов, по периметру прогуливались охранники, снаружи толпились люди, стояли, рассматривали нас, их становилось все больше, и я понять не мог, зачем они собрались. На что тут смотреть?

Я погладил Бублика по голове:

– Помнишь, как было раньше? Как ты раскапывал норы, а я домой тебя забирал? Как по вечерам мы запирали курятник? Как Хирам каждый день приходил к тебе в гости? Помнишь дрозда, который жил во дворе?

Я задумался, здесь ли еще тот дрозд, но искать его не стал. Боялся, что не найду.

Я поднялся со ступенек, вошел в дом и придержал дверь для Бублика. Сел на стул у кухонного стола. Сперва хотел пройтись по дому, но решил не делать этого: слишком тихо в нем и пусто. На кухне, впрочем, тоже тихо и пусто, но здесь хотя бы сохранилась атмосфера домашнего очага. Это было мое любимое помещение, что-то вроде гостиной, и я провел тут немало времени.

Зашло солнце, на землю напоззли сумерки, зажглись прожекторы, и мы с Бубликом вернулись на крыльцо. При свете дня ферма казалась непривычной и даже чужой; с наступлением ночи, залитая сиянием прожекторов, она превратилась в дурной сон.

Райла нашла нас у двери.

– Хирам выживет, – сказала она, – но какое-то время ему надо полежать в больнице.

Глава 25

Попутру я отправился искать Чешира, но без толку. Исходил всю дикущую рощу у передвижного дома – и вдоль, и поперек, и по диагонали, – негромко окликал его, смотрел по сторонам, но Чешир так и не появился. Спустя несколько часов я прогулялся по другим рощам, а дома Райла сказала:

– Я бы пошла с тобой, да боюсь спугнуть его. Тебя он знает уже давно, а я тут новенькая. Отчаявшись, мы устроились за садовым столом.

– Что, если он не найдется? – спросила Райла. – Может, ему известно, что стало с Хирамом, и теперь он прячется и не покажется, пока Хирам не вернется?

– Не покажется так не покажется, – сказал я.

– Но «Сафари»...

– Придется им подождать. Даже если найдем Чешира, не факт, что он согласится нам помочь.

– Может, он вернулся в Уиллоу-Бенд? – задумалась Райла. – На ферму, в яблоневый сад. Это было его любимое место, так? Если он знает про Хирама, то хочет быть поближе к нему – почему бы и нет?

В яблонево́м саду я нашел его почти сразу. Чешир сидел на дереве неподалеку от дома и смотрел на меня круглыми кошачьими глазами. По-моему, даже улыбнулся.

– Чешир, – начал я, – Хирам болен, но выздоровеет и вернется через несколько дней. Ты умеешь моргать? Умеешь закрывать глаза?

Он закрыл глаза и открыл, закрыл и открыл снова.

– Отлично, – сказал я. – Мне надо с тобой поговорить. Ты слышишь меня, но я тебя не слышу. Давай придумаем способ общения. Я буду задавать вопросы. Если ответ утвердительный, моргни один раз. Если отрицательный – дважды. Понимаешь?

Он закрыл и открыл глаза.

– Очень хорошо. Ты понял, что я сказал насчет Хирама?

Он моргнул.

– Понял, что он вернется через несколько дней?

Чешир показал, что понял.

– Тебе удобно говорить со мной таким способом? С помощью глаз?

Да, ответил он.

– Но особого удовольствия в такой беседе нет, верно?

Нет, дважды моргнул Чешир.

– Ну да ладно. В Мастодонии... Ты же знаешь, где Мастодония?

Да, показал Чешир.

– Там, в Мастодонии, мы наметили четыре дороги. Четырьмя рядами красных колышков и красным флажком в конце каждого ряда. Флажок обозначает точку входа в прошлое. Понимаешь?

Чешир ответил, что понимает.

– Ты видел эти флажки и колышки?

Чешир ответил, что видел.

– Теперь слушай внимательно. Первая дорога должна вести на семьдесят миллионов лет в прошлое. А следующая – на десять тысяч лет позже. На семьдесят миллионов лет за вычетом десяти тысяч.

Не дожидаясь уточнений, Чешир показал, что понял меня.

– Третья дорога, – продолжил я, – на десять тысяч лет позже второй, а четвертая – на десять тысяч лет позже третьей.

Да, сказал Чешир.

На всякий случай мы повторили этот диалог.

– Откроешь нам дороги? – спросил я.

Он ответил, что откроет, и исчез, а я стоял и тупо пялился на опустевшую ветку. Должно быть, он понял меня буквально и был уже в Мастодонии, где занимался обустройством дорог. По крайней мере, я надеялся, что это так.

Бен сидел у себя в кабинете, закинув ноги на стол.

– Знаешь что, Эйза, – сказал он, – нравится мне эта работа. Лучше не придумаешь.

– А как же твой банк?

– Я тебе сейчас такое скажу, чего никому знать не следует. Банк сам собой управляет. Конечно, я в нем по-прежнему главный, но почти ничего не делаю, разве что разберусь с какой-то проблемкой или подмахну пару бумажек.

– Если так, хватит просиживать штаны. Глянь, какую задницу отрастил. Пойдем-ка лучше в меловой период.

– В меловой? Ты что, договорился с Чеширом?

– Вроде бы да, но точно не знаю. Надо проверить, а одному идти не хочется, потому что я трусоват, но ты и сам об этом помнишь.

– Те слобой по-прежнему у тебя?

Я кивнул:

– Но охотиться будем в следующий раз. Сегодня только проверим, открыты ли дороги.

С нами пошла Райла. Сперва мы хотели взять внедорожник, но в итоге решили, что обойдемся без него. Шествуя вдоль первой линии колышков, я готовился к неудаче, но, как выяснилось, совершенно зря: шагнув за флажок, я оказался в меловом периоде, где моросил дождь.

Мы вбили в землю комплект колышков и прошлись вокруг, пока не убедились, что находимся там, где надо, спугнув стайку безмозглых струтиомимов.

Остальные дороги тоже были в полном порядке, да и погода там оказалась получше. На первый взгляд все четыре места выглядели одинаково. За сорок тысяч лет тут не произошло особых изменений. Конечно, если присмотреться, мы нашли бы множество отличий, но присматриваться было некогда: мы вбили колышки и вернулись в Мастодонию, хотя на четвертой дороге Бен все же подстрелил некрупного анкилозавра – наверное, годовика шести-семи футов длиной. Крупнокалиберная пуля перебила ему шею.

– Сегодня на ужин стейки из динозавра, – возвестил Бен, и мы в шесть рук донесли тушу до Мастодонии, где вскрыли броню топориком – рассекли по всей длине, а потом сняли, хоть и с немалым трудом; хвостовую дубинку Бен оставил себе в качестве трофея, а я вытащил из-под дома мангал и развел огонь.

Пока Бен жарил толстые ломти мяса, я спустился в яблоневую рощу, где отыскал Чешира, поблагодарил его и сказал, что дороги работают великолепно, а он моргнул пять или шесть раз, не переставая улыбаться.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросил я.

Нет, дважды моргнул он.

Хотя струтиомим, которого мы пробовали на первой разведке, оказался вкусным, от сегодняшней трапезы я не ждал ничего хорошего (должно быть, из-за чудовищной внешности анкилозавров), и совершенно зря: стейки я проглотил, будто голодный волк, и даже устыдился своего аппетита.

Позже мы разделали тушу, сунули несколько кусков в морозилку, а остальное мясо завернули, чтобы Бен забрал его с собой.

– Завтра вечером устрою барбекю, – пообещал он. – Может, позову журналистов. Пусть отведают динозаврятинки. Хоть будет о чем написать.

Остатки туши мы отволокли к подножию холма и закопали в землю. Бросать их рядом с домом было нельзя, иначе провоняла бы вся округа. Двумя днями позже я обнаружил, что какие-то падальщики разрыли захоронение и как следует потрудились над анкилозавром, оставив от него лишь несколько броневых пластин.

Итак, Бен ушел, а Райла и я жили в свое удовольствие, спали допоздна и подолгу сидели за садовым столом, обозревая свои владения. Однажды я взял дробовик и отправился с Бубликом искать гремучих змей, но не нашел. В другой раз на холм взобрался Стоячий, подходил все ближе, тянул к нам хобот, принюхивался и хлопал ушами. Я понимал: надо что-то делать, иначе он не оставит нас в покое, поэтому Райла вооружилась винтовкой, а я, холодея от страха, медленно приблизился к мастодонту. Тот обнюхал меня, а я в ответ почесал ему хобот, и Стоячий заурчал от удовольствия. Я подошел ближе и поскреб ему нижнюю губу. Мастодонту это понравилось. Всем своим видом он давал понять, что отныне мы с ним лучшие друзья. Я отвел его в низину, где велел оставаться на месте и не лезть, черт побери, к человеческому жилищу, а он похрюкивал так, будто понимал мои слова. Я боялся, что он снова пойдет за мной, но этого не случилось.

Тем вечером, когда мы любовались сумеречным пейзажем, Райла сказала:

– Эйза, тебя что-то тревожит.

– Волнуюсь за Хирама.

– Все будет хорошо. Он вернется через пару дней.

– И еще я понял, насколько тонок лед у нас под ногами, – сказал я. – Весь бизнес завязан на Хирама и Чешира. Случись с ними что-нибудь...

– Ты же договорился с Чеширом, и он впустил нас в меловой период. Даже если на этом все закончится, у нас будут четыре дороги и сделка с «Сафари» – то есть хребет нашего бизнеса. Со временем, конечно, освоим и другие направления, но именно охота на крупную дичь...

– Райла, тебя это устроит?

– Наверное, нет. Но уже хоть что-то. Больше, чем у нас было.

– Интересно... – задумался я.

– Что тебе интересно?

– Потерпи минутку, – сказал я, – и постарайся меня понять. Когда ты повезла Хирама в больницу, мы с Бубликом остались на ферме. Походили, посидели у кухонной двери. Как раньше. Даже в дом вошли, но дальше кухни не продвинулись. Я сел и задумался о том, как все было. И понял, что заблудился. Что бы я ни делал, куда бы ни шел, чувствую, что заблудился. Все так изменилось...

– Тебе что, не нравятся эти перемены?

– Не знаю. Вроде бы должны нравиться. Появились деньги, которых раньше не было. Теперь мы умеем путешествовать во времени, а раньше не умели. Наверное, дело в Хираме и неустойчивости нашего положения.

– Понимаю. – Она взяла меня за руку. – Понимаю...

– Ты тоже это чувствуешь?

– Нет, Эйза, – покачала головой она, – не чувствую. Не забывай, я же вконец обнаглела. Но ты... Представляю, каково тебе. А я втянула тебя во все это, и теперь мне немного стыдно.

– Я не особо сопротивлялся, – сказал я, – так что брось себя корить. У нас нет критериев для оценки чьей-либо вины. Дело в том, что я любил эту ферму, а недавно понял, что ее больше нет.

– Пойдем пройдемся, – предложила Райла.

Взявшись за руки, мы спустились к речке, и вокруг не было ничего, кроме безмятежной Мастодонии. Где-то в холмах подал голос козодой – впервые за все время, – и мы зачарованно остановились. Я не ожидал услышать козодоя (вопреки логике был уверен, что они здесь не водятся), и с его голосом ко мне вернулось ощущение родного дома, вернулись воспоминания о бесконечном лете с ароматом свежескошенного сена и позвякиванием колокольчиков, когда подоенные коровы возвращаются на пастбище. Я слушал козодоя, и меня переполняло неопи-сваемое блаженство.

Мы вернулись и позвали Бублика в дом. Пес ушел в комнату Хирама. Какое-то время мы слышали, как он елозит по одеялу, устраиваясь поудобнее. Наконец улегся. Я сходил на кухню, приготовил кувшин «манхэттена» и принес его в гостиную, дабы расслабиться за культурной выпивкой, подходящей цивилизованным людям.

– Помнишь день, когда я приехала? – спросила Райла. – Через двадцать лет, как снег на голову?

Я кивнул. Конечно, я все помнил. Помнил каждую минуту того дня.

– По пути в Уиллоу-Бенд я все думала, не пожалею ли. И позже, бывало, задумывалась. Знаешь, Эйза, я не пожалела. И больше не думаю об этом. Дело не в деньгах, не в движухе, не в путешествиях во времени. Я не жалею, что вернулась к тебе.

Я отставил бокал, пересел на кушетку, обнял Райлу, и мы долго сидели, как пара глупых подростков, которые внезапно обнаружили, что любят друг друга. Я был благодарен ей за это признание. Хотел что-нибудь ответить, но не мог найти нужных слов, поэтому просто сказал от всего сердца:

– Я люблю тебя, Райла. И всегда любил, с первой нашей встречи.

Назавтра после полудня приехал Кортни на машине Бена. С ним был сенатор Абель Фримор.

– Предаю его в руки ваши, – сказал Кортни. – Этот старый хрыч согласен говорить только с вами, чтобы получить информацию из первых рук. Кстати, налоговики стали подавать признаки жизни. Уже приходили ко мне, но вряд ли это связано с визитом сенатора.

– Совсем не связано, – подтвердил сенатор. – Как и все разумные люди, я держусь подальше от налоговой.

Он был поджар и невысок, с редующими седыми волосами, обветренным лицом и руками фермера. На фоне машины Фримор казался карликом.

– Так вот она какая, Мастодония, – огляделся он. – Кортни много о ней рассказывал. Когда начнете сдавать участки в аренду?

– Никогда, – сказала Райла. – Мастодония нам не принадлежит.

– Чуть не забыл, – повернулся к нам Кортни. – Завтра приезжают люди из «Сафари». Несколько дней назад Бен звонил им и сообщил, что дороги открыты. Молодцы, что справились.

– Это было нетрудно, – сказал я.

– Нам с сенатором хотелось бы задержаться и проводить первую экспедицию в меловой период. У вас найдется комната для гостей?

– Даже две, – ответила Райла, – так что добро пожаловать, но кому-то из вас придется спать в одной комнате с Бубликом.

– Нельзя ли мне присоединиться к охотничьей экспедиции? – спросил сенатор. – Осмотреться по-быстрому, а потом обратно в Мастодонию.

– Это должны решать люди из «Сафари», – сказал я. – Поговорите с их старшим.

– А вы? – Сенатор взглянул на Кортни. – Не желаете прогуляться, если нам позволят?

– Ну, не знаю, – ответил Кортни. – Судя по фильму, там полно кровожадных тварей, так что надо все обдумать.

Сенатор побродил по двору, рассматривая окрестности, и наконец приземлился за стол. Райла вынесла кофе. Фримор, не вставая, протянул ей чашку и сказал, когда Райла наполнила ее:

– Спасибо, милая. По сути, я лишь старый фермер и высоко ценю чашечку кофе.

Мы с Кортни тоже сели за стол. Райла наполнила наши чашки.

– Пора сказать то, что я собирался сказать, – начал Фримор. – Это не предложение и не предписание, мои слова никак не связаны ни с сенатом, ни с правительством, так что ничего обременительного – обычные вопросы, которые крутятся у меня в голове. – Сенатор пролил пару капель кофе на стол и не спеша стер их ладонью. – Боюсь, вы сочтете меня старым глупцом, испугавшимся собственной тени, но есть одна проблема, и она не дает мне спать по ночам. Вернее, две проблемы. Как бы выразиться пояснее и при этом не выставить себя круглым дураком?

Он задумался, хотя я знал, что у него нет нужды задумываться. Это был ораторский прием. За долгие годы сенаторства Фримор не раз выступал на публике.

– Итак, – сказал он, – я вижу две ключевые проблемы: состояние всемирного сельского хозяйства и огромная масса бедняков, многие из которых живут в нашей стране. Неимущие, безработные, обитатели социального дна.

Сейчас мы производим достаточно еды, чтобы накормить всех жителей планеты. Если где-то начинается голод, он вызван не нехваткой провианта, а логистическими проблемами. Но нехватка пищи уже не за горами. Метеорологи заявляют – должен сказать, весьма убедительно, – что северное полушарие, а то и весь мир входит в холодный и засушливый период. Как говорят, последние шестьдесят лет у нас была благоприятнейшая погода – лучшая за много столетий. Теперь же начинается засуха. Огромным площадям пахотных земель не хва-

тает дождя. Средняя температура идет на снижение. Если эта тенденция продолжится, вегетационный период неминуемо сократится, то есть наши закрома оскудеют. Если производство продовольствия сократится даже незначительно – скажем, на десять процентов или около того в течение нескольких лет, – во многих регионах начнется массовый голод. За десятилетия беспримерно благоприятной погоды мир шагнул вперед – как в социальном, так и в экономическом смысле, – но население тоже выросло, и замедлить этот рост невозможно. Да, экономический бум компенсировал человеческие страдания, но далеко не везде.

Вы определенно понимаете, к чему я клоню. С наступлением эпохи путешествий во времени – должен признать, поначалу я отнесся к этой идее весьма скептически – у нас появляется доступ к новым сельскохозяйственным угодьям, таким богатым, что они с лихвой возместят спад в производстве еды, неизбежный при климатических изменениях, о которых, повторюсь, предупреждают наши метеорологи.

Такова одна из проблем. Как помните, я говорил, что их две, и вот вторая: у широкого сегмента населения нет перспектив, кроме бедности до гробовой доски. Громадные массы этих несчастных ютятся в гетто крупных городов, остальные разбросаны по сельской местности, и почти в каждом уголке страны можно видеть примеры невезения и тяжелой судьбины. Думается, какую-то часть этих людей можно переправить в девственные регионы прошлого, где у них будет шанс встать на ноги. Мне представляется поколение новых пионеров в неизведанных землях, где можно застолбить собственные участки и пустить нетронутые природные ресурсы на создание приемлемых условий жизни. Как ни горько это признавать, достойный первопроходец получится не из каждого. Бедность, подчиненное положение, обида на общество, привычка жалеть себя – все это, пожалуй, помешает таким людям встать на ноги. Допускаю, что в любой эпохе и на любой земле они будут владеть прежним существованием...

– Но вы хотя бы уберете их с глаз долой, – подхватил я.

– Юноша, – вскинул глаза сенатор, – это несправедливая и даже недостойная реплика.

– На словах все гладко, – сказал Кортни, – но на деле будет иначе. Во-первых, это неимоверные затраты. Нельзя же просто привести людей в прошлое и сказать, что теперь они сами по себе. Правительству и обществу придется взять на себя какую-то ответственность, обеспечить этим бедолагам достойную стартовую площадку. Многие не захотят сниматься с насиженных мест, а другие примут ваше предложение в штыки. Разумеется, есть и преимущества: к примеру, вы снизите нагрузку на бюджет. Думаю, это ваш главный козырь и залог поддержки вашего плана. Но, положив руку на сердце, это не дело. Нельзя отправлять людей в дикие места и говорить, что вы умываете руки, только ради того, чтобы не платить им пособие.

– Кортни, – возразил сенатор, – разве я похож на людоеда? Неужели вам кажется, что я не обдумал эти вопросы? Программу переселения – если она вообще будет, эта программа, – мы разработаем в самых мельчайших подробностях. Думаю, ее первоначальная стоимость в несколько раз превысит сумму пособий. Гуманитарному аспекту будет уделено не меньше внимания, чем экономическому. Я пока не обсуждал эту тему ни с кем, кроме вас троих. Прежде чем сделать первый шаг, мне нужны ответы на кое-какие вопросы. Как вижу, вы ребята себе на уме, и пока что к вашему бизнесу не подкапываетесь. Но вы предлагаете услугу и оказываете ее за деньги. Лично я убежден, что путешествия во времени следует рассматривать как отдельную хозяйственную отрасль с соответствующим сводом правил и нормативов, но вы ведете дела из так называемой Мастодонии и тем самым улизнули от любых обязательств. Не знаю, согласится ли суд с таким положением вещей...

– Мы уверены, что согласится, – сказал Кортни. – Думаю, никто и никогда не рискнет оспаривать наш статус.

– Вы блефуете, – ответил сенатор. – Говорите как юрист. Я же склонен считать, что вы заблуждаетесь, но это не имеет значения ни в нашем, ни в вашем мире. Мне лишь надо выяс-

нить, сколь благосклонно вы отнеслись бы к подобному проекту и какую помощь готовы оказать.

– Ответа мы дать не можем, – произнес Кортни скучнейшим адвокатским тоном. – Сперва надо изучить конкретные предложения. Вы просите предоставить вам обширные периоды времени, тем самым вынуждая нас дать лицензию на их использование третьей стороной.

– Да, понимаю, – согласился Фримор. – И это главный камень преткновения. Быть может, вы рассмотрите предложенную мною программу как вклад в дело национальной важности? Как дар обществу? Само собой разумеется, если запросите ту же плату, которую берете с других, мой план будет обречен, вы срежете его на взлете, ведь он и без того ударит по казне – даже если не считать лицензионных выплат фирме «Время и компания».

– Вы вызываете к нашей совести, – сказал Кортни, – и мы охотно с ней проконсультируемся, но на данном этапе не готовы брать на себя новые обязательства.

– Если решение будет принято, – повернулся ко мне сенатор, – где бы вы рекомендовали разместить этих людей? Прямо здесь? В Мастодонии?

– Только не здесь, – ответила за меня Райла. – Мастодония – наш дом, и мы не намерены ни с кем делиться.

Глава 26

Первая экспедиция прибыла вскоре после полудня: два тяжелых грузовика, три внедорожника и команда из двадцати пяти человек плюс-минус. Снаряжение доставили из Миннеаполиса грузовым бортом в сопровождении нескольких сотрудников «Сафари»; остальные, включая троих клиентов, прилетели на самолете компании, а до Уиллоу-Бенда добрались на автомобилях. У ворот фермы их атаковали газетчики и тележурналисты.

– Пресс-конференция – если ее можно так назвать – задержала нас на целый час и вымотала совершенно, – говорил руководитель экспедиции Перси Эспинуолл. – Но ускорить ход событий я не мог. Пришлось вести себя предельно мило: парням из Нью-Йорка нужна всесторонняя реклама.

– На обратном пути, – сказал я, – сегодняшний прием покажется вам детской шалостью. Особенно если привезете несколько трофеев.

– Рад возможности поговорить с вами, Стил, – признался Эспинуолл. – Предлагаю устроить что-то вроде совещания. Расскажите, чего ожидать на той стороне, ведь вы – один из троих людей, повидавших меловой период.

– Мы провели там чуть больше суток, – объяснил я. – Фауна очень богатая. Эти места кишат невероятной живностью, опровергающей догадки палеонтологов. Вы смотрели фильм Райлы?

– Да. Отличный, но местами страшноватый.

– В таком случае считайте, видели то же, что и мы. Какие у вас винтовки?

– Шестисотки. Примерно такие же, как были у вас.

– И еще... – вспомнил я. – Не ждите, пока клиент пристрелит добычу: если кто-то бежит в вашу сторону и у вас появляется хоть тень сомнения, сразу открывайте огонь на поражение. Что у вас за клиенты?

– Надежные ребята, – сказал Эспинуолл. – Чуть старше, чем хотелось бы, но все как один бывалые стрелки. Прошли Африку, когда там еще была охота. У каждого практический опыт, такие люди не дрогнут и доведут дело до конца. Джонатон Фридли и его жена Джессика. Эта дама завалила самого крупного слона на моей памяти, а Фридли – директор сталелитейной компании. Третий – Хорас Бриджес, президент химического конгломерата. Солидные люди, все трое.

– В таком случае проблем не будет.

– Нет. Если придется помешать охоте, меня поймут.

– Сенатор Фримор просился с вами. Еще не подходил?

– Насел на меня почти сразу, но я отказал. Без вариантов. Только не под мою ответственность. Я бы уважил старика, но не могу рисковать. Сенатору это не понравилось. Начал грубить. Но попутчиков мы не берем. Разве что вас...

– Нет, спасибо, – отказался я, – мне надо встретить остальные экспедиции. К тому же в меловом я уже бывал.

– Так, слышу моторы, – сказал он. – Мне пора. Приятно было пообщаться.

Я протянул ему руку:

– Удачи, Эспинуолл.

Потом стоял и смотрел, как машины одна за другой едут вдоль разметки и исчезают в прошлом. Райла повезла Кортни и недовольного сенатора в Уиллоу-Бенд, а я отправился к диким яблоням искать Чешира. Он примостился на ветке у западного края рощи. Я рассказал, что одной из дорог уже пользуются, а через несколько дней в дело пойдут и остальные. Спросил, приятно ли ему об этом знать, и Чешир ответил, что приятно. Говорить с ним было как-то странно (я задавал вопросы, а он только и делал, что моргал), поэтому через некоторое время я умолк. Просто смотрел на Чешира и чувствовал, что мы подружились, а он глазел на меня в ответ и сдержанно улыбался – как мне казалось, по-приятельски.

Я пытался понять, кто он такой, и по некой причине у меня сложилось впечатление, что его нельзя называть существом в обычном смысле этого слова. У него не было тела, он не состоял из плоти и крови, и в итоге я так и не понял, что он собой представляет.

Зато узнал кое-что новое. До сего момента я считал его пришельцем, непостижимым и чуждым созданием, но теперь воспринимал его как личность, давнего знакомого и, пожалуй, старого друга. Я задумался о пятидесяти тысячах лет, проведенных Чеширом у нас на планете, и попробовал вообразить, как он воспринимает все эти годы, представить, как их воспринял бы я (что невозможно, поскольку люди не живут по пятьдесят тысяч лет), и наконец понял, что мыслю в неверном направлении: нельзя ставить знак равенства между мной и Чеширом, ведь мы – совершенно разные формы жизни. Я вспомнил о его поведении, контактах последних лет, бессмысленной игре в охотника и жертву с Эзрой и Бродягой, о создании тоннелей во времени для Бублика (сколько же раз мой пес побывал в прошлом?), о периодических разговорах с Хирамом (вернее, о попытках завести разговор, ведь Хирам не понимал, о чем говорит Чешир, и не сразу с ним подружился). Но все это длилось лишь несколько лет. Безусловно, Чешира видели и другие люди (те, кому он показывался), видели и боялись его. Интересно, задавался я вопросом, контактировал ли он в прошлые века с индейцами, а еще раньше – с протоиндейскими племенами? Может, кочевники считали его богом или духом?

Мог ли он быть известен мамонту, мастодонту и древнему бизону?

Мне надоело стоять, и я сел подле дерева. Чешир соскользнул ниже и замер перед моим лицом.

Я услышал, как на холм взбирается внедорожник: вернулась Райла. Встал и сказал Чеширу:

– Приду через пару дней, и мы поговорим снова.

Райла привезла новости: на какое-то время Хирам останется в больнице. Несколько днями раньше Бен ездил проведать его в Ланкастер и сказал, что выглядит он неважно, спрашивает о Бублике, обо мне, Райле и Чешире и еще о том, как дела у Стоячего, но больше почти ничего не говорит.

Прибыли еще две экспедиции – и почти сразу отправились в меловой период. Четвертая последовала за ними через пару дней.

Однажды Стоячий забрел к нам в гости. Райла угостила его салатом и морковками из холодильника. Морковки он слопал, а салат лишь попробовал, но есть не стал. Я отвел его в низину, а он всю дорогу косился на меня, похрюкивал и бурчал что-то невнятное.

Потом я снова ходил к Чеширу. В Мастодонии его не обнаружилось. В тот день он обрелся в саду на ферме. Мы почти не разговаривали, поскольку говорить было непросто. По большей части сидели рядом и по-приятельски улыбались друг другу. Чешира, похоже, это вполне устраивало. Как ни странно, меня тоже. От такого общения почему-то становилось приятно на душе. У меня появилось странное чувство, что Чешир пытается со мной заговорить. Не знаю, с чего у меня возникли такие мысли, но я почти не сомневался, что он пробует говорить со мной.

Помню, как в детстве ходил купаться в Форелевом ручье – забавное название, ведь форели в нем отродясь не было. Впрочем, может, во времена первопроходцев, когда в эти места пришел белый человек, здесь и водилась форель. Ручей (а местами просто ручеек) вливался в реку сразу за Уиллоу-Бендом, но было перед их воссоединением что-то вроде заводи.

Мы, малыши, которым родители не разрешали купаться в ручье, барахтались в этом лягушатнике: три фута глубиной, никакого течения, и, чтобы утонуть, надо было очень постараться. Мы с приятелями от души веселились там в дни летней праздности, но ярче всего мне запомнилось, как я, уставший от всеобщей возни «на глубине», ложился на мелком краю заводи, опускал голову на каменистый берег, а тело оставалось едва покрыто водой. Приятно было так лежать. Иной раз я забывал, что у меня вообще есть тело, – оно зависало в воде как бы отдельно от меня. В заводи было полно гольянов, трехдюймовой мелюзги, и, если долго лежать и не шевелиться, они подплывали и начинали покусывать тебя за пальцы ног, даже не покусывать, а скорее целовать крошечными губами. Наверное, находили отмершие чешуйки кожи и корки на мелких порезах, а таких ранок у нас было предостаточно, ибо ходили мы босиком и то и дело обзавожились царапиной-другой, а для гольянов эти чешуйки кожи и пятнышки засохшей крови были лакомой поживой. Как бы то ни было, я лежал в воде и чувствовал, как они толкуются возле ног (в особенности у пальцев), скользят по моей коже и запечатлевают на ней мимолетные поцелуи. Помню тихий смех внутри себя, бурлящее счастье оттого, что я могу быть так близок с гольянами.

Так же было с Чеширом. Я чувствовал, как его мысли толкуются у меня в голове и целуют клеточки моего мозга, в точности как давным-давно гольяны толклись у моих ног. Ощущение было непривычное, но тревоги не вызывало, и меня переполнял счастливый детский смех при мысли о том, что мы с Чеширом настолько сблизились.

Позже я убеждал себя, что мне это примерещилось, но в тот момент отчетливо чувствовал его мысли у себя в голове.

Посидев в саду, я отправился в кабинет Бена. Тот повесил телефонную трубку, взглянул на меня и ухмыльнулся от уха до уха:

– Звонил Кортни. У киношников с побережья есть серьезное предложение. Хотят снять фильм об истории Земли, начиная с докембрия и далее по всем периодам.

– Проект нешуточный, – сказал я. – Они хоть понимают, сколько времени это займет?

– Похоже, да, – ответил Бен. – Прямо-таки вцепились в эту идею. Хотят сделать все как надо и никуда не торопятся.

– А знают ли они, что в начале времен не обойтись без дыхательных аппаратов? До силурийского периода – а это четыреста миллионов лет назад, а то и позже – в атмосфере было маловато кислорода.

– Думаю, знают. Упоминали об этом в разговоре с Кортни. Видать, прилежно готовились.

– Что говорит Кортни? Не сомневается в них? Главный интерес любой кинокомпании – снять дешевый фильм на фоне доисторического периода, а не такое амбициозное полотно.

Проект обойдется в миллиарды долларов, и еще понадобится научная группа – люди, объясняющие зрителю, что творится на экране.

– Насчет стоимости ты не ошибся, – подтвердил Бен. – Кортни говорит, мы отхватим изрядный кусок бюджета.

То была благая весть, и я принял ее с радостью, ведь на тот момент мы заключили только одну сделку – с компанией «Сафари инкорпорейтед».

Четырьмя днями позже, опередив график на несколько суток, вернулась первая группа – экспедиция номер три. Поохотились удачно: полдюжины крупных трицератопсов, три головы тираннозавров, россыпь других трофеев. Предполагалось, что группа проведет в меловом периоде полные две недели, но клиент сказался больным и пожелал вернуться.

– Сдрейфил, – объяснил мне сотрудник «Сафари». – Там ужас что творится. Он стрелял неплохо, но смалодушничал. Что греха таить, я и сам смалодушничал! Глядь, а на тебя прет монстрюга, сплошные зубы да когти, тут у любого сердце в пятки уйдет. Зато теперь хорохорится – еще бы, великий охотник, неустрашимый герой, железные нервы! Осталось только к репортерам выйти. Ну а мы мешать не станем, – усмехнулся он. – Пусть играет свою роль на всю катушку. От этого бизнесу сплошная польза.

Чуть позже Райла и я стояли у дома и смотрели, как охотничья экспедиция спускается с холма и исчезает на пути к Уиллоу-Бенду.

– Ну вот и все, – сказала Райла. – Когда в телевизоре и газетах замелькают фотографии трофеев, не останется никаких сомнений. Все поймут, что путешествия во времени – это новая реальность, и нам не придется ничего доказывать.

На следующее утро, когда мы еще спали, кто-то настойчиво заколотил в дверь. Я вышел (в халате и шлепанцах) и спросил у Герба:

– Какого черта?

Он помахал у меня перед носом миннеаполиской «Трибьюн».

Я выхватил у него газету – и вот она, на первой полосе: фотография охотника рядом с головой тираннозавра, поставленной на попа. Заголовок во всю страницу возвещал о триумфе первой охотничьей экспедиции.

Глава 27

Хирам все еще был в больнице, так что я снова отправился на поиски Чешира и нашел его в саду. Объяснил себе, что не хочу, чтобы ему стало одиноко. Хирам говорил с ним почти ежедневно, а поскольку Хирама тут нет, надо же кому-то навещать инопланетного гостя? Но в глубине моего сознания были гольяны, которые вкрадчиво прикасались к моему мозгу, и я все думал, возобновятся ли эти страшноватые, загадочные, но и многообещающие прикосновения при новой встрече. Быть может, убеждал я себя, так со мной говорит Чешир, хотя в этом случае я отчаянно нуждался в переводчике. Хирам, наверное, чувствовал то же самое, но благодаря особенностям сознания понимал этот язык. Быть может, эти особенности наделили его способностью говорить с Бубликом и дроздом – если Хирам вообще разговаривал с ними.

Обнаружив Чешира, я почти сразу получил ответ на свой вопрос – гольяны вновь затебили мой мозг, и я спросил:

– Чешир, ты пытаешься говорить со мной?

Он моргнул: да, пытаюсь.

– Думаешь, получится?

Он моргнул трижды, очень быстро, и поначалу я не понял, что он имеет в виду, но поразмыслил и пришел к выводу, что новый сигнал означает «не знаю».

– Надеюсь, что получится, – сказал я. – Мне бы хотелось с тобой поговорить.

Он моргнул, намекая, что ему тоже хотелось бы со мной поговорить.

Такой возможности у нас, однако, не было. Мне подумалось, что гольяны ведут себя назойливее обычного, но в целом ничего не изменилось. Какое-то время я пробовал раскрыть сознание для этих рыбешек, но безуспешно. Наверное, решил я, помочь Чеширу не в моих силах и теперь все зависит только от него.

Мне казалось, Чешир не сомневается, что у него есть шанс, иначе и пробовать не стал бы. Но по размышлении я обнаружил в этой гипотезе множество слабых мест.

Когда мозгоцелование прекратилось, я пришел к выводу, что мы несколько не продвинулись в новом способе общения, и сказал Чеширу:

– Вернусь завтра. Попробуем снова.

Райле я ничего не говорил. Боялся, она поднимет меня на смех за простодушие. Но в глубине души я верил, что никакое это не простодушие. Если Чешир способен научить меня своему языку, я только за, – это уж как Бог свят.

Я обещал ему прийти на следующий день, но не сдержал слова. Утром вернулась экспедиция номер два. Охотники добыли одного тираннозавра и нескольких трицератопсов, зато в числе трофеев обнаружили три гадрозавра (все с хохолками) и полакантус, бронированный динозавр с несоразмерно маленькой конусообразной головой и длинными шипами вроде рогов, торчавшими из спины по всей длине туши.

Кого я не ожидал встретить в нашем сегменте мелового периода, так это полакантуса – считалось, что эти динозавры вымерли гораздо раньше, а в Северной Америке и вовсе не водились, – но вот он, во всем своем гротескном уродстве.

Охотники привезли всю тушу целиком. Хотя ее тщательно выскребли, освободив от внутренностей, она уже начинала пованивать.

– Обязательно покажите ее палеонтологам, – посоветовал я охотнику. – Это заставит их на стену лезть.

Довольный клиент ответил мне зубастой ухмылкой. Совсем коротышка. Непонятно, как он сумел поднять ружье. Я попробовал вспомнить, кто он такой; вроде как аристократ откуда-то из Англии, один из немногих ловкачей, сумевших крепко вцепиться в семейное богатство в бурном море британской экономики.

– Что в нем такого особенного? – спросил он. – Их там предостаточно. Я выбрал самого крупного. Как вы, сэр, смотрите на то, чтобы сделать из него чучело? Не великоват ли он?

Я объяснил ему, что такого особенного в полакантусе, и клиент обрадовался возможности утереть нос палеонтологам.

– Некоторые ученые, – сказал мне он, – слишком много о себе думают.

Не успела охота исчезнуть в Уиллоу-Бенде, как вернулась экспедиция номер четыре: квартет тираннозавров, два трицератопса и куча мелких трофеев. Одного грузовика, однако, не хватало, а двое человек лежали на носилках.

– Чертовы рогахи. – Охотник снял шляпу и вытер пот со лба. – Те, что с попугайными клювами. Как вы их называете, трицератопсы? Испугались и поперли на нас, десяток крупных самцов, а то и больше. Ударили в борт грузовика и разбили его в труху. Повезло, что все живы остались. Пока вызволяли ребят из обломков, пришлось отгонять этих тварей; ухлопали их без счета, а они все прибывали и свирепели с каждой секундой. Натерпелись мы страху, доложу я вам. Наверное, надо было вернуться и собрать головы, но когда вырвались оттуда, провели голосование и решили не рисковать.

– Ужас какой, – сказал я.

– Это точно. В новой местности, пока не знаешь, чего ожидать, что-нибудь непременно пойдет не так. Одно я запомнил на всю жизнь: никогда не приближайтесь к стаду трицератопсов. Мощные звери, и характер у них сквернее некуда.

Четвертая экспедиция благополучно вернулась в Уиллоу-Бенд, после чего Райла сказала:

– Волнуюсь за первую. Они запаздывают.

– Всего лишь на день, – успокоил ее я. – Планировалось, что охота продлится две недели, но пара дней задержки не считается.

– У четвертой были неприятности...

– Они допустили ошибку, только и всего. Помнишь, как Бен велел остановиться, когда мы слишком близко подошли к трицератопсам? Объяснил, что есть невидимая черта, которую лучше не переступать. А эти парни переступили ее. В следующий раз будут умнее. – Тут на склоне показался Стоячий, и я сказал: – Надо бы увести его отсюда.

– Только по-хорошему, – попросила Райла. – Он такой милый.

Ушла в дом и вернулась с пучком морковки. Стоячий принялся, грациозно подхватил угощение и прохрюкал нам что-то благодарственное. Через некоторое время я отвел его обратно в низину, после чего предупредил Райлу:

– Не надо его подкармливать, а то не отвяжется.

– Знаешь, Эйза, – сказала она, не обратив внимания на мои слова, – я определилась, где поставить нормальный дом. Чуть ниже яблонево́й рощи. Воду проведем из реки, а склон защитит от северо-западного ветра.

О нормальном доме я слышал впервые, но не стал заострять на этом внимание. В самом деле неплохая мысль. Нельзя же вечно жить в передвижной хибарке.

– Ты уже определилась, какой он будет, этот дом? – спросил я.

– В общих чертах. Планировку еще не придумала. Что-нибудь одноэтажное, приземистое. Стены из булыжника. Да, это старомодно, но такой дом впишется в пейзаж. И еще это дорого, но мы потянем.

– Вода из реки, – сказал я, – а как насчет отопления? Как помнишь, телефон тут не работает, и я почти уверен, что газ мы тоже не проведем.

– Об этом я тоже подумала. Для крепкого дома с хорошей теплоизоляцией сойдет печное отопление. Поставим несколько каминов. Найдем людей, чтобы нарубили и принесли дров. На этих холмах полно деревьев. Главное, валить лес подальше, чтобы не было заметно. Ближние деревья трогать не будем. Нельзя портить такой вид.

За ужином говорили о доме. Чем больше я о нем думал, тем сильнее мне нравилась эта мысль. Хорошо, что Райла подняла эту тему.

– Завтра, пожалуй, сгоняю в Ланкастер и поговорю с подрядчиком, – сказала она. – Бен посоветует, к кому обратиться.

– Репортеры тебе проходу не дадут, – напомнил я. – Герб хочет, чтобы ты оставалась женщиной-загадкой.

– Ничего, справлюсь. Справилась же, когда мы отвозили Хирама в больницу. В худшем случае забьюсь на заднее сиденье и накроюсь одеялом, а Бен меня вывезет. Может, и тебе стоит поехать? Заодно проведем Хирама...

– Нет, – ответил я. – Кому-то надо остаться дома. Я обещал встретиться с Чеширом, но некогда было. Завтра пойду его искать.

– Зачем? – спросила Райла.

– Ему нужен друг, – сказал я.

Следующим утром Чешир ждал меня, но не в старом саду, а на ветке дикой яблони в Мастодонии. Я опустился на корточки и сказал ему полушутя:

– Ну, давай продолжим.

Он поймал меня на слове. В сознании закопошились рыбешки, попробовали его на вкус, присосались к нему, но теперь они были мельче и их стало больше – маленьких, крошечных гольянчиков, – и я чувствовал, как они ввинчиваются все глубже в мозг и скользят по его извилинам.

На меня сошла сонная апатия, я попытался ее отогнать, но меня утягивало в мягкий серый сумрак, и я чувствовал себя насекомым, угодившим в тончайшую паучью сеть.

Попробовал сорвать эту паутину, подняться на ноги, но со странным спокойствием понял, что не знаю, где я. Более того, и знать не хочу. Это стало мне неинтересно. Я смутно помнил, что нахожусь в Мастодонии, что рядом Чешир, что Райла уехала в Ланкастер обсуждать с подрядчиком дом из булыжника, что нам понадобятся люди, которые заготовят дрова на зиму, но все это был фон, не связанный с происходящим, и я понимал, что этот фон не имеет для меня никакого значения.

Потом я увидел город, если это был город. Казалось, я стою на макушке высокого холма под сенью пышного дерева, погода хорошая, теплая, а небо голубое-голубое. Никогда не видел столь голубого неба.

Передо мной простирался город. Я посмотрел направо, налево и везде видел этот же город, он окружал меня и тянулся во всех направлениях до самого горизонта. Холм одиноко высился посреди города, приятный глазу холм, чьи склоны поросли темно-зеленой травой и прекрасными цветами, трепетавшими на легком ветру, а на самой макушке холма росло пышное дерево, под сенью которого был я.

Я понятия не имел, как оказался там; даже не думал, как я туда попал, потому что было вполне естественно, что я находился именно там, и еще я должен был узнать это место, но, Богом клянусь, я его не узнавал. Впервые увидев этот город, я задумался, а город ли это, но теперь точно знал, что это город, и еще я знал, что это больше чем город, что он имеет огромное значение, а какое именно, я попросту забыл, но вспомню с минуты на минуту.

Это не было похоже ни на один город, который я когда-либо видел. В нем были парки, эспланады и широченные улицы, и все это выглядело очень красиво, хотя вполне обычно, но здания... Они были совсем не такими, какими можно было бы ожидать их увидеть. Отсутствовала масса, у зданий почти не было формы – они были какие-то паутинные, кружевные, дымчатые, туманные, иллюзорные, но я вгляделся в них и понял, что не такие уж они иллюзорные, ведь если хорошенько присмотреться, то увидишь то, чего не видел раньше, когда окидывал их первым взглядом, увидишь их во всей полноте, а не в первоначальной разрозненности, увидишь не только фасад, но и самую суть этих сооружений. Что-то тревожило меня, и со временем я понял, что мне не дает покоя планировка этого города: здешние дома не стояли массивными прямоугольниками под диктатом межквартальных улиц, как это принято на Земле. Тогда-то я и понял, что это не земной город, и удивился, хотя не знаю, чему тут было удивляться, ведь я с самого начала знал, что это не земной город, а город Чешира.

– Это штаб, – сказал Чешир. – Штаб-квартира галактики. Если не показать, ты не понял бы.

– Спасибо, – поблагодарил я, – теперь и правда все понятно.

Я совсем не удивился его словам. Был в том состоянии, когда ничему уже не удивляешься.

Тут я понял, что мягкогубые гольяны уже не тычутся в мой мозг. По всей очевидности, они закончили работу, собрали все, что нужно было собрать, – хлопья мертвой кожи, комочки запекшейся крови – и уплыли восвояси.

– Здесь ты родился? – спросил я.

– Нет, – ответил Чешир, – начался я не здесь. Я начался на другой планете, очень далеко отсюда. Когда-нибудь покажу, если у тебя будет время посмотреть.

– Но ты был здесь, – сказал я.

– Пришел добровольцем, – подтвердил он. – Вернее, меня призвали добровольцем.

– Призвали? Как это – призвали? Кто тебя призвал? Какой же ты доброволец, если тебя призвали?

Я силился понять, действительно ли мы с Чеширом говорим словами, и мне казалось, что нет, словами мы не говорим, хотя разницы я не видел, ведь мы понимали друг друга не хуже, чем понимают друг друга все остальные.

– У вас есть концепция бога, – сказал Чешир. – В истории человечества люди поклонялись многим богам.

– Концепцию я понимаю, – ответил я, – но не уверен, что поклоняюсь кому-то из богов. Не в том смысле, в котором другие люди поклоняются своим богам.

– Я тоже, – сказал Чешир, – но если бы ты видел тех, кто призвал меня, и не только меня, но и многих других, ты пришел бы к выводу, что они боги. Многие считают их богами, хотя на самом деле это не так: они лишь форма жизни, биологическая или иная – точнее сказать не могу, – получившая интеллектуальную фору и в течение миллионов лет избегавшая – по везению или трезвому расчету – катастрофических событий, ведущих к низвержению и закату интеллекта. Когда-то эта форма жизни была биологической, – в этом я уверен. Но не знаю, кто они сейчас, ведь за многие миллионы они могли изменить себя...

– Значит, ты их видел? Встречался с ними?

– С ними нельзя встретиться. Они не снисходят до общения с другими существами. Презирают нас или даже боятся – в свое время я, недостойный, думал именно так и был, наверное, одинок в этой мысли, ибо никто другой не заговаривал со мной на эту тему. Но однажды я видел бога, или мне показалось, что я его видел, хоть и смутно. Чтобы впечатлить добровольцев, они позволяют взглянуть на себя – но лишь мельком, сквозь некое подобие вуали, – или являют нам свою тень, и я не знаю, что именно мне показали.

– То есть ты не был впечатлен?

– В тот момент, наверное, был. Не помню. Столько времени прошло... По вашей нумерологии, наверное, миллион лет. Но я часто думал об этом и склоняюсь к выводу, что если и был впечатлен, то напрасно.

– Это их город? Город богов?

– Можно и так сказать, если хочешь. Они спланировали этот город, хотя не строили его. На самом деле это не город, а планета, покрытая зданиями и другими конструкциями. Если такое укладывается в определение города, пусть будет город.

– Ты назвал его штаб-квартирой галактики.

– Верно. Одной из штаб-квартир. Возможно, есть другие, о которых мы не знаем. Другие боги, о которых мы не знаем. Быть может, другие галактические альянсы функционируют в точности как этот город, но обходятся без центрального штаба, – я думал об этом, и такой вариант видится мне правдоподобным. Функционируют без этих формальностей, но по другому, гораздо более эффективному плану.

– Другой штаб – это лишь догадки? Ты о нем не знаешь?

– Галактика велика. Я не могу знать.

– Эти существа, эти боги... Они захватывают и эксплуатируют другие планеты?

– Эксплуатируют? Смысл я улавливаю, но само понятие туманно. Ты хочешь сказать, владеют ими? Пользуются?

– Да.

– Нет, дело не в этом, – сказал Чешир. – Дело в информации. В знаниях.

– То есть в сборе знаний?

– Да, так. Ты очень сообразительный. Они отправляют корабли со множеством исследовательских групп: одну сбрасывают здесь, другую там и так далее. Позже новый корабль забирает исследователей, всех по очереди. До нас высадили четыре группы. Я был в последней, пятой.

– И ваш корабль разбился?

– Да. Не понимаю, как это произошло. Каждый из нас – специалист. Знает свое ремесло, и только. Существа, управлявшие кораблем, тоже были специалистами. Они должны были все знать, должны были предвидеть. Корабль не мог разбиться.

– Ты сказал Хираму – или Райле? – в общем, сказал, что не знаешь местоположения своей планеты. Теперь я понимаю почему. Это не твоя специальность. Об этом знал только пилот – или пилоты.

– Моя специальность – путешествовать во времени. Фиксировать прошлое планеты.

– То есть вы наблюдали за планетами не только в настоящем, но и в прошлом? Изучали их эволюцию?

– Это необходимо. Настоящее – часть истории. Важно знать, как оно возникло.

– При крушении корабля остальные погибли. Но ты...

– Мне повезло, – сказал Чешир.

– Оказавшись здесь, ты не стал изучать прошлое. Вместо этого остался в Уиллоу-Бенде. Вернее, на том месте, где позже появился Уиллоу-Бенд.

– Я совершил несколько экскурсов, но мои наблюдения бесполезны. Моя специальность – открывать дороги для других. Кроме того, я знал, что за нами прибудет другой корабль. Его экипажу неизвестно о крушении, и нас надеются найти на этом месте. Я сказал себе: если прибудет другой корабль, я должен его встретить. Мне нельзя уходить. Если отправлюсь в прошлое, меня никто не хватится. Экипаж корабля найдет свидетельства крушения, предположит, что все мы погибли, и не станет меня ждать. Меня не заберут. Говоря твоим языком, не спасут. Я знал, что надо оставаться на месте крушения, чтобы меня нашли.

– Но ты открыл дороги для Бублика. И для всех нас.

– Сам я не могу ими пользоваться, но почему бы не помочь другим? Моим друзьям?

– Ты считаешь нас друзьями?

– Сперва моим другом стал Бублик, – ответил он, – а потом все остальные.

– Но теперь ты волнуешься, что за тобой не прилетят.

– Долго, – сказал Чешир. – Слишком долго. Но все же могут прилететь. Таких, как я, не бросают. Нас не много, и наша ценность высока.

– Еще надеешься?

– Надежда умирает последней.

– Так вот почему ты проводишь столько времени на ферме, в яблоневом саду? Чтобы быть там, когда за тобой прилетят?

– Да, поэтому, – сказал Чешир.

– Ты счастлив здесь?

– Что такое «счастлив»? Наверное, да, я счастлив.

Что такое «счастлив»? Притворяется, что не знает, но все он знает. Однажды он был счастлив, волновался, благоговел – в день призыва в галактическую штаб-квартиру, когда он присоединился к элитному отряду, легенде в тех уголках звездной системы, что относятся к великой конфедерации.

Не задавая вопросов, не спрашивая, как такое может быть, я гулял с ним по фантастическому городу, разинувший рот пентюх с захолустной планеты, удивляясь не тому, что я вижу, но самому факту, что я гуляю по этому городу. А потом отправился с Чеширом на другие планеты, но видел их лишь мельком, ненадолго погружаясь в прошлое, видел чудеса, от которых екало сердце, бегло взглядывал на беды, от которых душа утопала в печали, глодал тайны, как пес гложет древнюю кость, лихорадочно впитывал особенности наук и культур, выходящих за пределы моего разумения.

Потом все исчезло, и я снова был в роще диких яблонь, лицом к лицу с Чеширом, изумленный до глубин своего существа и потерявший счет времени.

– А Хирам? – спросил я. – Хирам тоже?..

– Нет, – сказал Чешир. – Хирам не понял.

Ну да, конечно. Хирам не сумел бы понять. Помню, он жаловался, что в его разговорах с Чеширом много непонятного.

- Никто не понял, – добавил Чешир. – Никто, кроме тебя.
- Но и мне это сложно, – ответил я. – И я понимаю далеко не все.
- Ты понимаешь больше, чем тебе кажется.
- Я вернусь, – пообещал я, – и мы поговорим снова.

Поднялся на холм, но дома никого не оказалось. Может, пока я беседовал с Чеширом, вернулась последняя экспедиция? Я не думал об этом, когда уходил, – знал, что непременно услышу гул автомобильных моторов, – но на время разговора с Чеширом отключился от внешнего мира. Поэтому спустился ко входу на дорогу номер один, но следов не увидел. Значит, экспедиция запаздывает уже на два дня. Если не вернутся завтра, сказал себе я, нам с Беном надо будет съездить и разобраться, что к чему. Не то чтобы я волновался (Перси Эспинуолл произвел на меня впечатление человека весьма компетентного), но чувствовал себя неудобно.

Вернулся, сел на ступеньки. Из-под дома выбрался Бублик, залез на крыльцо и прижался ко мне, почти как в старые времена, до приезда Райлы и всей этой катавасии с путешествиями во времени.

От нашего с Чеширом разговора я сперва оторопел, но теперь пришел в себя и задумался. Во время беседы казалось, что все это в порядке вещей, ничего удивительного, именно этого и следовало ожидать; теперь же, прокручивая в голове недавние события, я чувствовал, как по спине бегут ледяные паучьи лапки, и, хотя в точности знал, что случилось, во мне вздыбилась волна отрицания – извечная человеческая привычка говорить, что ничего не было, пока не убедишь себя, что и в самом деле ничего не было.

Несмотря на рефлекторное отрицание, я, черт возьми, прекрасно знал, что случилось, и сидел на ступеньках, пытаясь уложить все в голове, но не успел, поскольку на холм взобрался внедорожник: за рулем Райла, рядом с ней Хирам.

Не успела машина остановиться, как Хирам выскочил из нее и побежал к Бублику. Мне ни слова не сказал; сомневаюсь даже, что он заметил меня. Бублик спрыгнул со ступенек, Хирам упал на колени, заключил пса в объятия, и тот, поскуливая от счастья, облизал ему лицо.

Райла бросилась ко мне, повисла у меня на шее, и нас стало четверо: Хирам обнимался с Бубликом, а Райла со мной.

– Хорошо ведь, что он вернулся? – спросила она. – В больнице сказали, что готовы его выписать, но ему нельзя перенапрягаться, пока не наберется сил. Он очень ослаб. Так что никакой работы, а еще...

– Ничего страшного, – сказал я. – Не припомню, чтобы наш Хирам мешки ворочал.

– ...а еще ежедневный моцион, – продолжила Райла. – Лучше всего прогулки плюс высокобелковая диета и какое-то лекарство. Хираму оно не нравится. Говорит, на вкус таблетки очень противные, но обещал принимать, если его выпишут. Эйза, ты бы видел наш будущий дом! Чертежей пока нет, но могу набросать эскиз. Полностью из булыжника, каминны почти в каждой комнате, и очень много стекла: целые стены из термостекла, чтобы можно было разглядывать этот мир, будто мы не в доме, а снаружи, во дворе. Еще патио с жаровней, тоже каменной, под стать дому, и каменный дымоход, и бассейн, если тебе, конечно, захочется бассейн. Мне, наверное, захочется. Наполним его речной водой, она ужасно холодная, но подрядчик сказал, что за пару дней прогреется на солнышке, а еще...

Я смотрел, как Хирам с Бубликом идут вниз по склону. Окликнул их, но они то ли не слышали, то ли не обратили внимания на мой зов, поэтому я припустил вдогонку.

Поймал Хирама за плечо и развернул к себе:

– Куда это ты собрался? Райла сказала, тебе нельзя перенапрягаться.

– Мистер Стил, – рассудительно ответил Хирам, – мне надо провести Стоячего, а то он не знает, что я вернулся.

– Не сегодня, – сказал я. – Может, завтра. Возьмем машину и попробуем его отыскать.

И я, невзирая на протесты Хирама, препроводил их с Бубликом обратно к дому.

- Ну а ты чем занимался? – спросила Райла.
- Разговаривал с Чеширом.
- И что, у вас были темы для разговора? – весело рассмеялась она.
- Предостаточно, – кивнул я.

Тут она снова заговорила про дом, да так увлеченно, что я слова вставить не мог, и говорила, пока мы не легли спать. Я впервые видел Райлу такой взволнованной и счастливой.

Решил, что утром расскажу ей про Чешира, но не тут-то было. Разбудил меня Бен: коло-тил в дверь и кричал, что пора вставать.

Я, заспанный и неодетый, кое-как приплелся на крыльцо:

- Что за проклятье? Подождать нельзя, что ли?

– Людям из «Сафари» шлея под хвост попала, – объяснил Бен. – Нервничают. Хотят, чтобы мы сгоняли в меловой период и выяснили, куда подевались Эспинуолл и его шайка.

Глава 28

Кроме запоздавшей экспедиции, у Бена хватало и других забот.

– Власти никак не могут решить, относится ли Мастодония к Соединенным Штатам, – сообщил он, когда мы собирались в путь.

– Если решат, что относится, подадим на них в суд, – сказал я, – и наши аргументы будут не хуже, чем их.

– Знаю, – согласился Бен, – но, если дело дойдет до суда, хорошего мало. Не нравится мне все это, Эйза. Совсем не нравится.

Мне тоже все это не нравилось, но в тот момент я не особо убивался по этому поводу.

Райла твердо вознамерилась ехать с нами, и я потратил немало времени, убеждая ее, что кому-то надо остаться в Мастодонии. Она страшно разозлилась и все приговаривала, что у нее есть полное право делать что вздумается.

– Это не обсуждается, – отрезал я. – Однажды ты уже рискнула жизнью, хватит с тебя. В тот раз у нас не было выбора, мы пошли ва-банк, но сегодня все иначе. Жди здесь. Скоро вернемся.

Во время нашей перепалки Хирам удрал к Стоячему. Райла хотела, чтобы я нашел его и привел домой, но я сказал, что ну его к чертовой матери, поскольку если я его найду, то пристрелю, да и дело с концом.

Короче, мы с Беном выехали в довольно скверном настроении, а погода в меловом периоде не добавила нам радости: бушевала гроза, в душном воздухе клубились исходившие от земли испарения, жгучий ветер хлестал по машине, по небу метались громадные рваные тучи, то и дело проливаясь пятиминутным кипящим дождем. Из-за этих взрывных ливней трава оклизла, но Бену не впервой было гонять по грязи, и его джип неплохо держал дорогу.

Из-за дрянной погоды фауна присмирела. Звери, должно быть, попрятались по кущам. Некоторых мы вспугнули, и они (включая мелкого тираннозавра) спаслись бегством. Пришлось объехать стадо трицератопсов: они стояли, повесив голову, и не утруждали себя поеданием травы в ожидании нормальной погоды.

Следовать за экспедицией было проще простого: тяжелые грузовики проложили в почве глубокую колею. Местами отпечатки колес смыло недавним дождем, но найти их снова не составляло труда.

Проехав миль пять по прибрежной низине, мы обнаружили первую стоянку. Судя по обилию пепла в кострищах и множеству автомобильных следов, охотники пробыли здесь несколько дней. Осмотревшись, мы увидели колею, ведущую к западу, на ту сторону холма и в прерию.

Миль через двадцать местность круто спускалась к низине реки Ракурн, а след, по которому мы шли, змеей уползал за горбатый холм. Мы объехали его и увидели лагерь. Бен затормозил. Какое-то время мы молча сидели в машине. Палатки трепетали на ветру, почти все они были раскурочены. Один грузовик лежал на боку, другой в канаве – глубокой рытвине, характерной для мелового периода, – под острым углом, уткнувшись капотом в стенку размыва.

Никакого движения, если не считать разорванных тентов. Никакого дыма: костры давно прогорели. По всему лагерю в беспорядке валялись какие-то белые предметы.

– Спаси и сохрани, – прошептал Бен, отпустил педаль тормоза, джип покатился под горку и въехал в замусоренный лагерь: кухонная утварь вокруг мертвых костров, втоптанная в землю брезент, брошенные винтовки и повсюду кости, человеческие кости, добела обглоданные падалящиками.

Бен остановил машину, и я вышел, держа на сгибе локтя тяжелое ружье. Довольно долго стоял, озираясь и не мог осмыслить всю бесчеловечность этого зрелища: мозг упрямо отказывался воспринимать увиденное и редактировал картинку так, чтобы она уложилась в голове. Я слышал, как хлопнула дверца машины Бена, как заскрипели его ботинки, как он встал рядом и надсадно заговорил, стараясь, чтобы не дрогнул голос:

– Думаю, это случилось неделю назад, если не больше. Может, через день после того, как они разбили лагерь. Глянь на кости. Совершенно чистые, а для такого требуется время.

Я хотел ответить, но не смог. Как оказалось, я крепко стиснул зубы, чтоб не застучали.

– Никто не спасся, – сказал Бен. – Как вышло, что никто не спасся?

– Может, кто-то сбежал в холмы, – выдавил я.

– Если так, побрел бы домой по следам грузовиков, и мы нашли бы его по дороге. У одиночки, тем более раненого, не было шансов. Если не сожрали в первый день, сожрали бы во второй. Ну а в третий – тем более.

С этими словами Бен направился в лагерь, а я пошел следом.

– Эйза! – Он замер, уставившись в землю. – Ты только глянь на этот след.

Его размыло дождем. В оставленных когтями вмятинах стояла вода. След был огромный. Из-за неровных контуров он казался крупнее, чем на самом деле, но я прикинул, что в ширину он как минимум два фута. Позади и чуть левее был еще один похожий отпечаток.

– Это не тирекс, – заявил Бен. – Зверь покрупнее тирекса. Мы и представить себе не можем, какой он крупный. Глянь, вон еще следы.

Теперь мы видели, что чудовище истоптало весь лагерь.

– Трехпалый, – сказал Бен. – То есть ящер. Пожалуй, двуногий.

– Судя по следам, тут орудовала целая стая, – добавил я. – Одному – да и двоим – столько не натоптать. Помнишь тираннозавров? Мы решили, что они охотятся парами. А до этого думали, что тирексы добывают пищу поодиночке. Может, на самом деле они охотятся стаями – прочесывают местность, как волки, и хватают все, что попадется. Стая добудет больше еды, чем одинокий охотник или даже пара.

– Если так, – заключил Бен, – если они и правда охотятся стаями, у Эспинуолла и остальных не было надежды на спасение.

Мы обошли лагерь, отводя глаза от наиболее жутких подробностей. Как ни странно, внедорожники (за исключением одного перевернутого) остались на своих местах. В полутьме пасмурного дня тускло поблескивали стреляные гильзы. Тут и там лежали брошенные винтовки, и повсюду виднелись отпечатки громадных лап с тремя когтями.

В холмах, спускавшихся к речной низине, замогильно стонал ветер. Небо, затянутое рваными тучами, бурлило адским варевом. Вдали грохнул гром. Из рожицы мне усмехнулся череп с остатками волос и клочком бороды, приставшим к нижней челюсти. Сдержав рвотный позыв, я понял, что с меня хватит, и повернул к джипу, но меня окликнул Бен. Когда я оглянулся, он стоял на краю глубокой промоины, шедшей по южному краю лагеря, и кричал:

– Эйза, сюда!

Нетвердо ступая, я подошел к нему и увидел в яме грудку исполинских костей с редкими лоскутами чешуйчатой шкуры, зияющую грудную клетку, вытянутую лапу со скрюченными когтями и череп с отвисшей нижней челюстью, словно готовый схватить добычу.

– Видишь лапу? – показал Бен. – Это передняя. Хорошо развитая, сильная. Не такая, как у тирекса.

– Аллозавр, – сказал я. – Вне всяких сомнений, это аллозавр, вымахавший до гигантских размеров. Просто мы не находили таких окаменелостей.

– Ну что ж... По крайней мере, парни уколошили хотя бы одну такую тварь.

– Может, и не одну. Если поискать...

– Нет, – сказал Бен. – Я уже насмотрелся. Поехали отсюда.

Глава 29

Бен говорил с Кортни, а Райла и я слушали их по параллельному телефону. Все мы были относительно трезвы.

– Плохие новости, Корт, – начал Бен, когда Кортни взял трубку. – Как помните, первая экспедиция задержалась.

– Да, на пару дней или около того. Не вижу причин для беспокойства. Наверное, охота пошла лучше, чем ожидалось, или их занесло дальше, чем надо. Может, сломалась машина.

– Мы тоже так думали, – сказал Бен, – но сегодня утром мне позвонили из «Сафари». Занервничали и попросили проверить, все ли в порядке. Мы с Эйзой съездили к месту охоты. Кстати, он и Райла тоже на проводе.

– Ну и как? Все нормально? – В голосе Кортни мелькнула тревожная нотка.

– Напротив, – ответил Бен, – экспедиция погибла. Все мертвы.

– Мертвы? Все?

– Выживших мы не нашли. Тел не считали, да их там и нет, одни кости остались. В общем, кошмар. Мы посмотрели-посмотрели да и уехали.

– Но как это – мертвы? Почему...

– Кортни, – сказал я, – на них напала стая карнозавров.

– Не знал, что карнозавры охотятся стаями.

– Я тоже. И никто не знал. Но два-три ящера не оставили бы столько следов.

– Следов?

– И не только. Мы нашли скелет огромного карнозавра. Скорее всего, аллозавра, причем гораздо крупнее тирекса.

– Как вы сказали? Кости? Одни кости остались?

– Корт, это произошло довольно давно, – объяснил Бен. – В самом начале охоты. У падальщиков было достаточно времени, чтобы потрудиться над телами.

– Мы хотим знать, – добавила Райла, – как все это выглядит с юридической точки зрения и что нам делать дальше.

– С юридической точки зрения, – сказал Кортни после долгого молчания, – мы ни в чем не виноваты. Компания «Сафари» подписала отказ от претензий, и это касается каждой экспедиции. В контракте четко и ясно сказано, что мы ни за что не отвечаем. Если вопрос в том, могут ли нас засудить, – нет, не могут. Для этого нет оснований.

– Что насчет клиентов?

– То же самое. Вся ответственность лежит только на «Сафари». Думаю, клиенты тоже подписали отказ от претензий. Это стандартная процедура. Волноваться следует лишь за деловой имидж «Сафари». Не растеряют ли они клиентов, когда все всплывет? Каков будет удар по общественному мнению? Не вылезет ли какой-нибудь идиот с требованиями запретить охоту

на динозавров? Кстати, не забывайте, что «Сафари» выплатила лишь половину суммы. Следующий транш через полгода, и его могут задержать или вообще не заплатить вторую половину.

– Все зависит от того, – сказал Бен, – как они отреагируют на новости.

– Эти люди – расчетливые бизнесмены, – напомнил Кортни. – Да, случилась трагедия, но такое бывает. В шахтах гибнут шахтеры, но это не повод остановить добычу угля. Но если охотники отменят бронь, а приток новых клиентов иссякнет, в «Сафари», конечно, напрягутся.

– Кто-то отыграет назад, – согласился Бен, – но далеко не все. Я знаю охотничью породу. Новости лишь добавляют азарта: мол, там водится кто-то большой и опасный и пора его пристрелить. О таком трофее мечтает любой охотник.

– Хочется верить, что вы правы, – сказал Кортни, – потому что сделка с «Сафари» у нас первая и пока единственная. Ни черта не понимаю: мы рассчитывали, что к нам очередь будет стоять, но пока что никто не торопится. С другой стороны, мы волновались насчет налоговой, а эти парни тоже как воды в рот набрали.

– Может, просчитывают стратегию нападения? – предположил Бен.

– Может быть, – сказал Кортни.

– Что с киношниками? – спросила Райла. – Их-то погибшая экспедиция не отпугнет?

– Думаю, нет, – ответил Кортни. – Другие периоды менее опасны, чем меловой. Я прав, Эйза?

– В юрском тоже неприятно, – сообщил я. – Эти два периода самые худшие, но в каждой неизведанной земле есть свои опасности, так что зевать не стоит.

– Главное, переговорить с «Сафари», – сказал Бен. – Могу им позвонить. Но решил сперва обсудить все с вами, а потом уже что-то предпринимать.

– Давайте лучше я позвоню, Бен. Я знаю их лучше, чем вы все. За исключением, пожалуй, Райлы. Что скажешь, Райла?

– Звони, – сказала Райла. – Такие новости лучше доносить через юриста.

– А если они захотят связаться с вами? Будете на месте?

– Я буду, – ответил Бен.

Глава 30

Ближе к вечеру Бену позвонили из «Сафари». Сказали, что пришлют на место эвакуационную группу, чтобы забрать останки.

Мы с Райлой вернулись в Мастодонию. По пути почти не разговаривали. Настроение у обоих было паршивое.

На ступеньках крыльца нас ждали Хирам и Бублик. Хирама распирало от новостей: он нашел Стоячего, а потом выследил Чешира и всласть наговорился с обоими. И мастодонт, и пришелец были рады видеть его, а Хирам рассказал им, каково это – лежать в больнице. Что касается Бублика, тот нашел сурка, загнал его в нору и попробовал выкопать. Хирам сделал ему выговор, и Бублику стало стыдно. На обед была яичница, но, пожурил нас Хирам, Бублик ее не жалуется, и надо оставлять ему холодное жаркое.

После ужина мы с Райлой уселись в патио, а Бублик с Хирамом так вымотались, что ушли спать.

– Волнуюсь я, Эйза, – призналась Райла. – Нам перевели только половину средств, положенных по контракту, и деньги скоро закончатся. Мы выплатили Бену комиссионные от сделки, хотя он не имел к ней никакого отношения.

– Он заработал эти деньги, – заметил я. – Да, со сделкой он не связан, но пахал как проклятый.

– Я не жалуясь. Только не подумай, что во мне алчность говорит, но если сложить все траты... Ограда – целое состояние, офис – тоже недешево, охранникам мы платим несколько

сот в день. Нет, деньги пока есть, но быстро съедаются. Если «Сафари» выйдет из игры, а киношники надумают обождать, у нас будут проблемы.

– Никуда оно не денется, твое «Сафари», – сказал я. – Разве что притормозит, пока не уляжется волна. Но Бен прав. Чем опаснее ситуация, тем сильнее охотничий азарт. Насчет киношников не знаю, но у этих ребят сплошные доллары в глазах, так что они своего не упустят.

– И еще Кортни, – продолжила Райла. – Его услуги – дорогое удовольствие. Одному Богу известно, какой счет он нам выставит.

– Не беги впереди паровоза, – посоветовал я. – Все образуется.

– Ты, наверное, думаешь, что я жадная?

– Жадная? Ну, не знаю. Ты деловая женщина, не первый год в бизнесе...

– Дело не в бизнесе, – сказала она. – И не в жадности. Дело в благополучии, в чувстве безопасности. Женщине это надо сильнее, чем мужчине. Как правило, женщины обретают это чувство в семье, но семьи у меня нет, поэтому я нашла спокойствие в деньгах. Хочешь безопасности? Заработай побольше денег. Вот почему я так ухватилась за путешествия во времени, ведь перед нами открывались грандиозные возможности...

– Разве они куда-то делись, эти возможности?

– Теперь к ним добавилась головная боль, а основание у нас весьма шаткое: Чешир да Хирам. Если кто-то из них подведет...

– Ну, без Хирама мы уже справились.

– Ну да, наверное. Но было непросто.

– Дальше будет проще, – объявил я. – Уже пару дней как хочу рассказать, но случая не выдалось: разговоры про новый дом, возвращение Хирама, беда с экспедицией... Короче, теперь я умею говорить с Чеширом.

– Как это – говорить? – изумилась Райла. – По-настоящему? Как Хирам?

– И даже лучше.

Тут я ввел ее в курс дела, а она смотрела на меня с легким недоверием и наконец сказала:

– Жутковато. Я бы испугалась.

– А я настолько обалдел, что было не до страха.

– Как думаешь, почему он говорит с тобой?

– Из-за нехватки общения.

– Нехватки? А как же Хирам?

– Не забывай, его тут не было, причем довольно долго. Вряд ли Чешир осознал, что с ним случилось. К тому же Хирам – неважный собеседник, он почти ничего не понял бы, ведь мы с Чеширом обсуждаем не самые простые темы. Есть в нем что-то человеческое...

– Человеческое?

– Да, он пришелец, инопланетянин, но я, как ни странно, вижу в нем человеческие черты. Может, он скрывает от меня инопланетную сущность своей натуры и подчеркивает, так сказать, гуманоидное начало...

– Если так, – сказала Райла, – он очень умен и опыта ему не занимать.

– Если живешь миллион лет, по-любому наберешься опыта.

– Однажды он сказал, что бессмертен, помнишь?

– Об этом мы не говорили. О себе он мало что рассказывает.

– Как вижу, он тебе симпатичен, – сказала Райла.

– Так и есть. Только подумай: я общаюсь с внеземным разумом! Громкий заголовок, сенсационная статья, горячая новость для любой газеты – и не без причины, ведь тему контактов с инопланетянами муссируют уже много лет. Одни ли мы во Вселенной? Что, если человек встретит пришельца? Каков он будет, этот первый контакт? Но на деле – никакой сенсации. Обычный разговор двух приятелей.

– Странный ты парень, Эйза, – сказала Райла. – И всегда был странным. Наверное, за это я тебя и люблю. Держись своих принципов, и плевать тебе на чужое мнение.

– Спасибо, дорогая моя Райла, – ответил я и задумался о Чешире.

Представил, как он сидит в сгущающихся сумерках, то ли в дикой роще, то ли на ферме, в старом яблонево́м саду, и вдруг понял, что знаю о нем гораздо больше, чем он рассказывал. Знаю, к примеру, что он – не биологическое существо, а какая-то странная комбинация электронно-молекулярной жизни, недоступная моему пониманию. Будь на моем месте инженер-электронщик, он бы сообразил, что представляет собой Чешир... да и то не факт. Еще я знал, что для Чешира время не является частью пространственно-временного континуума, кле́ем, скрепляющим Вселенную; для него время – независимый фактор, объяснимый через сложные уравнения, коих я никогда не пойму (потому что вообще не понимаю уравнений); время для него – лишь фактор, которым можно управлять, если разобрался с этими уравнениями. И еще я знал, что он, бессмертный, верит в жизнь после смерти, верит и надеется на нее, что крайне странно, ведь у бессмертных нет потребности в такой надежде, а в вере – тем более.

Почему же я так много знаю о нем? Чешир определенно не рассказывал о себе... хотя, быть может, рассказывал, ведь надо признать, что во время нашей с ним беседы я соображал хуже обычного.

Райла встала:

– Пойдем спать, и пусть завтра будет хороший день.

Но завтрашний день оказался ни хорошим, ни плохим. Обычный день без особых происшествий.

Вскоре после завтрака Хирам позвал Бублика, и оба куда-то делись, а позже мы с Райлой уехали в Уиллоу-Бенд, даже не попытавшись найти их и загнать домой. Нельзя же все время с ними нянчиться. Да, в больнице Хираму велели не перенапрягаться, но я не знал, как его утихомирить, разве что связать по рукам и ногам.

Бену сообщили, что завтра придут люди из «Сафари», но не сказали, когда ждать новую охоту и ждать ли ее вообще.

В газетах трубили о несчастье в меловом периоде. В статьях говорилось, что официальные представители «Сафари инкорпорейтед» почти сразу раскрыли информацию об инциденте – во всех ужасающих подробностях, – но подчеркнули, что в прошлом охота унесла немало человеческих жизней. С одной лишь разницей: в меловом периоде погибла целая экспедиция. Райла осталась в офисе, чтобы обсудить все с Беном и Гербом, ну а я по-быстрому смотал удочки и отправился в сад искать Чешира, где и нашел его.

О случившемся рассказывать не стал. Подумал, что такие новости ему неинтересны. К тому же у нас хватало тем для разговоров, за которыми мы провели следующие два часа. Вернее, это были не столько разговоры, сколько демонстрация. Как в прошлый раз, я будто стал частью Чешира, и он одолжил мне свои глаза, чтобы я мог видеть галактическую штаб-квартиру и работавших в ней специалистов: насекомоподобные историки изучали не события, но эволюционные тенденции и рассматривали историю как точную науку, а не сомнительную вереницу дат; шарообразные социологи корпели над выявлением расовых характеристик и исторических трендов, приводящих к появлению разумных существ; змеевидные футурологи не предсказывали, а скорее экстраполировали будущее цивилизаций, пытаясь заранее выявить потенциальные точки кризиса.

Кроме того, Чешир показывал, как он оперирует уравнениями и управляет определенными силами для создания тоннелей во времени. Я не понял ни того ни другого. Задал множество вопросов, но все они были настолько неуместны, что Чешир запутался, а когда стал отвечать, я запутался еще сильнее, чем он.

Наконец я подумал, что меня уже хватились, распрощался с Чеширом и вернулся в административный корпус, где Райла, Бен и Герб оживленно спорили и, наверное, даже не заметили моего отсутствия.

На следующий день ранним утром прибыла группа из «Сафари». Мы с Беном проводили их в меловой период, и на сей раз Райла отправилась с нами.

Неприятная работа. Я в ней не участвовал, лишь стоял в сторонке и смотрел, как работают другие, собирают человеческие кости в пластиковые мешки и пытаются угадать, где чей скелет (что было непросто, поскольку кости растащили по всей стоянке, и я не был уверен, что догадки соответствуют действительности). На некоторых фрагментах сохранились идентификационные браслеты или цепочки, но большинство мешков остались безымянными.

В отдельный грузовик поместили скелет гигантского аллозавра (если это был аллозавр): на него пожелал взглянуть какой-то гарвардский палеонтолог.

Через пару-тройку часов лагерь очистили от костей, ружей, патронов, палаток и прочих следов человека. Скажу откровенно: я рад был вернуться в Мастодонию.

Прошло десять дней, но гибель экспедиции по-прежнему вызывала повышенный интерес. Против «Сафари» подали пару исков. В конгрессе заявили, что путешествия во времени должны регулироваться государством. Министерство юстиции созвало пресс-конференцию, где объяснило, что такие меры трудноосуществимы, поскольку фирма «Время и компания» находится за пределами Соединенных Штатов, хотя подчеркнуло, что статус Мастодонии в рамках международного права остается весьма расплывчатым. Число газетчиков и телерепортеров у ворот фермы в Уиллоу-Бенде заметно уменьшилось.

Пару раз к нам забредал Стоячий, но мы откупались от него морковкой, после чего прогоняли обратно к реке, невзирая на гневные протесты Хирама. Бублик подрался с барсуком, и тот хорошенько его отделал. Два дня Хирам просидел у подстилки раненого, пока укусы и царапины не стали затягиваться. Толпа туристов поредела, но Бен продолжал неплохо зарабатывать на мотеле и парковке.

Райла сгоняла в Ланкастер (пряталась на заднем сиденье машины Бена, пока они не выехали из Уиллоу-Бенда), где поговорила с подрядчиком. Домой вернулась с комплектом предварительных чертежей. Несколько вечеров подряд мы раскладывали их на кухонном столе и обсуждали, что изменить, а что оставить как есть.

– Очень дорого, – жаловалась Райла, – вдвое дороже, чем я думала, но даже в самом худшем случае нам хватит денег на стройку, и ты не представляешь, Эйза, как сильно я хочу этот дом, как хочу жить в Мастодонии в таком прекрасном доме!

– Я тоже хочу, – сказал я. – И приятно знать, что этот дом не облагается налогом.

Несколько раз я говорил с Чеширом. Узнав о наших беседах, Хирам разобиделся, будто его щелкнули по носу, но через пару дней пришел в себя.

Бен принес приятную новость: Кортни звонил сказать, что киношники вернулись к переговорам. Компания «Сафари» объявила, что через неделю (максимум дней через десять) пришлет новые охотничьи экспедиции.

А потом все рассыпалось.

Кортни позвонил Бену и сказал, что летит в Ланкастер и его надо встретить на аэродроме.

– Причину узнаете на месте.

Об этом нам сообщил Герб, заглянув в Мастодонию, и когда Бен привез Кортни в Уиллоу-Бенд, мы уже сидели у него в кабинете.

Бен достал бутылку и бумажные стаканчики.

– Хорошая мысль, – кивнул Кортни. – Не мешало бы выпить для храбрости, потому что теперь у нас реальные проблемы.

Мы уселись, и он начал:

– Подробностей пока не знаю, но надо выработать стратегию. Вас поместили в карантин. Сегодня утром Госдепартамент издал запрет на посещение Мастодонии гражданами США.

– Но разве так можно? – изумилась Райла.

– Я не готов ответить на этот вопрос, – сказал Кортни. – Госдепу, наверное, можно, но факт в том, что это уже сделано. Без оглашения причин. Думаю, Госдеп не обязан оглашать причины. Если уж на то пошло, он может устроить такое в любой точке мира: просто указать пальцем на какую-нибудь страну и заявить, что гражданам США туда нельзя.

– Но зачем? – спросил Бен.

– Не знаю. Может, из-за бойни в меловом периоде: мол, из Мастодонии открываются врата в миры, небезопасные для путешественников. Шум стоит на весь свет, страна разрывается на части, а конгресс долго ждал, прежде чем поднять этот вопрос. Появляются мощные группы влияния. Самая непримиримая полемика, которую когда-либо разжигали – или пытались разжечь – в Вашингтоне. Очевидный выход – нанести удар по Мастодонии. Если запретить путешествия во времени, вопрос перейдет в теоретическую плоскость.

– Это значит, что «Сафари» не сможет пользоваться нашими дорогами, – сказал Бен. – Что ими вообще никто не сможет пользоваться. По всей вероятности, киношники включают заднюю, и мы вылетим из бизнеса.

– На нынешний момент дело обстоит именно так, – подтвердил Кортни. – Можно запросить временный судебный запрет: тогда продолжим работу, пока суд не рассмотрит обстоятельства дела. Затем временный запрет станет постоянным – то есть мы навсегда останемся в бизнесе – или его отменят, приказ Госдепа останется в силе, и у нас не окажется клиентов.

– Еще можно переехать в другую страну, – предложила Райла.

– Как вариант, – согласился Кортни, – но придется вести переговоры с правительством этой страны, а они займут существенное время. Не удивлюсь, если с нас потребуют ощутимые денежные суммы.

– Взятки? – спросил Бен.

– Думаю, обойдутся без этого слова. После решения Госдепа нас вряд ли встретят с распростертыми объятиями. Сперва надо найти подходящее государство. Предупреждаю, оно будет не самым развитым. Скорее всего, там правит какой-нибудь диктатор. После переезда может стать, что с тамошними чиновниками не так-то просто будет найти общий язык. С другой стороны, в приказе Госдепа есть и положительный момент: Мастодонию автоматически признали отдельной страной. То есть у налоговой теперь связаны руки.

– Когда вы запросите судебный запрет? Скоро? – спросил Бен.

– Немедленно, – ответил Кортни. – Попробую уговорить «Сафари» и киношников, чтобы поддержали нас: к примеру, заявили о неправомерном ограничении свободной торговли. Пожалуй, можно выкатить массу других претензий, но тут мне надо подумать.

– Как вижу, всем нам предстоит затянуть пояса и как-то перекантоваться, – сказал Бен. – Вы уверены, что сумеете добиться судебного запрета?

– Честно говоря, не знаю. Обычно это плевое дело, но сейчас мы бодаемся с Госдепартаментом. Нельзя исключать, что появятся проблемы. – Кортни помолчал. – Может, рановато об этом говорить, но почему бы и нет. Допускаю, что есть еще одна лазейка. Не уверен. Могу ошибаться. В общем, ко мне заходили из ЦРУ, намекали на сотрудничество и патриотический долг. Разговор был неофициальный, так что я не связан документами о неразглашении – хотя на вашем месте держал бы язык за зубами. Насколько я понял, церэушники хотят забросить в прошлое своих людей, чтобы разрулить какие-то щекотливые ситуации. Напрямую об этом не упоминалось, но с чего еще ЦРУ интересоваться путешествиями во времени? Я, конечно, прикинулся дурачком, но вряд ли сумел их провести.

– То есть, если пустить их в прошлое, Госдепартамент ослабит гайки, – подытожил Бен, – и этот карантин – лишь рычаг давления.

– Не уверен и не могу быть уверен, – возразил Кортни. – Да, мне послали сигнал, но недостаточно отчетливый. Дай я понять, что мы готовы сотрудничать с ЦРУ, Госдеп тоже влез бы в наши дела, причем в полный рост.

– Ну, попытка не пытка, – заметил Бен. – Какая нам разница, кто и с какой целью путешествует во времени?

– Огромная, – сказала Райла.

– Почему это? – спросил Бен.

– Пусти правительство на порог, и оно подомнет под себя весь бизнес, – объяснила Райла.

– Согласен, – кивнул Кортни. – Как бы то ни было, советую придержать сделку с ЦРУ для будущего рассмотрения. На крайний случай в качестве спасательного круга.

– Ну хорошо, – сказал Бен, – спорить не стану.

– Поймите, я не знаю, как ЦРУ вписывается в общую картину. Могу лишь догадываться. – Кортни встал. – Бен, не подбросите до аэродрома? Дел невпроворот.

Мы с Райлой отправились в Мастодонию, где с ходу увидели, что дом наш лежит на боку, рядом переминается Стоячий, а чуть поодаль исступленно лает Бублик. Хирам лупцевал Стоячего палкой, но старый мастодонт не обращал на него внимания.

– Проклятая морковь! – Я вдавил педаль газа в пол. – Это за ней он приперся. Говорил же, нельзя его прикармливать!

Подъехав ближе, я увидел, что Стоячий не просто требовал угощения, но уже добрался до него: разворотил кухонный угол, каким-то образом открыл холодильник и невозмутимо хрустел морковками.

Я затормозил, мы выскочили из машины, я метнулся было вперед, но Райла схватила меня за руку:

– Ты куда? Если хочешь прогнать его...

– Прогнать?! – взревел я. – Ни черта подобного! Я хочу взять ружье и пристрелить этого сукина сына, что и надо было сделать, причем давным-давно!

– Не вздумай! – остановила меня Райла. – Пристрелить такого симпатягу? Ни за что!

Хирам тем временем дубасил Стоячего, выкрикивая единственное слово: «Плохой, плохой, плохой!» – но мастодонт не интересовался ничем, кроме моркови.

– К тому же как ты достанешь винтовку? – спросила Райла.

– Как-нибудь достану, если подобраться к дому и открыть дверь. Стойка у самого входа.

Хирам не умолкал, палка гуляла по шкуре Стоячего, а тот лениво помахивал хвостом. Судя по довольному виду, он был в восторге от происходящего, и я понял, что уже не злюсь на него, – сперва усмехнулся, потом расхохотался, а Хирам все голосил и колошматил невозмутимого мастодонта, и Сальвадор Дали остался бы в восторге от этой картины.

Райла заплакала. Отпустив мою руку, она стояла совершенно прямо, как солдат в почетном карауле, и содрогалась от рыданий. По щекам ее катились слезы, и я понял: еще немного – и у нее будет истерика. Поэтому обнял ее и увел назад к машине.

– Эйза, – всхлипывала она, – это просто ужас. Ну что сегодня за день такой, все наперекосяк...

Я усадил ее в машину, после чего вернулся за Хирамом. Схватил его за руку, отобрал палку и приказал:

– Хорош ругаться. Толку-то от твоих криков.

Хирам обернулся и удивленно заморгал. Наверное, не ожидал меня увидеть.

– Но, мистер Стил, я ему кричал-кричал, чтоб он не хулиганил, а он все равно нахулиганил!

– Ступай в машину, – велел я, и он послушно побрел вниз по склону.

– Пойдем, – сказал я Бублику; тот сообразил, что можно уже не охранять хозяйский дом, перестал лаять и радостно потрусил следом за мной. – В машину, – сказал я, и он запрыгнул на заднее сиденье, где устроился рядом с Хирамом.

– Что же теперь делать? – растерялась Райла. – Что тут можно сделать?

– Вернуться на ферму, – объяснил я, – и пожить там какое-то время.

– Эйза, я влюбилась в Мастодонию, – призналась она позже вечером. – Хочу, чтобы там был наш дом.

– Будет тебе дом, – пообещал я. – Большой и крепкий, чтобы никакой мастодонт не разломал.

– И еще, Эйза, я так хочу разбогатеть...

Тут я ничего обещать не стал, и Райла плакала в моих объятиях, пока не уснула.

Глава 31

Бен и Герб вернулись с нами в Мастодонию. Вооружившись полиспастом, мы поставили дом на место, а потом угробили почти весь день на его починку. Когда закончили, в нем снова можно было жить. Даже холодильник работал, хотя Стоячий изрядно над ним потрудился.

На следующее утро (вопреки протестам Хирама и Райлы) мы взяли два внедорожника и отправились на поиски Стоячего. Нашли его в низине и отогнали подальше от дома. Мастодонту это не понравилось, и пару раз он грозил перейти в атаку, но мы постреливали в него из ружей, заряженных безобидным дунстом, Стоячий при этом недовольно ворчал и охал на каждом шагу.

Отшуганув его миль на двадцать, мы поехали к дому.

Несколькими днями позже Стоячий вернулся в прежние уголья, но с тех пор не беспокоил нас, хотя предположу, что ему нередко снилась морковь. Хираму я строго-настрого приказал не подходить к нему; в кои-то веки он послушал меня и сделал, как было велено.

Мы не получали известий от Кортни уже несколько дней. Когда он наконец связался с нами, мы с Беном беседовали в кабинете. Бен указал на параллельный телефон: мол, возьми трубку.

Кортни сказал, что «Сафари» и киношники поддержали прошение о временном судебном запрете, но из-за множества неоднозначных аргументов с обеих сторон процедура займет больше времени, чем ожидалось. Одно из высказываний в поддержку Госдепа особенно возмутило Кортни: дескать, путешествия во времени представляют угрозу для здоровья людей. По словам Кортни, он был бы готов согласиться с тем, что путешествие в относительно недавние исторические времена может представлять такую опасность, но чиновники настаивали на том, что и миллионы лет тому назад существовали вирусы и бактерии, способные адаптироваться к человеческому организму и вызвать эпидемии, которые могут стать пандемией.

Что касается ЦРУ, новых вводных не поступало.

– Нельзя исключать, что их осадил Госдеп, – сказал Кортни.

Тем временем сенатор Фримор сообщил, что внесет в обе палаты конгресса билль об эмиграции обездоленных (или любых желающих) в доисторические времена. По словам Кортни, он интересовался, какой период будет наиболее благоприятным.

– С нами на линии Эйза, – сказал Бен. – Вопрос к нему.

– Какие будут соображения, Эйза? – спросил Кортни.

– Миоцен, – сказал я.

– Почему не Мастодония? По-моему, идеальное место.

– Временной промежутки маловат, – объяснил я. – Прежде чем создавать популяцию в прошлом, надо обеспечить достаточный запас времени, чтобы иммигранты не повлияли на развитие человечества.

– Но Мастодония находится в довольно глубоком прошлом, разве нет?

– Нет. Чуть больше ста пятидесяти тысяч лет назад, а этого мало. Можно вернуться на триста тысяч лет, и все равно окажетесь в сангамонском периоде, и это недостаточно далеко. В то время на планете уже появились люди – первобытные, но тем не менее. Нельзя допустить, чтобы наши современники столкнулись с ними.

– А как же вы и Райла?

– Нас лишь двое, и мы не собираемся пускать в этот период кого-то еще. Разве что транзитом. К тому же первые люди появятся в Америке не раньше чем через сто тысяч лет.

– Понял. Этот ваш миоцен – он далеко?

– Двадцать пять миллионов лет назад.

– Считаете, этого достаточно?

– Что-то хотя бы отдаленно напоминающее человека появится на планете не раньше чем через двадцать миллионов лет. А через двадцать миллионов лет от сего момента – то есть при первом потенциальном контакте иммигрантов с местными – на Земле уже не останется людей, если считать по нашей временной шкале.

– То есть к тому времени человечество вымрет?

– Или переселится куда-то еще.

– Пожалуй, вы правы, – сказал Кортни. Помолчал и спросил: – Эйза, но почему именно миоцен? Почему не чуть раньше? Или чуть позже?

– Там уже есть трава, похожая на нашу, значит можно будет разводить домашний скот. Кроме того, трава делает возможным существование стад диких животных. Для поселенцев было бы важно иметь стада дичи; в первое время они обеспечивали бы их продовольствием. К тому же в миоцене неплохой климат.

– Почему?

– Завершился долгий сезон дождей. Стало суше, но влаги все равно хватит для сельскохозяйственных культур. Бескрайние леса, что покрывали почти весь материк, начали отступать под натиском пастбищ. Поселенцам не придется вырубать деревья под пахотную землю, но дров и пиломатериалов все равно будет предостаточно. В миоцене нет по-настоящему опасных хищников. По крайней мере, мы о таких не знаем. Это не меловой период с его динозаврами. Да, там водятся титанотерии, динохиусы, протослоны, но это не проблема, если под рукой есть крупнокалиберная винтовка.

– Звучит заманчиво. Расскажу обо всем сенатору. И еще...

– Да?

– Эйза, как вам эта мысль? Насчет переселения в прошлое?

– Ничего не выйдет, – сказал я. – Мало кто рискнет на такую авантюру. Эти люди – не первопроходцы и не захотят ими стать.

– То есть предпочтут остаться здесь и прозябать на пособие? Ведь других вариантов нет. Они угодили в ловушку бедности, а из нее так просто не выберешься.

– Думаю, большинство предпочтет остаться, – сказал я. – Здесь они хотя бы знают, чего ждать, а в прошлом нет никакой определенности.

– Боюсь, вы правы, – согласился Кортни. – План Фримора еще не приняли, но я надеялся, что он сыграет нам на руку, если суд откажет во временном запрете.

– Я бы на это не рассчитывал, – сказал я.

После этого Кортни какое-то время говорил с Беном – по большей части ни о чем, – а я выслушивал их напутствия и думал о том, как быстро меркнут радужные представления о будущем. Пару недель назад казалось, что нас не остановить: контракт с «Сафари», сделка с киностудией... Мы не сомневались, что бизнес пойдет в гору. Но теперь, если Кортни не совладеет с Госдепартаментом, мы останемся у разбитого корыта.

Лично меня это не особо тревожило. Нет, я вовсе не против того, чтобы пополнить ряды миллионеров, но деньги и успех в бизнесе для меня не главное. Однако для Райлы дела обстояли иначе, и хотя Бен отмалчивался, я понимал, насколько важен для него финансовый вопрос, и еще я понимал, что мое разочарование – лишь отзвук эмоций Бена и Райлы, чьи потери были куда болезненнее моих.

Наконец я вышел из кабинета, прогулялся к яблоневому саду, отыскал Чешира, и мы завели разговор. В основном говорил не я, а он. В тот раз он показал мне родную планету, кардинально отличавшуюся от галактической штаб-квартиры: скудное население, отсталая экономика, почва бедновата для земледелия, природных ресурсов раз-два и обчелся, крупных городов нет, жители едва сводят концы с концами, и все отличаются от Чешира – они существа определенно биологические, хотя было в них что-то призрачное, будто они балансируют на пороге нематериального мира.

Должно быть, Чешир почувствовал мое удивление, ибо сказал мне:

– Я был, как вы это называете, белая ворона. Уродец. Возможно, мутант. Не похож на остальных. Я изменился, и все устыдились меня и слегка испугались, и мое начало не было счастливым.

Не детство, не отрочество... Начало.

Я обмозговал его слова и спросил:

– Ты не думал, что тебя призвали именно из-за этой непохожести? Что, если в штаб-квартире нужны существа вроде тебя – те, кто способен измениться?

– Уверен, что так и есть, – подтвердил Чешир.

– Ты говоришь, что бессмертен. А твои сородичи? Они тоже бессмертны?

– Нет. Это одно из моих отличий.

– Скажи, почему ты уверен в своей бессмертии?

– Просто знаю, и все, – ответил Чешир. – Это внутреннее знание.

И его достаточно, подумал я. Если это внутреннее знание, Чешир, наверное, прав.

Я расстался с ним в смятении, нараставшем после каждого нашего разговора. Какое-то время казалось, что по некой странной причине я знаю Чешира лучше, чем любое другое существо, и в то же время я чувствовал в нем непостижимые глубины, и еще меня сбивало с толку алогичное ощущение, что мы давние друзья, ведь я говорил с ним – по-настоящему говорил с ним – не больше десяти раз, но мы, казалось, были знакомы с самого детства. Я знал о нем такое, чего мы никогда не обсуждали, – может, потому, что наши сознания не раз сливались воедино, когда Чешир вбирал мой разум и на какое-то время окутывал его своим, чтобы я мог осознать то, чего нельзя облечь в слова? Может, в моменты такого единения я впитал частицу его личности и оказался посвящен в мысли и стремления, коих он не планировал раскрывать?

К тому времени в Уиллоу-Бенде почти не осталось ни газетчиков, ни тележурналистов. Иногда их не было вовсе, а временами кто-то заезжал к нам на день-другой. Мы по-прежнему мелькали в новостях, но бывшая магия развеялась, и наша история иссякла, а вместе с ней иссяк поток туристов: да, на парковке Бена стояло несколько машин, но несравнимо меньше, чем пару недель назад, а в мотеле появились свободные номера – чем дальше, тем больше, и я понимал, что, если ситуация не изменится, Бен неминуемо потеряет кучу денег.

Мы все же платили охранникам, а по вечерам включали прожекторы, но это выглядело довольно глупо, ведь мы стерегли то, что уже не надо было стеречь. И охранники, и ночной свет обходились нам недешево, и мы не раз обсуждали, не пора ли отказаться и от того и от другого, но не спешили делать этого – в первую очередь чтобы не признать поражения, ведь пока что мы не были готовы сдаться.

В конгрессе бушевали дебаты по вопросу эмиграции: одни утверждали, что неимущих бросят на произвол судьбы, другие заявляли, что беднота получит шанс начать все с нуля в девственном мире, не подверженном стрессам мира сегодняшнего. Экономическая сторона

вопросов вызвала бурю эмоций: стоимость переселения в новый мир сопоставлялась с ежегодной суммой пособий для малоимущих. То и дело подавали голос сами получатели пособий, но их реплики тонули в фоновом шуме. В воскресных номерах газет публиковали пространные статьи, а по телеканалам крутили спецвыпуски новостей, в которых объяснялось (с иллюстрациями), каково жить в миоцене. Капитолий пикетировали противоборствующие группировки, а в Уиллоу-Бенде объявились сектанты с плакатами и речами о долгожданном отказе от цивилизации и бегстве в миоцен, а если не в миоцен, то в любое место, где можно укрыться от вопиющей несправедливости и неравенства, присущих нынешней системе. Сектанты маршировали вдоль ограды, а лагерь разбили на парковке Бена. Как-то раз Герб вышел к ним на разговор.

Надолго они не задержались, ведь тут не было ни репортеров, которым можно давать интервью, ни фотокорреспондентов, перед которыми можно позировать, ни насмешливых толп, ни докучливых полицейских. Поэтому сектанты ушли.

Обе палаты конгресса приняли билль об эмиграции, несмотря на вето, наложенное президентом.

На следующий день суд вынес решение не в нашу пользу. Прощение о временном запрете отклонили, приказ Госдепартамента остался в силе, а мы потеряли бизнес.

Глава 32

Днем позже вспыхнули массовые беспорядки. Словно по команде (нельзя исключать, что действительно по команде) вскипели трущобы – в Вашингтоне, Нью-Йорке, Балтиморе, Чикаго, Миннеаполисе, Сент-Луисе, на Западном побережье... Короче говоря, повсюду. Толпы людей вышли на улицы, но теперь, в отличие от событий 1968 года, полыхали не гетто, а ухоженные деловые районы. Разбитые вдребезги зеркальные витрины модных бутиков, грабежи и поджоги, перестрелки бунтовщиков с полицией и (реже) с нацгвардией; по улицам разбросаны плакаты с надписями «Мы требуем миоцен!», «Свободу неимущим!», «Дайте нам новый шанс!», вымокшие под дождем, а иногда и запятнанные кровью.

Все это продолжалось пять дней. Счет убитых с обеих сторон перескочил за тысячи. Деловая жизнь остановилась. Затем, к вечеру пятого дня, правоохранители и разъяренные смутьяны отпрянули друг от друга, насилие пошло на убыль и начались переговоры – робкие, не быстрые, переговоры на ощупь.

Уиллоу-Бенд оказался практически отрезан от внешнего мира. Почти все внутриконтинентальные телефонные линии прекратили работу. Телеканалы продолжали вещание, хотя в некоторых случаях их тоже глушили. Однажды до нас дозвонился Кортни (сказал, что рассматривает возможность оспорить решение суда, хотя сперва надо изучить кое-какие моменты), но после этого перестал выходить на связь.

Каждый вечер (а иногда и днем) мы собирались в кабинете у Бена и смотрели телевизор. В любое время суток, когда поступали новые сведения о беспорядках, телеканалы давали соответствующую врезку; в сущности, все каналы превратились в новостные, и новости ввергали нас в оцепенение. В 1968 году все, бывало, задавались вопросом, устоит ли республика; теперь же мы были уверены, что не устоит. Лично я (подозреваю, что и остальные тоже) изводился от чувства вины, хотя мы не затрагивали эту тему. В голове пульсировала единственная мысль: все это происходит из-за нас.

Зато мы говорили о собственной слепоте, самодовольстве, наивной вере в то, что эмиграционный билль – лишь пустой политический жест и неимущие не ринутся в неведомые земли. Я грешил на собственную халатность: ведь именно я первым высказал мысль, что затея с переселением лишена всякого смысла. Гнев бунтарей, однако, продемонстрировал, что в трущобах приветствуют «закон о втором шансе», но трудно было судить, чем спровоцировано это

насилие: то ли стремлением в новый мир, то ли застарелой горечью и подавленной злобой, на которых ловко сыграли организаторы и лидеры протеста.

Поползли слухи, что в Уиллоу-Бенд направляется армия повстанцев из городов-побратимов, желавшая, по всей видимости, взять под контроль путешествия во времени. Шериф второпях бросил клич добровольцам, призывая заблокировать шествие, но, как оказалось, никакого шествия не было; всего лишь один из многих слухов, что время от времени просачивались в СМИ. До сих пор не понимаю, почему эти бузотеры не захватили ферму: с их точки зрения, это был бы логичный ход (ведь мятежники, наверное, представляли себе некую машину времени, которую можно присвоить физически, после чего разобраться, как она работает), хотя он не привел бы к желаемым результатам. Но время показало, что об этом никто не подумал. Вероятно, лидеры бунта сосредоточили внимание на кровопролитной конфронтации, дабы поставить федеральную власть на колени.

Прошло пять дней, и на почерневшие города сошло относительное спокойствие. Начались переговоры, но имена участников не разглашались, и для средств массовой информации тишина оставалась непроницаемой. Мы пробовали дозвониться до Кортни, но междугородние линии по-прежнему не работали.

Затем однажды вечером Кортни вошел в ворота фермы:

– Из Ланкастера звонить не стал. Быстрее было поймать такси и приехать. – Усталый, растрепанный, он схватил предложенный Беном стаканчик и рухнул в кресло. – Господи, надеюсь, такого никогда не повторится. Трое суток без продыху, что днем, что ночью.

– Были на переговорах? – спросил Бен.

– Вот именно. Похоже, мы достигли консенсуса. В жизни не видел таких упертых мерзавцев – с обеих сторон, что правительственной, что протестующей. Снова и снова приходилось объяснять, что фирма «Время и компания» играет по-крупному, что нам надо защитить свои интересы и что без нас никто не попадет ни в какое прошлое. – Кортни проглотил содержимое бумажного стаканчика и протянул его Бену за добавкой. – Но мы вышли на результат. Документы уже почти готовы. При создавшемся положении, если никто из этих сволочей не передумает, мы откроем бесплатную дорогу в миоцен. Я вынужден был пойти на эту уступку. По словам правительства, переселение обойдется так дорого, что любая выплата фирме «Время и компания» похоронит весь проект. Я, конечно, не поверил, но возразить не мог. Стоило отказаться, и мы уперлись бы в тупик; по-моему, правительство выискивало причину выйти из переговоров. Короче, нам надо обеспечить дорогу для переселенцев, только и всего. Говорим: «Вот, пожалуйста», а остальное уже не наша забота. Взамен Госдепартамент навсегда отзывает запрет на путешествия во времени, а правительство отказывается от любых попыток регулировать деятельность нашей фирмы на государственном, федеральном или ином уровне. Более того – и это едва не поставило крест на переговорах, – Мастодонию признают независимым государством.

Я глянул в другой конец комнаты, на Райлу. Она улыбалась – впервые за много дней, и я понял, о чем она думает – о том, что мы все же построим дом в Мастодонии.

– По-моему, весьма неплохо, – сказал Бен. – Вы славно поработали, Корт. А насчет денег... даже будь все иначе, сомневаюсь, что правительство стало бы нам платить.

Открылась дверь, и вошел Хирам. Все обернулись. Он прошаркал к столу и объявил:

– Мистер Стил, Чешир просит вас прийти. Увидеться хочет. Говорит, это важно.

Я встал.

– Я с тобой, – сказала Райла.

– Спасибо, не надо, – отказался я. – Лучше я сам. Думаю, ничего серьезного. Скоро вернусь.

Но внутри весь похолодел, понимая, что все не так просто. До этого Чешир никогда не звал меня к себе.

- Он вон там, где курятник, – показал Хирам, когда мы вышли во двор.
- Побудь здесь, – велел я. – Схожу один.

Приблизился к курятнику, свернул за угол – и вот он, Чешир, сидит на яблоне. Я тут же почувствовал, как он нащупывает мое сознание, а когда он это делал, мы словно оказывались в укромном месте, где были только он и я, а остального мира не было.

- Рад, что ты пришел, – сказал он. – Я отбываю и хотел сказать...
- Отбываешь? – вскричал я. – Чешир, куда ты собрался? Только не сейчас!

– Это не в моей власти, – сказал он. – Я снова меняюсь. Помнишь, я рассказывал, как изменился на родной планете после моего начала...

- Как это – меняешься? – не понял я. – В каком смысле меняешься? Зачем тебе меняться?
- Повторяю, это не в моей власти и происходит самопроизвольно, без моего участия.
- Ну а сам ты хочешь меняться?
- Пожалуй. Еще не думал об этом. Но я счастлив, потому что возвращаюсь домой.
- Домой? На родную планету?

– Нет. В галактическую штаб-квартиру. Теперь мне известно, что там мой дом. Знаешь, о чем я думаю, Эйза?

- Нет. – Я похолодел сильнее прежнего, обмяк, ослаб и лишился всякой надежды.

– По-моему, я превращаюсь в бога. Когда вернусь, стану одним из них. Думаю, так они и появились – эволюционировали из других форм жизни. Быть может, только из моей. Быть может, из остальных тоже. Не знаю. Но чувствую, что однажды узнаю. Мое ученичество подошло к концу. Я вырос.

Вдруг я очутился в пустоте, в пустой черной бездне, и на душе заскребли кошки, ведь пустота окутала меня не потому, что Чешир больше не откроет для нас дорог во времени, но из-за того, что я расстанусь с ним и больше никогда его не увижу.

– Эйза, – сказал Чешир, – я возвращаюсь домой. Прежде я не знал пути, но теперь знаю и возвращаюсь домой.

Я молчал. Затерявшись в пустоте, я утратил дар речи.

– Друг мой, – продолжил он, – пожелай мне удачи, чтобы я унес твое пожелание с собой. Мне это необходимо.

Я собрался с силами и произнес нужные слова, отрывая их от сердца, будто комки окровавленной плоти; мне хотелось их произнести, я должен был произнести их, но боль была почти невыносимой.

- Желаю тебе удачи, Чешир. От всей души желаю тебе удачи. Я буду по тебе скучать.

Но его уже не было. Я не видел, как он ушел, но знал, что его уже нет. Из ниоткуда налетел порыв зябкого ветра, пустота из черной сделалась серой, а потом растаяла, а я остался в саду – стоял за углом курятника и глазел на осиротевшую яблоню.

Смеркалось. С минуты на минуту сработает автоматика, вспыхнут прожекторы, и ферма превратится в ослепительный кошмар, оберегаемый патрулями по эту сторону ограды. Но к счастью, на несколько минут я канул в сумерки – и, Бог свидетель, я в этом нуждался.

Затем щелкнуло реле, зажегся свет, и я зашагал к административному корпусу, с прямой спиной и на негнущихся ногах, словно заводная игрушка. Боялся, что споткнусь, но не споткнулся. Хирама не было видно, а Бублик, по всей вероятности, гонял сурков, хотя для сурков было уже поздно: как правило, они уходят в норы сразу после заката.

Я вошел в кабинет. Все умолкло и уставилось на меня.

- Ну? – спросила Райла.

– Он ушел, – ответил я.

Бен вскочил. Сидел, а потом – раз! – и стоит.

- Ушел?! Куда?!

– Отправился домой, – сказал я. – Хотел попрощаться. Только этого и хотел – попрощаться.

– Ты что, не мог ему помешать?

– Ему нельзя помешать, Бен. Его нельзя остановить. Он вырос. Повзрослел. Его ученичество...

– Минутку, – перебил меня Кортни, пытаясь сохранять спокойствие. – Он же вернется?

– Нет, не вернется, – ответил я. – Он изменился. Стал другим существом...

– Проклятье какое-то! – Бен грохнул кулаком по столу. – А у нас что осталось? Я скажу, что у нас осталось! Ни черта у нас не осталось!

– Погодите, – осадил его Кортни. – Не надо торопиться с выводами. Да, все плохо, но не смертельно. Не исключаю, что мы выкрутимся.

– Вы о чем вообще? – осведомился Бен. – Говорите нормальным языком, без этих адвокатских штучек!

– У нас по-прежнему есть контракт с «Сафари», – объяснил Кортни, – а это два миллиона баксов в год.

– Ну а миоцен? Что с миоценом?

– С миоценом ничего, Бен. Зато у нас есть Мастодония.

– Только не Мастодония! – возопила Райла. – В Мастодонию я никого не пушу, иначе ее загадят, а она наша, моя и Эйзы, и только наша!

– Чешира больше нет. То есть никто не откроет новых дорог, – безжалостно объяснил Кортни. – Придется отдать поселенцам Мастодонию, или потеряем все подчистую. – Он повернулся ко мне. – Уверены, что он исчез навсегда?

– Уверен.

– И новых дорог не будет?

– Нет. – Я помотал головой. – Новых дорог не будет.

– Точно?

– Абсолютно, – подтвердил я. – Зачем мне врать? Думаете, это шутка? Нет, это не шутка. И еще: в Мастодонии не должно быть никаких переселенцев. На днях я говорил про недостаточный временной разрыв. Во времена Мастодонии уже существует человек, в Испании люди охотятся на мастодонтов, а во Франции обрабатывают кремень.

– Ты что, спятил?! – возмутился Бен. – Хочешь потерять то небольшое, что у нас есть?

– Да! – крикнул я. – Лучше уж все потерять! К черту ваши два миллиона в год! К черту правительство! К черту мятежников!

– А нас? – вкрадчиво спросил Кортни. – Нас тоже к черту?

– Да, – ответил я, – и вас к черту. Отправьте этот сброд в Мастодонию – и уничтожьте все, что у нас есть. Все, что есть у человечества.

– Ты же знаешь, что он прав, Кортни, – еле слышно произнесла Райла. – Мы оба по-своему правы – и я, и Эйза. Мастодония принадлежит нам двоим, и больше никому. Сейчас она чистая, незапятнанная, непорочная, и мы не допустим, чтобы ее затоптали и замусорили. Кроме того...

Дальше я слушать не стал. Развернулся и побрел к двери, потом по коридору, толком не понимая, куда иду, потом во двор, потом к воротам, где сказал охраннику «пропустите» и тот пропустил меня.

Сумерки сгустились: вот-вот наступит ночь. Я видел лишь темные силуэты деревьев вдоль дороги, ведущей в Уиллоу-Бенд. На обширной парковке Бена было пусто, и я направился к ней. Сам не знал, куда иду, да и плевать мне было, куда идти.

Просто идти куда-то, да и все.

Что бы мы с Райлой ни делали, что бы ни говорили, нам не победить: на нас будут давить все сильнее, и в итоге у фирмы «Время и компания» не останется вариантов, кроме как впу-

стить эти орды в Мастодонию. Что неприятнее всего, давить на нас будут не только чужие люди, но и Кортни с Беном.

Я дошел до середины парковки, а потом развернулся, и вот она, ограда, сетчатое марево в лучах прожекторов. До тех пор я видел ее снаружи лишь однажды, когда приехал из Европы, но в тот день мне хватило других впечатлений – толпы людей, битком набитая стоянка, лотки с хот-догами, продавцы воздушных шариков – и ограду я, считай, не заметил.

Теперь же я разглядел эту конструкцию во всей ее нелепости, во всей ее чужеродности, разглядел хорошенько и вспомнил, как все было, когда здесь не было ограды, и на меня обрушилось одиночество заблудшего человека, у которого нет больше дома – не только фермы, но и Мастодонии, потому что я знал, что Мастодонии не станет, это лишь вопрос времени, и не вырастет на холме каменный дом со многими дымоходами, чью планировку мы с Райлой обсуждали из ночи в ночь.

Райла, думал я, пусть ты вконец обнаглела, пусть ты хочешь разбогатеть, но совсем недавно тебе пришлось выбирать между Мастодонией и двумя миллионами баксов в год – и ты не задумываясь выбрала Мастодонию.

Выходит, вся эта сучья поза – сплошной обман, говорил я воображаемой Райле, но в критический момент ты сбросила эту маску и сделала тот же выбор, что сделала бы девчонка, в которую я влюбился на раскопках, девчонка с физиономией, опаленной безжалостным солнцем, вечно чумакая, потому что натирала зудящий, обгорелый, облезший нос пальцами, перемазанными в ближневосточной земле.

Миоцен, думал я, почему же мы не открыли дорогу в миоцен, почему я не попросил Чешира открыть эту дорогу пару дней назад, чтобы она ждала своего часа? Будь у нас дорога в миоцен, мы сохранили бы Мастодонию – с Чеширом или без, а теперь он больше не улыбается мне с дерева, теперь ему известно, кто он и кем станет, и от него не осталось ничего, кроме воспоминаний.

Прощай, старый друг, подумал я, доброй тебе удачи, и не выразить словами, как мне тебя не хватает... И в тот же миг мне показалось, что мы снова вместе, слились воедино, как сливались уже не раз, когда он показывал мне то, что видел, и учил меня тому, что знал.

Учил тому, что знал?..

Учил вещам, о которых не говорил ни слова, даже если я не до конца понимал их и не способен был осмыслить то, что он мне показывал.

Например, уравнения, с помощью которых он открывал дороги во времени.

Я задумался, и уравнения всплыли в памяти – в том же виде, в котором их показывал Чешир, – и, глядя на них его глазами, я понял, что они безупречны, и сообразил, как ими пользоваться.

Миоцен отстоит от нас на двадцать пять миллионов лет, подумал я, подставил в безупречные уравнения нужные переменные, сделал необходимые подсчеты и, похоже, сумел открыть дорогу в миоцен.

Тут я понял, что больше не смотрю на мир глазами Чешира, а уравнения... уравнения... что же они значили?.. Но уравнения сгинули, утратили форму, я позабыл, как ими пользоваться, хотя, наверное, и не знал никогда. Я снова был один, скудоумный человечешка, который осмелился вообразить, что открыл дорогу во времени – машинально, с помощью знаний, переданных от сознания к сознанию, дарованных человечешке звездным божеством.

Оказалось, я весь дрожу. Чтобы унять дрожь, я сгорбился и обхватил себя руками, приговаривая: дурак ты, дурак, накрутил себя до нервного срыва. Соберись, болван, дурь-то свою не показывай!

И все же... ну а вдруг?..

Давай, вперед, злился я, сделай пару шагов, ступи на эту идиотскую дорогу и убедись, что она существует лишь в твоём воображении!

Так я и сделал.

В миоцене было ясно. Солнце клонилось к закату, буйные травы волновались на северном ветру. В четверти мили от меня высился холм. У его подножия пасся нескладный титанотерий. Он поднял морду с нелепым рогом на носу – этот рог прямо-таки бросался в глаза, – взглянул на меня и издал предупредительный рев.

Я осторожно развернулся, сделал пару шагов и возвратился в свое время. Разулся и поставил ботинки там, где открылась дорога в прошлое. В одних носках прогулялся по парковке и собрал охапку пронумерованных столбиков, размечавших карманы для автомобилей. На обратном пути подхватил камень размером с кулак и вбил им столбики, чтобы обозначить вход в миоцен, после чего сел на землю и принялся обуваться. Оказалось, что я до смерти устал.

Прислушался к себе в поисках ликования, но ликования не было, лишь покой, благодарность и осознание, что теперь все будет в порядке – ведь я все-таки сумел открыть дорогу в миоцен. Нет, не самостоятельно. И не в нынешней своей ипостаси. Но стоило мне слиться с Чеширом...

Обувался я долго. Пальцы были как чужие. Наконец встал и направился к воротам.

У меня появилось срочное дело.

Надо сказать Райле, что Мастодония наша, – и чем скорее, тем лучше.

Пришельцы

Глава 1

Лоун-Пайн, Миннесота

Джордж, парикмахер, яростно щелкнул ножницами.

– Послушай, Фрэнк, – обратился он к человеку, сидевшему в кресле, – я не понимаю, что с тобой происходит. Я читал твою статью про этих защитников природы, о том, что они собираются устроить в резервации. Но тебя это, похоже, не слишком волнует, а?

– На самом деле не слишком, – спокойно ответил Фрэнк Нортон. – Это не так уж и страшно. Если кому-то не хочется платить за лицензию в резервации, он может ловить рыбу в другом месте, только и всего.

Нортон был издателем, редактором, управляющим и распространителем лоун-пайнской газеты «Сентинел» – един в четырех лицах – и работал напротив парикмахерской, через улицу.

– А меня это бесит, – не унимался парикмахер. – Ни к чему разрешать этим краснокожим распоряжаться охотой и рыбалкой в резервации. Как будто эта земля не часть штата Миннесота, не часть наших Соединенных Штатов. Теперь белому человеку нельзя пойти на рыбалку с обычной лицензией штата; надо, видите ли, купить лицензию у племени в резервации. И этому племени позволено будет устанавливать собственные правила, да? Нет, зря это придумали.

– Нам-то с тобой все равно, – сказал Нортон. – Если захочется порыбачить, вон форельный садок в реке за городом. В омуте ниже моста такие рыбины попадаются – закачаешься!

– Нет, тут дело в принципе! – ответил парикмахер. – Эти чудаки заявляют, что краснокожие, видите ли, хозяева этой земли. Хозяева! Каково! Это не их земля. Просто мы позволили им жить там. Теперь, если пойдешь в резервацию, они заставят тебя платить за рыбу или за дичь; много платить заставят. Их лицензия наверняка будет дороже государственной. Они установят свои правила, ограничения... И нам придется жить по их законам – а что ты им докажешь? Вот увидишь, как они будут куражиться над нами.

– Зря ты себя заводишь, Джордж, – сказал Нортон. – Не думаю, что они станут куражиться над кем-нибудь. Ведь они заинтересованы в том, чтобы к ним приходило побольше людей. Они постараются сделать все, чтобы привлечь побольше рыбаков. Ведь это же их деньги...

Джордж снова щелкнул ножницами.

– Эти чертовы краснокожие! Вечно талдычат о своих правах. И важные такие стали! Называют себя коренными американцами. Они, видите ли, больше не индейцы, а коренные американцы, не иначе! А мы, видите ли, отобрали у них землю!..

Нортон рассмеялся:

– Ну, раз уж ты заговорил об этом, то, по-моему, мы на самом деле отобрали у них землю. И не важно, что ты по этому поводу думаешь, – они на самом деле коренные американцы, Джордж. Если им нравится называть себя именно так, то у них есть все права на это. Они жили здесь испокон веков, а мы пришли и отобрали их землю; так было, и ты сам это знаешь.

– Мы имели право на это, – сказал Джордж. – Эта земля пропадала. Они ее не использовали. Разве что собирали иногда дикий рис или подстреливали какую-нибудь утку или бобра, чтобы шкуру содрать. А по-настоящему не использовали. Да они и не умели этого. А мы – умели! Поэтому мы пришли и нашли этой земле применение. Я тебе точно говорю, Фрэнк! Мы имели право взять землю и использовать ее. Мы имеем право на любую землю, которая пропадает без толку. Но сейчас нам этого не позволяют. Ты глянь, что у нас за рекой. Какие деревья!

Громадные, прямые! Они же там стоят с тех пор, как Христос младенцем был; стоят и ждут, что кому-то пригодятся. Когда-то лесорубы их прозевали – и они так и стоят, как стояли с сотворения мира. Тысячи акров леса стоят и ждут! Миллионы кубических футов ждут, чтобы их распилили! И есть лесопромышленные компании, которые хотели бы этим заняться. Они обратились в управление округа, чтобы им дали право снять этот урожай. Думаешь, дали? Черта с два! Судья сказал, что это первозданная природа и с топором туда – ни-ни! Лесное ведомство постановило, что эти тысячи акров леса, видите ли, национальное достояние и должны быть сохранены для потомков. Наследие, потомки!.. Как мы до этого дошли?

– Не знаю, – сказал Нортон. – По-моему, это нормально. Ведь хорошо стоять здесь и смотреть на дикую природу за рекой. И выбраться туда, побродить – тоже хорошо. Тишина, покой, торжественность какая-то... Хорошо, что у нас есть такое место.

– А мне плевать на это! – сказал парикмахер. – Я тебе говорю, все это мура: нас попросту дурят. Дурят все эти занюханные благодетели. У них, видите ли, душа болит; вечно они вопят, что мы должны, мол, помогать бедным, угнетенным краснокожим, должны беречь леса, не загрязнять воздух... Мне плевать на все, что они там болтают; краснокожим нужно обижаться только на себя. Они же все лентяи. Они все вместе не отработали честно ни одного нормального рабочего дня; ни одного на всех, это я тебе говорю. Только лежат и стонут. И вечно с протянутой рукой. Вечно кричат, что мы им должны. И сколько им ни дай – все мало; все кричат, что должны еще. А я говорю, что мы им ничего не должны, кроме хорошего пинка в их ленивую задницу. У них был шанс – они его не использовали. Слишком тупы были или слишком ленивы. Им же принадлежала вся эта чертова страна, до того как белые пришли, а они ничего хорошего не сделали из нее. А теперь мы заботимся о них; но чем больше для них делается – тем больше они хотят. Теперь уже не просят – требуют... Каждый из них только этим и занимается: требует что-нибудь такое, чего у него нет. А какое право они имеют требовать? Что они о себе возомнили? Вот запомни. Еще с этим делом не успеют покончить, как краснокожие из резервации потребуют отдать им всю северную Миннесоту, а может, и кусок Висконсина в придачу. Вот увидишь. В точности как сейчас в Блэк-Хилсе. Мол, Блэк-Хилс и Бигхорн принадлежат им; какие-то там, мол, договоры есть столетней давности или того больше. Мол, мы отобрали у них землю и никаких прав на нее у нас нет. В конгресс бумагу какую-то накатали, в суд подали – отдавайте, мол, Блэк-Хилс и Бигхорн. И теперь, чего доброго, какой-нибудь судья скажет, что у них и в самом деле есть права на те земли; а в конгрессе полно умников, которые работают на них и твердят, что у них, мол, законные права... А белые вложили в эти земли годы труда и миллионы долларов, чтобы сделать из них что-нибудь стоящее! Когда там краснокожие хозяйничали, там только бизоны паслись. – Он взмахнул ножницами и добавил: – Вот погоди, увидишь. У нас то же самое будет.

– Беда с тобой, Джордж, – сказал Нортон. – Ты же фанатик.

– Можешь называть меня как хочешь, – ответил парикмахер. – Мы старые друзья, я не обижусь. Но я знаю, что прав. И не боюсь говорить вслух, что думаю. Когда ты называешь кого-нибудь фанатиком – это значит только, что вы с ним думаете по-разному. Тебе просто больше нечего сказать, и ты начинаешь обзывать.

Нортон не ответил. Парикмахер тоже умолк и принялся за работу.

Два квартала магазинов и деловых контор городка Лоун-Пайн дремали в предвечернем тепле. День был ясный, из тех, что бывают ранней осенью. Вдоль улицы стояло несколько автомашин. Три собаки исполняли ритуал взаимного приветствия, словно трое старых друзей, встретившихся на перекрестке. Стиффи Грант, оборванный местный бродяга, сидел возле дверей единственной в городке скобяной лавки на бочонке из-под гвоздей и старательно курил сигару; ему повезло – он нашел ее в канаве почти целой. Салли, официантка из «Пайн-кафе», не спеша подметала тротуар перед своим заведением – так не хотелось уходить из-под теплого

осеннего солнца. В конце восточного квартала показалась машина Кермита Джонса, банкира; он торопился на станцию обслуживания.

...Джерри Конклин, студент-лесоустроитель, оканчивавший Миннесотский университет, припарковывался у въезда на мост, который соединял берега Пайн-Ривер ниже городка. Джерри достал зачехленную удочку и начал ее собирать. Несколько месяцев назад он останавливался на станции обслуживания в Лоун-Пайне по дороге в лесничество, и ему сказали, что в заводи ниже моста попадаются форели – размеров невероятных. Будучи заядлым рыболовом, он не забыл разговора, но до сих пор ему не удавалось проверить, так ли это. Но сегодня, по дороге из лесничества, где он провел несколько дней, изучая экологию девственного соснового леса, он сделал крюк в несколько миль и завернул к этой заводи.

Взглянув на часы, он обнаружил, что времени осталось совсем мало, всего полчаса. У Кэти было два билета на симфонический концерт. Дирижировал какой-то гастролер – он забыл его имя, – и Кэти уже несколько недель с ума сходила, дожидаясь концерта. Он не очень любил такую музыку, но Кэти – другое дело; если он опоздает в Миннеаполис, к ней потом не подойдет – обидится.

...А в парикмахерской Джордж говорил Нортону:

– Ты уже сдал на почту свои газеты? Хорошо, когда впереди свободная неделя.

– Ошибаешься, – ответил Нортон. – Это ж не просто – щелкнул пальцами, и газета готова, даже если она выходит раз в неделю. Надо собрать рекламные объявления, написать тексты, отредактировать, набрать, сверстать... Чтобы выпустить газету раз в неделю, всю неделю надо крутиться.

– Я все время удивляюсь – и чего ты здесь торчишь? – недоумевающе сказал Джордж. – Неужто некуда податься молодому газетчику вроде тебя? Да хоть бы в Миннеаполис подался; тамошние газеты за тебя ухватятся, только слово скажи.

– Ну, не знаю... – протянул Нортон. – Мне и здесь хорошо. Сам себе хозяин, собственное дело. Доход, правда, невелик, но хватает... У меня в Миннеаполисе есть друг, редактор, заведомо репортажа в «Трибьюн». Молод для этой должности, но управляется. Джонни Гаррисон...

– Могу спорить, что он бы тебя взял, – сказал Джордж.

– Может быть. Не знаю. Но первое время было бы трудно. Ведь надо же знать, как делается газета в большом городе. Но я про Джонни. Так вот, зарабатывает он, конечно, гораздо больше меня – заведомо, понятное дело, – но у него там свои трудности. Он, например, не может закрыть контору с обеда и пойти на рыбалку, как бы ему ни хотелось. Он не может взять выходной и наверстать недоделанное потом. У него дом заложен, куча долгов, семья уж больно дорого обходится. Ему приходится каждый день подолгу трястись в общественном транспорте, чтобы добраться на работу, – и так же назад, домой. И ответственность у него большая... И пьет больше нашего. Ему приходится делать очень много такого, чего делать не хочется; приходится встречаться с людьми, которых он не хочет видеть. Вкалывает с утра до ночи и еще тащит свои заботы домой...

– Конечно, тут есть свои недостатки, – кивнул парикмахер. – А в какой работе их нет?

...В стекло с тупой настырностью колотилась жужжащая муха. Стойка позади кресла была уставлена разнообразными бутылками; ими редко пользовались, и они давно превратились в украшение витрины. На стене над стойкой висело ружье тридцатого калибра.

Служащий бензоколонки вставил заправочный пистолет в бак подъехавшей машины и, обернувшись, взглянул на небо:

– Боже мой! Кермит, гляньте-ка, что это такое?!

Банкир посмотрел вверх.

Очень низко в небе висела какая-то большая черная штуковина. Она бесшумно парила в воздухе, медленно снижаясь и закрывая уже полнеба.

– Наверное, НЛО, – сказал служащий. – В первый раз вижу. До чего громадное. Боже мой! Никогда не думал, что они такие огромные.

Банкир не ответил. Он так испугался, что не мог ни говорить, ни пошевелиться.

Вдруг раздался крик Салли, официантки. Она бросила свою щетку и, непрерывно вопя, кинулась бежать, сама не зная куда.

Стиффи Грант, удивленный криком, кое-как поднялся с бочонка, с трудом выбрался на улицу – и увидел черную громаду, висевшую в небе. Он так задрал голову, что потерял равновесие, которое было не слишком устойчивым: он только что прикончил бутылку самогона, который Эйб Паркер гнал где-то в лесу. Еще вчера бутылка была полной. Стиффи сделал несколько шагов назад – и уселся на середине улицы; потом ценой невероятных усилий вернулся в вертикальное положение и тоже побежал. Сигара выпала у него изо рта, но он не стал подбирать ее – он о ней попросту забыл.

Парикмахер Джордж прервал работу и подскочил к витрине. Мимо в панике промчались Салли и Стиффи. Он бросил ножницы, подбежал к стене за стойкой, схватил ружье, зарядил его и кинулся к двери. Нортон поднялся с кресла:

– Что случилось, Джордж? В чем дело?

Парикмахер не ответил. Дверь за ним захлопнулась. Нортон распахнул дверь и вышел на тротуар. Джордж бежал вниз по улице, а заправщик с бензоколонки мчался ему навстречу.

– Туда, Джордж! Туда! – закричал он на бегу. – Оно там, возле реки!

Джордж ринулся напрямик через пустырь. За ним побежали Нортон и служащий бензоколонки, а Кермит Джонс, банкир, поспешал сзади, пыхтя и отдуваясь.

Нортон выбежал с пустыря на низкую насыпь из гравия, тянувшуюся вдоль берега. Черный ящик свалился прямо на мост. Он был огромным и закрыл собой весь мост, от одного берега до другого. В ширину ящик был поменьше. Черной громадой он высился над рекой... На первый взгляд совершенно гладкая продолговатая конструкция. Просто ящик. Такой черный, что подобного цвета Нортон никогда не видел.

Бежавший впереди парикмахер остановился, поднял ружье и прицелился.

– Стой, Джордж! – закричал Нортон. – Стой! Не надо!

Раздался выстрел – и почти в тот же миг из ящика, лежавшего поперек реки, возник луч ослепительного света. Он попал в Джорджа, тот вспыхнул, потом пламя пропало, и парикмахер мгновенно превратился в головешку, гротескный черный пенёк в форме человека. Ружье в его руках стало вишнево-красным и согнулось, ствол повис, словно вареная макаронина... А потом парикмахер Джордж упал на землю и рассыпался. Из кучки, уже не имевшей никакого сходства с человеком, потянулись сверху струйки вонючего дыма.

Глава 2

Лоун-Пайн

У Джерри Конклина клевало. Он дернул удочку, но на ней ничего не оказалось. Форель – а судя по всплеску, рыба была очень крупная – в последний момент сорвалась с крючка.

«Да, – подумал Джерри, – рыба здесь большая. Тот парень на бензоколонке правду сказал: в заводи форель что надо».

Сквозь деревья, растущие вдоль реки, ярко светило солнце. На воде, испещренной пятнами теней от листвы, плясали крошечные блики, отражаясь от мелкой ряби на поверхности заводи.

Конклин снова насадил муху и опять забросил удочку, целясь чуть дальше того места, где его только что постигла неудача.

Внезапно стало темно. Заводь поглотила тень, словно между ней и солнцем появился какой-то крупный объект.

Конклин инстинктивно пригнулся. Что-то ударило сверху по удочке; он ощутил рукой вибрацию и услышал треск ломающегося бамбука. «Бог ты мой, – подумал он, – восемьдесят долларов удочка, первая и единственная роскошь, какую я мог себе позволить».

Он оглянулся и увидел черный прямоугольник, падавший прямо на него. Прямоугольник ударил в берег позади, и он услышал звук ломающегося металла; это была его машина.

Выбираясь на берег, он споткнулся и упал на колени. Зачерпнул воды в болотные сапоги, выронил удочку... А потом, не понимая, что делает, бросился бежать по воде вдоль берега вниз по течению, спотыкаясь и скользя на гладких камнях. В сапогах было полно воды.

Одним концом черный прямоугольник обрушился на дальний берег. Заскрипели и затрепали деревья, раздался скрежет металла – это развалился мост. Оглянувшись назад, Джерри увидел, что в омуте плавают сломанные стволы.

Он не удивился происшедшему. В инстинктивном порыве поскорее убраться отсюда, в сумасшедшей сумятице мыслей не оставалось места удивлению. Он выбрался на солнечный свет и понял, что невредим. Высокие берега спасли его. А черный предмет лежал поперек реки, упираясь в берега, но не мешая течению.

Глубокое место кончилось, и Джерри шагнул в поток: ниже омута течение было быстрым. Здесь он оглянулся и впервые смог оценить размеры того, что упало поперек реки. Оно возвышалось над водой, словно многоэтажное здание. «Футов сорок, – подумал он, – а может, и все пятьдесят, а в длину раза в четыре больше».

Откуда-то издали донесся резкий хлопок, вроде выстрела, и в тот же миг из одной точки на этой громадной черной массе вспыхнул ослепительный свет и погас.

«Боже мой, – подумал он, – удочка пропала, машину раздавило, я здесь застрял... А Кэти!.. Надо как-то выбраться отсюда и позвонить ей».

Джерри повернулся и стал карабкаться на крутой берег. Это оказалось нелегко. Сапоги мешали ему, но снять их он не мог: туфли были в машине, а машина, судя по всему, лежала теперь расплюснутая под этой громадной штуковиной, упавшей на мост.

Что-то со свистом рассекло воздух, и его грудь обвило что-то похожее на удавку. Непонятно, откуда взялась эта гибкая, тонкая штуковина – не то проволока, не то веревка. Джерри в панике попытался сбросить ее, но не успел ухватиться за нее, как его подняло вверх. Он увидел под собой реку и зелень вдоль берегов. Он хотел крикнуть, но веревка – или проволока, или что это было – так сжимала грудь, что он не мог вздохнуть.

Вдруг он очутился в темноте, и на груди уже не было той штуки, что тащила его. Он стоял на четвереньках. Под ним было что-то плотное – плотное, но не твердое, словно толстый, мягкий ковер.

Он стоял на четвереньках, скрючившись, стараясь побороть охвативший его страх. Во рту было горько, и он старался сглотнуть, затолкать горечь обратно. Казалось, кишки скрутились в твердый круглый клубок; он тщетно пытался немного расслабиться.

Поначалу вокруг было совсем темно, но вскоре Джерри стал различать слабый, странный, жутковатый свет, голубоватый, призрачный. Освещение, конечно, не из лучших, мутноватое, приходилось напрягать зрение, пытаясь хоть что-нибудь увидеть. Но все-таки здесь оказалось не совсем темно, а это означало, что он не ослеп.

Джерри поднялся на колени и попытался понять, куда попал. Это было не так просто: на фоне голубого мерцания непрерывно сверкали какие-то вспышки, так быстро и мимолетно, что он не мог определить ни какого они цвета, ни откуда исходят. При свете вспышек появлялись какие-то очертания, каких он никогда прежде не видел. «И самое странное, – подумал он, – что это только очертания». Между вспышками он все время видел нечто такое, что мог сопоставить с виденным прежде, – это были ряды каких-то круглых предметов. Поначалу он принял их за глаза; они поворачивались, следя за ним фосфоресцирующим взглядом, словно глаза зверей в ночной темноте, когда луч света застает их врасплох. Однако он почувствовал,

что это не глаза и не из них исходил слабый, голубой, постоянный свет. Но глаза это были или нет – они непрерывно следили за ним.

Воздух вокруг был сухой и горячий, но в нем было необъяснимое ощущение влажной затхлости; быть может, дело было в запахе. Станный запах. Не сильный, не удушающий – но неприятный. Джерри никак не мог определить его. Казалось, он проникает сквозь кожу и пропитывает тело, становится частью существа. Это был не аромат и не запах гнили... Совершенно не похоже ни на что, с чем приходилось сталкиваться раньше.

«Дышать можно, но кислорода маловато», – подумал он. Он заметил, что дышит очень глубоко и часто.

Сначала он подумал, что попал в какой-то туннель. Почему это пришло ему в голову, он и сам не знал; должно быть, потому, что, оглядевшись, он увидел вокруг обширное пространство, похожее на мрачную пещеру. Он попытался увидеть, что там вдали, но из этого ничего не получилось; голубой свет был тускловат, а непрерывное мерцание мешало смотреть.

Джерри медленно и осторожно поднялся на ноги, почти уверенный, что ткнется головой в потолок. Но оказалось, что можно стоять во весь рост.

Где-то в глубине сознания возникло слабое-слабое подозрение – но ему уж очень не хотелось с этим мириться, и он изо всех сил заталкивал это чувство назад, стараясь избавиться от него. Но мало-помалу, пока он стоял, оцепенев, в этом голубоватом мерцающем свете, подозрение росло и все больше овладевало им, он почувствовал, что вынужден будет его принять.

Внутренний голос говорил ему, что он находится внутри огромного черного ящика, упавшего поперек реки. Веревка – проволока, щупальце – вылетела из этого ящика. Схватив его, щупальце закинуло его сюда, пронеся каким-то образом сквозь стену, – и вот он здесь, внутри.

Сбоку раздался какой-то странный звук; не то глотал кто-то, не то шлепал... Вглядываясь в темноту, он понял, что звук доносился снизу. Он нагнулся, чтобы разглядеть получше, – это оказалась рыба; судя по форме и размеру, радужная форель. В длину она была дюймов шестнадцать, крупная... Он попытался взять ее, но она выскользнула из рук и снова забилась на полу.

«Ну, – сказал он себе, – давай-ка посмотрим на вещи трезво. Давай отойдем в сторонку и посмотрим, пристально и внимательно. Давай не будем спешить с выводами, а попробуем быть объективными.

Первое. С неба упало нечто большое и черное, свалилось на мост и, судя по звуку, который он слышал, раздавило его машину.

Второе. Он находится в месте, которое может оказаться внутри этой упавшей штуки. Скорее всего, так оно и есть. Это место не похоже ни на что, когда-либо виденное.

Третье. Здесь не только он, но и рыба».

Он заложил эти пункты один за другим в компьютер своего мозга и постарался сопоставить их. Получалось, что он каким-то образом оказался внутри космического пришельца, который собирает и исследует фауну неизвестной ему планеты.

Сначала он, потом рыба... А через какое-то время появятся, наверное, кролик, белка, енот, медведь, олень, рысь... «Скоро здесь соберется множество всякой живности, – подумал он, – повернуться негде будет».

Светящиеся кружочки, следившие за ним, могли быть рецепторами. Они, наверное, следили за ним и регистрировали каждое его движение, каждое колебание в мозгу, каждую эмоцию; они извлекали из него информацию и складировали где-то в ячейках памяти, с помощью какого-нибудь кода, описывали его химическими уравнениями, определяли, что он собой представляет и каковы его вероятный статус и предназначение в экологии этой планеты.

А может быть, этим занимаются не только те кружочки? Быть может, вспыхивающие огни и механизмы за ними тоже входят в ту же систему?

«Я могу и ошибаться», – подумал он. Когда он сможет как следует подумать обо всем случившемся, он *обязательно* поймет, что ошибался... Но все-таки было лишь одно объяснение тому, что произошло. Он видел, как опустилась эта черная громада, его схватили и выдернули из реки, он помнил, как под ним бежала вода, когда его подбросило в воздух, помнил деревья вдоль берегов, помнил, как увидел городок Лоун-Пайн над рекой. Он четко помнил все это – а потом темнота, какое-то помещение, похожее на пещеру, – и больше ничего он не знал. Невозможно было представить ничего иного, кроме того, что он внутри черной штуковины, упавшей с неба на мост.

Если все на самом деле так, если он не ошибся, это значит, что объект, упавший с неба, живой или по крайней мере управляется кем-то живым; и не только живым, но и разумным.

Он с удивлением обнаружил, что из всех сил инстинктивно сопротивляется этой мысли, потому что в контексте человеческого опыта было совершеннейшим безумием поверить, что какие-то пришельцы высадились на Земле и тотчас поймали его.

Джерри удивился, когда обнаружил, что весь его страх исчез. Вместо него в душе появился какой-то мрачный холод, который был, пожалуй, хуже, неприятнее страха.

«Разум, – подумал он. – Если здесь есть разум, то должен быть какой-то способ установить связь, взаимопонимание...»

Он попытался заговорить, но слова не шли с языка. Он постарался снова, на этот раз получилось, но только шепотом. Он попробовал еще раз – и его голос зазвучал громко, загудел в пустоте пещеры.

– Хелло! – кричал он. – Есть здесь кто-нибудь? Есть кто-нибудь вокруг?

Он подождал, ответа не было. Он закричал снова, на этот раз громче, взывая к разуму, который должен был его услышать. Слова отдавались эхом, постепенно затихая. По-прежнему за ним следили кругляши, похожие на глаза. По-прежнему струился слабый свет. Но ответа не было. Ни от кого, ни от чего.

Глава 3

Миннеаполис, Миннесота

Кэти Фостер сидела за машинкой в отделе новостей и печатала очерк. До чего бестолковый очерк, до чего бестолковый народ! И какого черта Джонни послал ее туда? Ведь были же другие задания, где не пришлось бы иметь дела ни с придурочной чушью, ни со слащавым мистицизмом, от которого ее тошнило. «Любящие»... Так они называли себя. У нее до сих пор стояла перед глазами их дремотная невинность во взгляде, а в ушах звучали мягкие, вкрадчивые, напыщенные слова.

Любовь – это все, любовь все побеждает, любовь всеобъемлюща... Тьфу! Все, что должен делать человек, – это любить кого-нибудь или что-нибудь долго и сильно, и тогда любовь вернется. Любовь – величайшая сила Вселенной, вообще единственное, о чем стоит говорить, любовь – альфа и омега всего сущего. И отзываться на любовь должны не только люди, не только живое. Если ты полюбишь что бы то ни было – будь то вещество какое-нибудь или энергия, – оно вернет тебе твою любовь и сделает для тебя все, что ты захочешь, вплоть до нарушения всех эмпирических законов – на самом деле этих законов, может быть, и не существует, сказали они ей, – сделает все, что захочешь: пойдет куда угодно, останется где угодно. Независимо от того, возможно это или нет с обычной точки зрения. Но чтобы достичь этого, надо постараться понять живое существо, или вещество, или энергию и полюбить так, чтобы тебя заметили, чтобы могли ответить на твою любовь.

Все это ей рассказывали торжественно, излучая глазами невинность. Сейчас вся беда в том, объясняли они, что нет достаточного понимания. Но понимание можно приобрести через любовь. Если любовь будет достаточно сильна и глубока, чтобы принести понимание, то чело-

век на самом деле станет властелином Вселенной. Но такое владычество не должно быть самоцелью, оно должно усовершенствовать понимание и усилить любовь ко всему, из чего состоит Вселенная.

«Чертов университет, – подумала Кэти, – настоящий инкубатор для таких вот чокнутых – или жуликов? – которые изо всех сил ищут какой-то смысл в совершеннейшей бессмыслице. И занимаются этим, чтобы просто уйти от реальности».

Она посмотрела на настенные часы. Уже почти четыре, а Джерри до сих пор не позвонил. Он обещал, что позвонит, когда поедет в город. Если они опоздают на концерт по его вине, она с него скальп снимет. Ведь он же знает, как она ждала этого концерта, несколько недель о нем мечтала. Конечно, Джерри не очень любит такую музыку – но ради нее может он хоть раз сделать то, что ей хочется, даже если ему придется мучиться весь вечер? Она для него многое делала; ходила туда, куда вовсе не хотелось. Но она же ходила, раз он так хотел... Боже праведный, даже на соревнования по борьбе ходила, по борьбе!

«Странный он человек, – думала Кэти, – странный, временами просто невыносимый... но все равно славный парень. Вечные его деревья! Джерри просто живет ради них. Господи, как может взрослый человек так заикнуться на деревьях? Бывает страсть к цветам, к зверям, к птицам... У Джерри это деревья. Малый просто спятил от своих деревьев. Он их любит, он их как будто понимает; иногда даже кажется, что он с ними разговаривает».

Она выдернула из машинки законченную страницу, вставила чистый лист и снова забарабанила по клавишам, кипя от негодования. Когда она сдаст очерк, то попросит Джонни засунуть его в ящик поглубже, а еще лучше – выкинуть в мусорную корзину, не то кто-нибудь его разыщет, когда для газеты будет не хватать материала.

У противоположной стены сидел за столом Джон Гаррисон, заведомо репортажа, и оглядывал кабинет. Большинство столов пустовало, и он вспоминал кто где. Фримен – на собрании комиссии по делам аэропорта; там, скорее всего, ничего интересного не произойдет, но из-за всей этой суматохи вокруг новых взлетно-посадочных полос редакция новостей просто обязана была послать туда своего человека. Джей – в Рочестере, в клинике Майо, где разработали какой-то новый способ лечения рака. Кэмпбелл до сих пор торчит в муниципалитете, в комиссии по благоустройству; там сегодня разговор о парках; тоже, наверное, ничего интересного, как и в аэропорту. Джонс в Южной Дакоте, по поводу индейских требований в отношении Блэк-Хилса, собирает материал для воскресного выпуска. Найт на суде по поводу убийства Джонсона. Уильямс в пригородном поселке Уэйзате, интервьюирует ту старую деву, которая хвасталась, что ей 102 года (наверное, все-таки поменьше). Слоун увяз в Уиноне, там у них нефть разлилась.

«Боже, – подумал Гаррисон, – что я буду делать, если вдруг появится что-нибудь стоящее, на большой материал?» Впрочем, он знал, что это маловероятно. С самого утра день был неудачный, и улучшения не предвиделось.

– Что получается из бюджета, Джим? – спросил он у своего помощника Джима Гоулда.

Гоулд посмотрел на лист бумаги в своей машинке.

– Маловато, – сказал он. – Здесь немного, Джонни. Действительно, совсем немного.

Зазвенел телефон. Гоулд взял трубку.

– Это тебя, Джонни. Вторая линия.

Гаррисон поднял трубку и нажал кнопку:

– Гаррисон.

– Джонни, это Фрэнк Нортон. Из Лоун-Пайна, помнишь?

– Конечно, Фрэнк! – обрадовался Гаррисон. – Хорошо, что ты позвонил. Я только вчера разговаривал здесь с друзьями о тебе. Рассказывал, как ты замечательно устроился. Сам себе хозяин, форель под боком, почти прямо в городе... Если я на днях подрую к тебе порыбачить – как ты?

- Джонни, – сказал Нортон, – кажется, у меня есть кое-что для тебя.
- Похоже, ты взволнован, Фрэнк. Что случилось?
- Очень может быть, что к нам тут пришелец из космоса прилетел. Я пока не уверен...
- Кто к вам прилетел?! – Гаррисон подпрыгнул в кресле.
- Не знаю, – сказал Нортон. – Что-то свалилось с неба, очень большое. Упало поперек реки. От моста ничего не осталось, снесло начисто.
- Оно еще там?
- Там. Сидит, где село десять-пятнадцать минут назад. Огромное. Огромное и черное. Город на ушах стоит, все в панике. Один человек убит.
- Убит? Как – убит?
- Он выстрелил в эту штуковину. А она выстрелила в него. Спалила его дотла. Я видел, как это случилось. Он еще стоял, а из него дым валил.
- Боже мой! – воскликнул Гаррисон. – Вот это материал! Как снег на голову.
- Джонни... – сказал Нортон. – Я еще не знаю, что происходит. Это произошло недавно, тут пока трудно что-нибудь понять. Я думал, может, ты захочешь прислать кого-нибудь, сфотографировать.
- Слушай, Фрэнк, – сказал Гаррисон, – я тебе скажу, что собираюсь делать. Я сразу же этим займусь. Но сначала ты расскажешь кому-нибудь из моих ребят все, что знаешь, со всеми подробностями. Все, что произошло. А потом трубку не вешай. Я раздобуду фотографа и еще чего-нибудь придумаю.
- Хорошо. Буду на проводе.
- Гаррисон прикрыл ладонью трубку и протянул ее Гоулду.
- Это Фрэнк Нортон, – сказал он. – Хозяин и редактор еженедельной газеты в Лоун-Пайне, мой старый друг, вместе в школе учились. Он говорит, у них там что-то свалилось с неба. Один человек погиб. Свалилось минут пятнадцать назад или около того. Ты сейчас запиши все, что он расскажет, а потом попроси, чтобы подождал меня у телефона. Мне надо еще с ним поговорить.
- Хорошо, – сказал Гоулд. – Запишу. – Он взял трубку. – Мистер Нортон, я Джим Гоулд, помощник редактора...
- Гаррисон повернулся на стуле к Энни Даттон, секретарю редакции:
- Энни, свяжись с ребятами в аэропорту. Узнай, можно ли заказать спецрейс, вылет немедленно. Лететь – куда же лететь, черт возьми, чтобы попасть в этот Лоун-Пайн?
- Бемиджи, – сказала Энни. – Это ближе всего.
- Отлично. Значит, потом свяжешься с Бемиджи и закажешь машину напрокат. Попозже мы им еще раз позвоним и уточним время, а пока организуй в принципе.
- Энни принялась крутить телефонный диск.
- Гаррисон поднялся со стула, оглядел редакцию и ужаснулся тому, что увидел.
- В одном углу, углубившись в свою писанину, сидел Финли – совершеннейший щенок, в худшем смысле этого слова, у него еще молоко на губах не обсохло. Сэндерсон – немногим лучше, и никак ее не отучить от манеры вечно острить, где не надо. «Господь свидетель, – подумал он, – в один прекрасный день ей придется поменять свое поведение или оказаться на улице». Джемисон? Нет, слишком туго соображает. Когда надо глубоко копать – незаменимый человек, но для горящего материала не годится.
- Кэти! – закричал он.
- Удивленная Кэти прекратила печатать, поднялась и пошла к редакторскому столу, стараясь выглядеть спокойной. Джерри до сих пор не позвонил, а очерк казался ей чем дальше, тем глупее. Если придется пропустить концерт!..

Гоулд «висел» на одном телефоне – слушал, иногда вставлял словечко, непрерывно стучал на машинке, делал пометки, Энни занимала другой... Гаррисон снова сел за стол и поднял трубку, набрал номер.

– Это Гаррисон, – сказал он. – Нам нужен хороший фотограф. Кто у вас там под рукой? Где Аллен? Это командировка. Важная. Срочность чрезвычайная. – (Какое-то время он слушал.) – О, черт побери! Значит, Аллена нет? У нас такая работа, что нужен как раз он. Где он? Вы можете с ним связаться? – (Снова пауза.) – Ой, верно, я забыл, что он в отпуске. Ладно. Присылайте его.

Он положил трубку и повернулся к Кэти:

– У меня есть кое-что для тебя.

– Не сейчас, – сказала она. – Не сегодня. Сегодня никаких сверхурочных, я уже почти весь день отработала. И у меня билеты на концерт. Симфонический.

– Боже мой, девочка, это может быть очень важно! Самое важное задание в твоей жизни! Может быть, это первый пришелец из космоса...

– Пришелец из космоса?

– Ну, может быть. А может, и нет. Мы пока не знаем...

Гоулд протянул ему трубку.

– Минутку, Фрэнк. Подожди. Я сейчас.

– Самолет будет ждать, – сказала Энни. – Готовый к вылету. И машина в Бемиджи.

– Спасибо, – сказал Гаррисон и повернулся к Гоулду. – Что у тебя?

– Отличный материал. Солидный. Масса фактов, море подробностей. Звучит очень впечатляюще. Что-то у них там спустилось с неба.

– Стоит туда поехать?

– По-моему, да, – сказал Гоулд.

Гаррисон повернулся к Кэти:

– Мне очень не хочется тебя просить, Господь свидетель, но больше никого нет. Нет никого, все заняты. Ты с Уайтом полетишь в Бемиджи. Там вас будет ждать машина. Очерк свободный, это я тебе обещаю. Пиши что хочешь. Вы должны быть в Лоун-Пайне часам к шести, даже раньше. До восьми позвони. Тогда мы успеем сделать первый выпуск с твоим материалом.

– Хорошо, – сказала Кэти. – Если ты купишь мои билеты на концерт. Ни за что не соглашусь туда лететь, да еще и платить за это.

– Ладно, я их покупаю, – сказал Гаррисон. – Как-нибудь спишу эти деньги на расходы редакции. Сколько?

Он вытащил из кармана кошелек.

– Тридцать.

– Не многовато? Ведь ты заплатила меньше.

– Это как раз столько, сколько ты заплатил бы сегодня. Места хорошие.

– Ладно, ладно, – согласился он, отсчитывая банкноты.

– А если позвонит Джерри Конклин, пусть кто-нибудь ему расскажет, что произошло. Мы с ним должны были встретиться вечером. Обещаешь?

– Обещаю, – сказал Гаррисон, отдавая ей деньги. Он взял со стола трубку. – Извини, Фрэнк, у меня тут были срочные дела. Ты слушаешь? Мои люди будут у тебя около шести. Я им велел найти тебя. Но как это получилось? Ведь у тебя своя газета. Зачем отдавать все это нам?

– Моя газета сегодня вышла, – сказал Нортон. – Следующий номер только через неделю, а такие новости ждать не могут. Я хочу, чтобы ты был здесь первым. Несколько минут назад в город прибыли две патрульные машины полиции штата. Больше ничего нового.

– Ты сможешь держать нас в курсе дел, пока мои не доберутся? – спросил Гаррисон. – Если что-нибудь случится, позвони.

– Обязательно, – ответил Нортон.

Глава 4

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

День выдался трудный. На послеобеденном брифинге газетчики накинулись на него, словно хотели сожрать живьем. Вопросы главным образом касались требований Ассоциации коренных американцев вернуть объединенным племенам Блэк-Хилс в Южной Дакоте и район Бигхорн в Монтане, хотя было довольно много шума и по поводу энергетической ситуации, особенно в связи с предложениями правительства о развитии солнечной энергетики в юго-западной пустыне и его запросом о выделении крупных сумм для разработки криогенных систем передачи электроэнергии. Журналисты бушевали, возмущенные неудовлетворительными ответами. «Но это, – сказал себе Дейвид Портер, – в порядке вещей». В последние несколько месяцев он внушал представителям прессы то ярость, то отвращение. И теперь он каждый день ждал, что какие-нибудь объединения прессы потребуют его отставки.

...В телетайпном зале висела тишина, почти не нарушаемая стрекотанием аппаратов, стоявших вдоль стены. Они словно переговаривались между собой, непрерывно выплевывая мировые новости. Маршия Лэнгли, его помощница, уже собиралась уходить: рабочий день кончался. На селекторе впервые за весь день погасли мигающие лампочки. Было время сбора информации. Последние вечерние газеты уже ушли в типографии, в редакциях утренних готовили материал.

В помещение стали вползать тени. Портер протянул руку и включил настольную лампу. При ярком свете на столе обнаружилась такая груда бумаг, что он застонал. Настенные часы показывали почти 5:30. Он обещал заехать за Элис в 7:30, так что времени на бумажную работу оставалось совсем немного. Кто-то из подруг Элис нашел в Мэриленде новый ресторан, и Элис вот уже несколько недель время от времени вспоминала об этом. Нынче вечером они собирались поехать туда. Он потянулся в кресле и подумал об Элис Дэйвенпорт. Ее старик, сенатор, никогда не проявлял к Портеру особой симпатии, но и не возражал, чтобы они встречались. «Ну что ж, молодец старый сын, – подумал Портер, – это его украшает». А Элис – замечательная девушка, даром что у нее такой отец. Красивая, умная, веселая, образованная, много знает, собеседница отличная... Один только недостаток: вечно она влезает в какие-нибудь общественные проблемы, и тогда у нее нет других тем для разговора, кроме очередного увлечения. Как раз сейчас она носилась с требованием индейцев вернуть Блэк-Хилс и Бигхорн и страстно доказывала, что надо их отдать объединенным племенам. Несколько месяцев назад были черные в Южной Африке. «Все это, – угрюмо подумал Портер, – от слишком прилежного изучения никудышных дисциплин». Впрочем, она не всегда садилась на своего конька, может быть, и сегодня не будет. В последние несколько месяцев они провели вместе не один хороший вечер; когда она снимала свой плащ крестоносца, становилась отличной подругой, лучшей не пожелаешь.

«Так, – подумал он, – если сейчас навалиться, то где-то через полчаса удастся хоть чуть-чуть разгрести этот завал на столе». Быстрее не выйдет. Но полчаса – нормально. Еще останется время заехать домой, принять душ, побриться и переодеться. Хоть раз в жизни он приедет к Элис вовремя. Но прежде всего надо выпить кофе.

Портер встал и пошел через зал.

– Ты не знаешь, – спросил он Маршию, – у нас кофе не остался?

– Должно быть, остался, – ответила она. – Там и сэндвичи могут быть, но уже зачерствели, наверное.

– Кроме чашки кофе, мне ничего не надо, – проворчал он.

Он дошел до середины зала, как вдруг один из телетайпов ожил. Громко и требовательно зазвенел звонок, словно требуя внимания.

Портер повернулся и быстро пошел назад. Это был телетайп Ассошиэтед Пресс. Он подошел к телетайпу и склонился над ним, опершись на аппарат руками. Принтер тянул по бумаге линию сводки новостей. Потом пошло:

«Экстренное сообщение. В Миннесоте с неба спустился крупный неизвестный объект».

Телетайп умолк, принтер еще дрожал.

– Что это такое? – спросила Маршия; она стояла у него за спиной.

– Не знаю, – ответил Портер. – Должно быть, метеорит.

– Ну давай, давай, пиши дальше! – обратился он к телетайпу. – Расскажи, что там такое. На его столе заверещал телефон.

Маршия подошла и взяла трубку.

– Хорошо, Грейс, – сказала она. – Я ему передам.

Телетайп снова ожил.

«Может быть, что сегодня у городка Лоун-Пайн в Северной Миннесоте приземлился первый пришелец из дальнего космоса...»

Рядом раздался голос Маршии:

– Грейс звонила. Президент хочет тебя видеть.

Портер кивнул и отвернулся от машины. В это время застучали остальные телетайпы, но он вышел из зала, спустился по лестнице и пошел дальше по коридору.

Когда он вошел в приемную, Грейс показала головой на дверь:

– Заходи. Он тебя ждет.

– В чем дело, Грейс?

– Я толком не знаю. Он сейчас разговаривает с начальником штаба. Что-то о новом спутнике, который только что обнаружили.

Портер прошел через приемную к двери, постучал, потом повернул ручку и вошел.

Президент, Хэрберт Тэйн, только что положил телефонную трубку. Он указал Портеру на кресло.

– Это был Уайтсайд, – сказал он. – Рвет и мечет. Похоже, что станции слежения обнаружили на орбите что-то новенькое. Если верить генералу, оно такое огромное, что просто жуть берет. Он говорит, это не наше. И очень не похоже на советское. Слишком велико. Ни нам, ни им вытащить такое на орбиту не под силу. Нет таких носителей. Седой на ушах стоит.

– Что-нибудь из космоса? – спросил Портер.

– Этого Седой не сказал. Но именно это у него на уме. Он уже готов заварить страшную кашу. Он появится у нас, как только доберется сюда.

– Что-то не то упало, не то приземлилось – я пока не знаю – на севере Миннесоты, – сказал Портер. – Когда вы позвонили, как раз пошла информация по телетайпу.

– Ты думаешь, это как-то связано?

– Не знаю. Об этом еще рано говорить, мы еще не знаем, что произошло в Миннесоте. Я видел только начало сообщения. Может быть, это всего лишь крупный метеорит. В любом случае что-то там с неба свалилось.

– О боже! Дейв, у нас и без того забот хватает, – сказал президент.

– Совершенно с вами согласен, сэр, – кивнул Портер.

– Как прошел брифинг?

– Они обложили меня, как волка. В основном Блэк-Хилс и положение в энергетике.

– Но ты удачно отделался от них?

– Сэр, у меня работа такая. Я честно зарабатываю свои деньги.

– Да, – сказал президент. – Я в этом не сомневаюсь. И думаю, это нелегко.

Раздался стук, дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула Грейс, размахивая листом бумаги, сорванным с телетайпа:

– Маршия принесла мне вот это...

– Дай сюда, – приказал президент.

Она подошла к шефу и отдала ему бумагу. Он быстро прочитал и перебросил лист через стол Портеру.

– Совершеннейшая бессмыслица, – пожаловался он. – Большой черный ящик находится на мосту. Метеорит может быть большим и черным ящиком, как ты думаешь?

– Вряд ли, – сказал Портер. – Метеорит рухнул бы с ужасным шумом. И кратер вырыл бы огромный.

– И все, что угодно, – заметил президент, – тоже рухнуло бы с шумом и вырыло бы кратер. Что бы ни упало. Скажем, сломавшийся спутник.

– Я себе именно так и представляю, – сказал Портер. – Они должны падать быстро и делать воронку. Если большие, конечно.

– Этот вроде большой...

Они смотрели друг на друга через стол.

– Так ты думаешь... – начал президент, но замолчал, не договорив.

На президентском столе загудел аппарат внутренней связи. Президент нажал кнопку:

– В чем дело, Грейс?

– Это генерал Уайтсайд.

– О'кей, соедини.

Прикрыв трубку рукой, он сказал Портеру:

– Должно быть, Седой услышал об этом происшествии в Миннесоте.

Он произнес в трубку несколько слов, потом сидел слушал. Человек на том конце линии говорил быстро и возбужденно.

Наконец президент сказал:

– Ну хорошо. Давайте не будем паниковать. Если появится что-нибудь новое, дайте мне знать. – Он положил трубку и повернулся к Портеру. – Он в это верит. Ему позвонил кто-то из Национальной гвардии Миннесоты. Сказал, что штуковина опустилась и села. Это не авария, а приземление. Она еще там, размером с порядочное здание, совершенно черная, похожа на большой ящик.

– Интересно, – сказал Портер. – Все называют ее большим ящиком.

– Дейв, – спросил президент, – что мы предпримем, если окажется, что это на самом деле пришелец из космоса?

– Будем импровизировать, – ответил Портер. – Будем действовать по обстоятельствам. Только не паниковать и не дергаться.

– Позарез нужны факты. И срочно.

– Конечно. Кое-что мы узнаем из информационных телеграмм. Надо забросить туда исследовательскую группу, и как можно скорее. Связаться с ФБР в Миннеаполисе.

– Район надо оцепить, – добавил президент. – Нельзя допустить, чтобы туда хлынули толпы любопытных. – Он нажал кнопку внутренней связи. – Грейс, дайте мне губернатора в Сент-Поле. – Потом посмотрел на Портера. – Чего я боюсь, так это паники.

Портер взглянул на часы:

– Через час, даже меньше, пойдут первые вечерние информационные программы по телевидению. Может быть, уже сейчас дают экстренные сообщения. Новость разлетится очень быстро. У меня, наверное, все телефоны трезвонят. Всем нужно знать реакцию Белого дома. Хотя они сами, наверное, знают больше нас.

– Маршия еще там?

– Она чуть не ушла, но теперь наверняка там. И не уйдет, на нее можно положиться, профессионал.

– Нам может понадобиться какое-нибудь заявление.

– Пока нет, – сказал Портер. – Не надо торопиться, не будем стрелять навскидку. Надо сначала узнать побольше...

– Надо сказать что-нибудь людям. Чтобы они знали: мы делаем все возможное.

– Сейчас им будет не до нас, – сказал Портер. – Их пока будет интересовать не то, что делаем мы, а что происходит там. Слишком ошеломляющая новость.

– Может быть, собрать брифинг?

– Может быть. Если к утру будет что сказать. Если я правильно понял, об этом непонятном объекте никто не знает, кроме Уайтсайда и нас с вами. Ну и наблюдатели, разумеется; но они болтать не станут.

– Все равно это станет известно, – сказал президент. – Рано или поздно все вылезает.

– Я бы хотел, чтобы люди узнали о происшедшем от нас, – сказал Портер. – Ни к чему создавать впечатление, будто мы что-то утаиваем. Об этом уже много лет кричат поклонники НЛЮ. Что от них информацию засекречивают.

– Согласен, – сказал президент. – Наверное, лучше, чтобы ты созвал брифинг. Иди и начинай. А потом приходи назад. У меня могут быть люди, но ты заходи сразу, как только освободишься. К тому времени может появиться еще какая-нибудь информация.

Глава 5

Лоун-Пайн

Рыба куда-то пропала. Кролик ускакал было в темноту, а теперь возвращался, осторожно, не спеша, пригнувшись. «Бедный кролик озадачен, – подумал Джерри, – наверное, размышляет, куда он попал и что за лужайка такая странная». Енот пытался раскопать пол, шумно нюхал его... Ондатра исчезла.

Джерри уже предпринял осторожное исследование, стараясь не слишком удаляться от того места, куда его забросило, чтобы иметь возможность возвратиться. Однако он ничего не обнаружил. Стоило приблизиться к одной из теней, что возникала в мерцающем свете, – и тень тут же исчезала, отодвигаясь от него и растекаясь по плоскому полу. Он присмотрелся к кругляшам, которые принял за глаза. Поначалу ему показалось, что они расположены на какой-то стене, но теперь выяснилось, что это не так: они словно висели в воздухе. Он попробовал коснуться их рукой – не получилось. Рука прошла насквозь, ничего не ощутив при этом, а «глаза» по-прежнему висели, излучали все тот же мягкий свет и следили за ним.

Джерри показалось, что он видит немного лучше; быть может, потому, что глаза уже привыкли к слабому неровному освещению.

Несколько раз Джерри пытался заговорить. С кем – он и сам не знал. Но ощущал чье-то невидимое присутствие. Однако никакого ответа не было. Не было ни малейшего признака, что его услышали, что кто-нибудь или что-нибудь вообще знает о его присутствии. Вот только это чувство, что за тобой непрерывно следят... У него не было ощущения, что предполагаемый наблюдатель враждебен, угрожает чем-то, – любопытствует, не более. Загадочный запах не исчезал, но он уже успел привыкнуть и почти не обращал внимания на него.

Как ни странно, страха он больше не испытывал и дурные предчувствия оставили его. Вместо них пришли фаталистическое оцепенение и удивление, что такое могло произойти. «Почему, – спрашивал он себя, – это невероятное происшествие случилось именно со мной?» Время от времени он вспоминал о Кэти и концерте, но изменить что-либо был не в силах, и тогда эти мысли вытеснялись более насущными, о его нынешнем положении.

Временами он ощущал какое-то движение, словно вся конструкция, ставшая его тюрьмой, куда-то перемещалась. Пару раз она закачалась и задергалась, будто пришла в движение. Однако Джерри остался спокоен. «Вероятно, – думал он, – это просто реакция организма на непривычные условия».

Но самое главное, он не мог определить, что это – конструкция или организм? Это было непонятно как в тот момент, когда «оно» свалилось с неба, так и теперь. Может быть, это машина, запрограммированная на приспособление к любым условиям и ситуациям. Но что-то в ней казалось живым. Он не знал почему, но инстинктивно чувствовал.

Несмотря на то что никаких доказательств не было, Джерри все больше и больше утверждался в мысли, что за ним наблюдает живое существо, некий разум. Едва приземлившись, пришелец из космоса тут же начал исследовать жизнь на незнакомой планете; человек, кролик, рыба, енот, ондатра... Джерри не сомневался, что по этим пяти экземплярам можно получить какую-то предварительную информацию, а может быть, даже общее представление о принципах эволюции земной жизни.

«Да, „оно“ живое, – решил он. – Огромный черный ящик – живое существо». Почему он так решил, он и сам не знал; такая убежденность показалась ему странной. Он пытался разобраться, откуда это пришло, – и вдруг словно чей-то голос прозвучал, точно в мозгу сверкнула молния прозрения – пришло и новое знание: «это» похоже на дерево. «Да, – подумал он, – в нем ощущается то же самое, что я чувствую в любом дереве». Мысль была нелепой, черный ящик не имел ничего общего с деревом, но ощущение не проходило: штукавина, в которую он попал, чем-то похожа на дерево.

Он постарался избавиться от этой мысли, выкинуть ее из головы – уж больно дурацкой, даже сумасшедшей она казалась, – но не смог. Мало того, к ней присоединилась еще одна, тоже ниоткуда: какая-то расплывчатая мысль о доме. Что означала сия новая идея, он не понимал. Значит ли это, что здесь он дома? Такое предположение возмутило его. Ну уж нет! Что угодно, только не дом.

Он стал размышлять, каким образом возникла такая странная мысль. Может быть, некая чужая жизнь – если это жизнь – пытается связаться с ним? И внушает ему разные представления, пытаясь навести мост между разными интеллектами? Если дело обстоит так – а в это трудно было заставить себя поверить, – что имел в виду пришелец? Какая связь между деревом и домом? На что «оно» рассчитывает, внушая такие идеи? Какие ассоциации ему нужны?

Размышляя, он заметил, что все больше и больше свыкается с мыслью, что черный ящик – пришелец из космоса, причем не только живой, но и разумный.

Почва для такого предположения была подготовлена давно. Уже много лет говорили и писали о том, что в один прекрасный день на Земле может появиться какой-нибудь представитель внеземной цивилизации; гадали, что произойдет при этом, какова будет реакция серой, безграмотной толпы. Так что идея была не нова; за долгие годы она успела овладеть общественным сознанием.

Прыг, прыг... кролик приблизился вплотную. Прижавшись к полу, вытянул шею и понюхал носки болотных сапог. Енот прекратил свои попытки расковырять пол и вразвалочку убежал. Ондатра не возвращалась.

«Братья наши меньшие, – подумал Джерри, – братишки мои, попали вы вместе со мной в утробу к этому чужому существу, которое считает нашу Землю чужой планетой – и вот изучает нас...»

Внезапно что-то обвилось вокруг него. Его оторвало от пола и швырнуло в стену, но он не ударился о нее. В стене приоткрылась щель, и он вылетел наружу.

Теперь он падал. В темноте почти ничего не было видно, но он различил под собой что-то темное и закрыл лицо руками. Он рухнул на дерево; ветви торчали кверху, но оказались гибкими и смягчили падение. Он вытянул одну руку, пытаясь за что-нибудь ухватиться, а дру-

гой по-прежнему закрывал лицо. Под руку попалась какая-то ветка, он схватился за нее, но она согнулась. Тогда он вытянул другую руку, уцепился за толстый сук и смог удержаться.

Какое-то время Джерри висел, раскачиваясь, на суку и жадно вдыхал знакомый аромат соснового леса. Дул несильный ветер, и вокруг слышалось нежное шептание хвои.

Он был счастлив: наконец-то ему удалось выбраться из этой штуковины. «Хотя, – подумал он, – „выбраться“ – это совсем не то слово». Ведь его попросту выкинули. Они – или оно – взяли от него все, что было нужно, и вышвырнули его вон. Наверное, еще раньше точно так же выкинули рыбу, а скоро выкинут и всех остальных: кролика, енота и ондатру.

Глаза немного привыкли к темноте, и он осторожно пополз по суку к стволу дерева. Обхватив ствол руками и ногами, он решил немного отдохнуть. Ветви были так густы, что Джерри не имел ни малейшего представления, на какой высоте находится, земли не было видно. «Не очень высоко, – подумал он, – ведь я падал из ящика высотой около сорока футов, еще сколько-то пролетел по воздуху, пока не свалился на дерево».

Он начал медленно спускаться. Это оказалось нелегко, особенно в темноте, приходилось пробираться между многочисленными ветвями. «Дерево, – решил он, – не слишком большое, невысокое. Ствол около фута в диаметре, хотя книзу становился потолще».

Наконец он коснулся ногами чего-то твердого, от неожиданности колени у него подогнулись. Он пощупал ногой поверхность, чтобы убедиться, что это на самом деле земля, потом отпустил ствол и стал пробираться сквозь чащу.

Он пытался увидеть хоть что-нибудь, но темнота была слишком густая. Он помнил, что оставил машину где-то рядом, недалеко от дороги, и очень удивился, даже испугался, обнаружив, что понятия не имеет, куда идти.

Он прошел чуть-чуть, надеясь выбраться на открытое место, где можно было бы хоть что-нибудь увидеть. Но не прошел и нескольких футов, как снова запутался в ветвях какого-то дерева. Попробовал в другом направлении – то же самое. Он припал к земле и стал всматриваться вверх, надеясь разглядеть очертания штуковины, упавшей с неба, но ничего не увидел.

Он подумал, что отсюда должны быть видны огни городка. Но как ни старался, не заметил ни единого огонька, хоть Лоун-Пайн не мог быть далеко. Он решил сориентироваться по звездам – но их тоже не было: то ли небо затянуло, то ли лес был слишком густой.

«Боже, – подумал он, – это ж надо заблудиться в лесу в какой-нибудь миле от города! Какой-никакой, но все-таки город...» А он сидит тут, скрючившись от холода, и не знает, куда идти.

Стало холодно. И к утру еще похолодает, так что ночевать в лесу, дожидаясь рассвета, – удовольствие небольшое. «Можно было бы разжечь костер», – подумал он, но вспомнил, что у него нет спичек. Он не курил, а потому никогда не носил с собой спички. «Однако холод – это еще не все, – сказал он себе. – Надо как-то добраться до телефона, и как можно скорее. Надо позвонить Кэти и объяснить, что меня задержало. Она там, наверное, с ума сходит».

Он вспомнил правило для заблудившихся: двигайся под уклон. Двигаясь под уклон, обязательно доберешься до какой-нибудь воды, а вода рано или поздно приведет к людям. Отсюда он может выйти к реке, а по берегу реки – на дорогу. Или можно попробовать перебраться через реку – тогда он окажется совсем рядом с Лоун-Пайном. В этом было мало привлекательного – реку он не знал, и попытка может оказаться опасной, если он попадет в омут или на стремнину.

А вдруг он сможет найти штуковину, в которой сидел? Если это удастся, можно найти дорогу, ведущую к мосту. Да, но реку все равно не удастся перейти, ведь моста больше нет. А может быть, это чудо так и лежит на мосту? Ему казалось, что он ощущает ее присутствие, но он не был в этом уверен.

«Я должен быть совсем рядом с этим ящиком», – подумал Джерри. Его не могло выкинуть оттуда слишком далеко. Он был твердо уверен, что ящик где-то совсем рядом, не дальше тридцати футов.

И он пошел – точнее, попытался пойти. И никуда не пришел. Он наткнулся на деревья, путался в ветвях и кустарнике, спотыкался о валежник... Он не мог пройти в одном направлении больше нескольких футов. Он совершенно заблудился и понятия не имел, где находится.

Устав от бесплодных попыток, он сел на землю, прижавшись спиной к стволу ели. Ее нижние ветви росли совсем рядом с землей, и он сидел, словно в низкой палатке. «Боже, – подумал он, – никогда бы не поверил, что можно так заблудиться в темноте».

Отдохнув немного, он встал и снова двинулся наугад. Временами он спрашивал себя: не пора ли бросить это бесполезное занятие, устроиться где-нибудь под елью и дожждаться рассвета? Но не мог заставить себя сделать это: ведь каждая попытка могла оказаться счастливой... Вдруг он найдет черную штуковину, или дорогу, или что-нибудь еще, что подскажет ему, где он находится.

И тут он обнаружил тропинку. Он не рассчитывал найти тропинку, но это было лучше, чем ничего, и он решил держаться ее. Тропинка – или чей-то след – наверняка выведет его куда-нибудь, если только он не потеряет ее в темноте.

Он не увидел тропинку, а нашел ее случайно, когда, споткнувшись обо что-то, упал прямо на нее. Лесная дорожка была утоптанной – он убедился в этом, ощупав ее руками. По обе стороны плотно росли деревья и кусты.

Был единственный способ не потерять тропу – двигаться по ней на четвереньках, все время нащупывая руками. Джерри так и сделал: он медленно пополз по ней на четвереньках, не зная, где находится и куда идет.

Глава 6

Лоун-Пайн

– Я не знаю, где они, Джонни, – говорил в телефон Фрэнк Нортон. – Они не появлялись. Ты сказал – в шесть, и я с тех пор жду их. Может быть, пробка на дороге?

– Какого черта? – заорал Гаррисон. – С каких это пор у вас появились пробки на дорогах?

– Хуже, чем в день открытия рыболовного сезона, – ответил Нортон. – После того как радио и телевидение дали экстренные сообщения, все бросились к нам. Дороги, ведущие в город, забиты машинами. Полиция пытается заблокировать нас, и патрулям приходится нелегко.

– Сейчас уже поздно фотографировать, – сказал Гаррисон. – Так ты говоришь, эта штуковина куда-то поехала?

– Совсем недавно. Двинулась через мост по дороге, что ведет в лес. Сейчас уже темно. Нет никакой возможности хоть что-нибудь отснять. Но я сделал несколько снимков, пока она еще была здесь.

– У тебя есть снимки? Так какого черта ты молчишь?

– Джонни, их немного. И не такие, как получились бы вашими камерами, профессиональными. Обыкновенный туристский аппаратик. Я отснял две пленки, но не уверен, что там есть на что посмотреть.

– Послушай, Фрэнк! Есть ли какая-нибудь возможность переправить пленки нам? Ты вообще согласен продать их мне?

– Продать? Если они тебе нужны, Джонни, они твои. Я хотел бы только получить несколько фотографий, вот и все.

– Не валяй дурака, – сказал Гаррисон. – Эти пленки стоят денег. Больших денег. Если ты отдашь нам пленки, я пришлю тебе отсюда все, что только можно привезти. Есть ли воз-

возможность доставить их? Быть может, кто-нибудь согласится смотаться к нам на машине? Я не хочу, чтобы ты сам срывался с места. Мне бы хотелось, чтобы ты оставался там, пока не появятся Кэти и Чет.

– Тут есть паренек, который работает на заправочной станции. У него мотоцикл. Он довезет быстрее, чем кто-либо другой, если только не свернет себе шею по дороге.

– Ему можно доверять?

– Абсолютно, – сказал Нортон. – Он у меня иногда работает, разные поручения выполняет время от времени. Мы с ним друзья.

– Скажи ему, что, если он привезет нам пленки до полуночи, получит сотню. Мы придержим выпуск, чтобы фотографии пошли в утренних газетах.

– По-моему, сейчас парнишка как раз на заправке. Я с ним свяжусь. Он найдет кого-нибудь – или я найду, – чтобы его подменить. Да, черт подери, я сам его подменю, если надо будет.

– А газетчики в городке не появлялись? Или ребята с телевидения?

– Не думаю. Телевизионщиков я бы увидел. Дулут наверняка кого-нибудь послал, и когда они появятся, скорее всего меня будут искать. Но пока никто не показывался. Дорожная полиция нас надежно заперла, в город удалось пробраться не многим. В основном тем, кто побросал свои машины на шоссе возле постов и пришел пешком, но сейчас подходят все новые. Дороги забиты машинами. Так что в этой ситуации мотоцикл даже лучше машины. Паренек, о котором я говорил, и по кювету поедет, даже по полю, если надо будет.

– Так ты это сделаешь?

– Сразу же. Если не найду того парня, то пошлю кого-нибудь другого. Только одно, Джонни. Как население воспринимает это происшествие?

– Пока не знаю, – сказал Гаррисон. – Слишком рано. Я послал своего человека поговорить с людьми. В барах, у театральных входов, просто на улицах – узнать, что они думают об этом. Он собирает материал для очерка о реакции первого встречного. А почему ты спрашиваешь?

– Мне звонили из Вашингтона. Начальник штаба сухопутных сил, так он сказал. Назвался, но имя я не расслышал. Однако генерал. Это я слышал точно.

– Пока реакция Вашингтона неизвестна, – сказал Гаррисон. – Им нужно время, чтобы сориентироваться. Ты все-таки считаешь, это может быть чем-нибудь из космоса?

– Оно сдвинулось с места и поехало, – сказал Нортон. – Перебралось через реку и заехало в лес, довольно далеко. Может быть, оно живое, или очень сложная, совершенная машина, или машина, управляемая каким-то интеллектом. У нас здесь никто не сомневается. Все уверены, что это пришелец из космоса. Тебе самому надо было бы увидеть, Джонни. Если бы увидел, тоже поверил бы.

Дверь в комнату отворилась, и на пороге показалась незнакомая женщина, за ней следовал мужчина, увешанный фотографическим снаряжением.

– Минутку, – сказал Нортон. – Кажется, это твои. Только что вошли. – Он обратился к женщине: – Вы Кэти Фостер?

Кэти кивнула.

– А вот этот навьюченный парень – Чет Уайт, – сказала она.

– Фрэнк, – позвал Гаррисон.

– Да?

– Дай мне поговорить с Кэти, будь добр.

– Конечно, – сказал Нортон. – А я займусь пленками. – Он протянул Кэти трубку. – Джонни на проводе.

– Вы что-то сказали про пленки? – спросил Чет.

– Ага. Я тут две пленки успел отщелкать, пока эта штуковина не уехала за мост. Пока ее еще было видно.

– Так ее больше нет?! – взвыл Чет.

– Она укатила. Через мост и по дороге в лес. К ней сейчас не добраться. И слишком темно, чтобы рассмотреть отсюда.

– Вы посылаете пленки Джонни?

– У меня тут есть человек с мотоциклом. Он их отвезет.

– Это хорошо, – сказал Чет. – На машине не пробраться. Черт бы побрал ваши дороги. В жизни не видел такого столпотворения. Пришлось идти пешком мили две, наверное, не меньше. А машина где-то там осталась.

– До скорого! – сказал Нортон, выскакивая за дверь.

Тем временем Кэти говорила по телефону:

– Джонни, это ужасно! Все стараются попасть сюда. Полиция не пропускает. Машин скопилось столько...

– Ладно, – сказал Гаррисон. – Вы добрались. Там и оставайтесь. Раздобудьте, что сумеете. Поговорите с людьми, узнайте их впечатления. Как принял это город? Что это такое, по их мнению? Ты знаешь, что нам нужно.

– Джонни, Джерри не звонил?

– Какой Джерри?

– Черт возьми, Джонни, я же говорила тебе перед отъездом! Джерри Конклин, я с ним должна была встретиться сегодня. Я же все тебе объяснила.

– Теперь вспомнил. Извини. Я сейчас спрошу, подожди минутку.

В трубке было слышно, как он орал: «Кто-нибудь говорил по телефону с парнем по имени Джерри Конклин?! Приятель Кэти». Ему что-то отвечали, но Кэти не разобрала. Гаррисон взял трубку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.